МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

УЩЕРБ ТЕЛА

18+

«Этот роман сбивает с ног. Маргарет Этвуд удается буквально все: люди, места, проблемы. Совершенный слух и голос без намека на фальшь».

THE NEW YORK TIMES

Ущерб тела

Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Ущерб тела
I
II
III
IV
V
VI
Благодарности

Аннотация

Жизнь Ренни, молодой журналистки, дала трещину, когда у нее диагностировали рак. Чтобы восстановиться после тяжелой болезни, она отправляется на маленький карибский остров, где должна собрать материал для статьи. Однако с виду райский Сент-Антуан оказывается в шаге от революции. И хотя Ренни избегает политики, зарождающийся роман затягивает ее в воронку страстей, где смешиваются, как в тигле, тяга к любви и к власти.

Маргарет Этвуд
Ущерб тела

Посвящается
Дженнифер Рэнкин (1941–1979).
А также Грейми, Джеймсу и Джону

Присутствие мужчины предполагает, что́ он способен совершить по отношению к тебе. Напротив, присутствие женщины… определяет, что может или не может быть совершено по отношению к ней.

Джон Бёрджер. Искусство видеть

Margaret Atwood
Bodily Harm

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1982 by O.W. Toad Ltd.
© Финогенова А., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

I

— Так я оказалась здесь, — сказала Ренни.

Это произошло на следующий день после ухода Джейка. Домой я возвращалась около пяти вечера. Я заходила на рынок, поэтому у меня в руках кроме сумочки была корзина с покупками. Теперь, когда Джейк исчез с горизонта, таскать приходилось не слишком много, кроме того, у меня побаливали мышцы левой руки — я забросила предписанные упражнения. Деревья вдоль улицы сменили окрас, на тротуар падали листья, желтые и коричневые, а я думала: «Что ж, все не так плохо — я все еще жива».

Мой сосед, старик-китаец — его имени я не знала — убирался в переднем дворике. Мой дворик был выложен плиткой, чтобы можно было ставить машину. Это означало, что наша улица скорее дорожает, чем дешевеет, и через пару лет мне придется съехать; впрочем, я перестала мыслить годами. Сосед уже выкорчевал мертвые растения и теперь сгребал землю граблями в овальную клумбу. Весной он посадит растения, названия которых мне неведомы. Помню время,

когда я думала: «Если ты вообще собираешься жить, самое время выучить названия».

Я не заметила их «Круизер», они припарковали его, как обычную машину, безо всяких мигалок, да еще за пару домов, и я просто не обратила внимания. Здесь полицейская машина — лишь часть пейзажа, в отличие от северных районов.

Входная дверь была открыта; впрочем, в такой теплый день такое в порядке вещей. Соседка с первого этажа — не домовладелица, но с характерными повадками — держит кошек или кого-то в этом роде и часто оставляет входную дверь приоткрытой, чтобы те могли выходить на улицу из квартиры через маленькую дверцу. «Кошачий тоннель» — называет ее Джейк; то есть называл.

Моя дверь на верхнем этаже тоже была открыта. Внутри кто-то был — мужчины, они разговаривали, смеялись. Я не могла представить, кто это мог быть, точно не Джейк, но было ясно, что им не важно, услышат их или нет. Ключ по-прежнему лежал под ковриком, где я его оставила, зато дверной косяк в одном месте был поврежден, замок буквально выворочен. Я вошла в гостиную, заставленную коробками с книгами, которые Джейк упаковал, но еще не успел забрать. Все стояло на своих местах. Через дверь

на кухню я увидела их ноги, ботинки начищены, брюки выглажены.

За столом сидели двое полицейских. Мгновенный ужас: опоздала в школу, застукали на лестнице в корпусе мальчиков, вообще — застукали. Единственное, что пришло мне в голову, — они нашли косяк; но ящики не выдвинуты, а банки с чаем и кофе на привычных местах. Потом я вспомнила, что Джейк унес все припасы с собой. А что? Его право. Да и вообще сейчас это как-то меньше всех волнует, все покуривают, даже полицейские, это уже почти легально.

Младший из них поднялся, второй остался сидеть. Сидел и улыбался мне с таким видом, словно я пришла сюда на собеседование.

— Вы мисс Уилфорд? — спросил он. Ответа он не ждал. — Вам здорово повезло.

У него была крупная голова, а волосы стрижены ежиком и уложены в панковский ирокез, но выглядел он старомодно, как привет из пятидесятых: отсутствовали зеленые «перья».

— Почему? Что случилось? — спросила я.

— Соседи у вас — сказка, — сказал молодой. Он был похож на учителя физкультуры в школе или на баптиста — лет двадцати двух, честный, серьезный. — Например, женщина снизу. Это она

нам позвонила.

— Был пожар? — спросила я. Никаких признаков. Ни малейшего запаха гари.

Старший рассмеялся. Второй нет.

— Нет, — сказал он. — Она услышала шаги наверху, но знала, что вас нет дома, — видела, как вы ушли, и не слышала, чтобы кто-то поднимался по лестнице. Он проник через окно в кухне.

Я поставила корзину на стол. Потом пошла посмотреть на окно — оно было приоткрыто на пару футов. Белая краска частично содрана.

— Это можно сделать с помощью финки, — сказал он. — Советую поставить специальные замки. Он услышал нас и ушел так же, через окно.

— Он что-то украл? — спросила я.

— Это вы нам скажете, — ответил старший.

Молодой нервничал.

— Нам не кажется, что это был грабитель, — сказал он. — Он сделал себе шоколадный напиток. Похоже, он просто ждал вас.

На столе стояла кружка с недопитой коричневой жидкостью. Меня затошнило от мысли: абсолютно незнакомый человек в моей кухне, открывает мой холодильник, шарит по шкафчикам, может, напевает себе под нос, словно у себя дома; словно он здесь — свой.

— Зачем? — говорю я.

Старший полицейский поднялся. Он как-то сразу занял всю кухню.

— А вы посмотрите, — сказал он, упиваясь важностью своего положения. — Он оставил для вас подарок.

Он прошел мимо меня через гостиную в спальню. Хорошо, что я утром заправила постель: в последнее время я часто ленилась.

На стеганом покрывале лежал аккуратно свернутый моток веревки. Самая обыкновенная веревка, ничего шокирующего. Светло-бежевая, средней толщины. На такой удобно развешивать белье.

Мне вспомнилась игра, в которую мы играли в детстве, — то ли «сыщик», то ли «улика». Нужно было угадать, кто это: мистер Грин в подвале, с разводным ключом; мисс Плам в кухне, с ножом. Вот только я не могла вспомнить, имя на конверте принадлежало убийце или жертве. И мисс Уилфорд в спальне, с веревкой.

— Он просто ждал тут вас, — повторил младший полицейский за моей спиной.

— Попивая овалтин[1], — сказал старший. Он

---

[1] Примечания: 1

Популярный швейцарский солодовый напиток.

смотрел на меня с высоты своего роста почти с восторгом, как взрослый, только что сказавший непослушному ребенку с разбитой коленкой «я же тебя предупреждал».

— Так что вам повезло, — сказал молодой.

Он прошел в спальню и взял веревку с кровати, осторожно, словно заразную. Я увидела, что он старше, чем показалось мне сначала: вокруг глаз у него собрались тревожные морщинки.

Старший распахнул шкаф, небрежно, как будто имел полное право. Там все еще висели два костюма Джейка.

— Вы ведь одна живете? — спросил он.

Я сказала, что да.

— Ваши картины? — спросил старший, ухмыляясь.

— Нет, — сказала я. — Моего друга.

Это были картины Джейка, он должен был увезти их.

— Понятно, что за друг, — сказал старший.

— По всей видимости, он наблюдал за вами какое-то время, — заметил младший. — И, видимо, знал, когда вы возвращаетесь домой. Есть идеи, кто это может быть?

— Нет, — ответила я.

Мне захотелось сесть. Я подумала, не предло-

жить ли им пива.

— Маньяк, — произнес старший. — Если бы вы знали, что за типы разгуливают на свободе, вы бы носу из дому не казали. Вы закрываете шторы, занавески в ванной, когда моетесь?

— У меня нет штор в ванной, — ответила я. — У меня ванная без окна.

— Вы закрываете шторы в спальне, когда раздеваетесь на ночь?

— Да, — сказала я.

— Он вернется, — произнес младший. — Такие всегда возвращаются.

Но старший не отступал.

— У вас часто остаются мужчины? Разные мужчины?

Он хотел сказать, мол, сама виновата — невольно, конечно, небольшая оплошность, провокация. Сейчас начнет поучать меня, рассуждая о замках, о жизни в одиночестве, о безопасности.

— Я закрываю шторы. У меня не остаются мужчины. Я выключаю свет. И раздеваюсь сама. В темноте.

Старший ухмыльнулся, мол, знаю я этих одиночек, и я вдруг разозлилась. Я расстегнула блузку, вытащила из рукава левую руку и спустила с плеча лямку лифчика.

— Э, какого черта? — сказал старший.

— Хочу показать, чтобы вы мне поверили, — ответила я.

* * *

В Барбадосе будет двухчасовая остановка, по крайней мере, ей так сказали. Ренни нашла в тамошнем новехоньком аэропорту с фоновой музыкой женский туалет, где сняла теплую одежду и переоделась в летнее платье. Она рассматривает в зеркале свое лицо, нет ли тревожных признаков. Вот честно, она выглядит прекрасно и совершенно нормально. Платье на ней нежно-голубое, лицо не слишком бледное, макияжа ровно столько, чтобы не казаться странной — постаревшей хиппушкой или одной из секты плимутских братьев[2], например. Именно о таком впечатлении она и мечтает — о нейтральности; это необходимо ей в работе, как она часто повторяла Джейку. Невидимость.

— Ну попробуй! — повторял Джейк во время одной из его «кампаний» по ее изменению. — Что там было в тот раз? Да, рубиновый атлас, тонкие лямочки со стразами. Заяви о себе!

---

[2] Примечания: 2

Консервативная религиозная группа направленности.

— Заявления делают другие, — сказала я. — Я лишь записываю.

— Это отговорка, — говорил Джейк. — Если тебе есть что показать — так вперед!

— Видит бог, в этом весь ты, — сказала Ренни.

— Умеешь ты поставить на место, — сказал Джейк, скалясь и показывая в улыбке зубы — идеальные, не считая чуть удлиненных резцов.

— Тебя невозможно поставить на место, — ответила Ренни. — За это я и люблю тебя.

В туалете была сушилка для рук, которая обещала защиту от заразы. Инструкции были на французском и английском, сделано в Канаде. Ренни моет руки и сушит их в сушилке. Она обеими руками за защиту от заразы.

Она думает о том, что оставила позади, что отменила или не потрудилась отменить. Что касается квартиры, она просто заперла дверь на блестящий новый замок и ушла прочь, ведь теперь ей нужно было рвануть куда подальше. С каждым днем все проще, посуда в раковине лежит две, три недели, подумаешь, небольшая стопка, она уже почти избавилась от чувства вины; и очень скоро избавится навсегда.

Ренни повезло, что она знает лазейки — умеет порой увиливать от реальной жизни; большин-

ство не умеет. Она ничем не связана, это тоже преимущество. И хорошо, что она умеет быть гибкой, это помогает знакомиться с людьми, например так было с Кейтом. Он недавно перешел в «Вайзор» из «Торонто-лайф». Он ее знакомый, а это совсем не то, что друг. Пока Ренни лежала в больнице, она поняла, что большинство ее друзей на самом деле лишь знакомые.

— Я хочу куда-нибудь в теплое и далекое место, — сказала она.

— Сходи в «Кафе во дворике», — ответил Кейт.

— Я серьезно, — сказала Ренни. — Моя жизнь пошла наперекосяк. Мне нужно… просто позагорать.

— Хочешь написать горячий материал про Карибы? Так все хотят.

— Нет-нет, никакой политики, — сказала она. — Я сделаю тебе отличную статью в рубрику «солнце — море», винные карты, теннисные корты, всё как ты любишь.

— В последний раз ты отказалась писать статью на мою тему, — заметил Кейт. — Кроме того, ты только что вернулась из Мексики.

— Это было в прошлом году, — сказала она. — Ну брось, мы же старые друзья! И мне правда нужно на время уехать.

Кейт вздохнул и согласился. Пожалуй, чересчур быстро. Обычно он торговался дольше. Наверное, слышал о ее операции; возможно даже знал, что ее бросил Джейк. У него был такой немного жалостливый взгляд, как будто он хочет что-то для нее сделать, вроде как подать на бедность. Ренни ненавидит жалость.

— Не задарма, конечно, — сказала она. — Я ведь не то чтобы бесполезна.

— Выбери остров, — ответил Кейт. — Только такой, про который мы не писали. Может, вот этот? Один мой друг оказался там, по стечению обстоятельств. Говорит, совсем не туристическое место.

Названия Ренни никогда не слышала.

— Вот и отлично! — ответила она.

Обычно она готовилась заранее, но на этот раз времени совсем в обрез. Она летит «вслепую». Ренни укладывает вещи в чемодан, засовывает колготки во внешнее отделение со встроенными часами. Потом идет в ресторан, там плетеная мебель, и заказывает джин с тоником. Она не смотрит на море вдали, пронзительно-голубое до неправдоподобия.

Ресторан полупустой. Несколько одиноких женщин, компании подружек, две-три семьи.

Одиноких мужчин нет. Одинокие мужчины, как правило, идут в бар. Еще она узнала, с тех пор как ушел Джейк, что, если слишком долго оглядывать зал несколько отстраненным взглядом, характерным для женщин, которые пришли без компании, но не прочь в ней оказаться, один из одиноких посетителей может к ней присоединиться. Поэтому она смотрит на свои руки и на кубик льда в бокале, который, впрочем, мгновенно тает, несмотря на работающий кондиционер.

Подойдя к выходу на посадку, Ренни узнаёт, что самолет задерживается. Она начинает бродить между киосков с сувенирами: черные вязаные куколки ручной работы, портсигары и ручные зеркальца, украшенные ракушками, ожерелья из акульих зубов, надутая и высушенная рыба-еж. Рядом миниатюрный оркестр духовых, с музыкантами-жабами, пришпиленными к коряге. Приглядевшись, она видит, что жабы настоящие, то есть это их раскрашенные чучела. Было время, когда бы она точно купила эту жуть и подарила кому-нибудь, в шутку.

* * *

Ренни родом из Гризвольда, провинция Онтарио. Гризвольд — это ее «контекст», как принято

говорить. Хотя это скорее не контекст — живописные викторианские домики, деревья в осеннем убранстве на холме в отдалении, — а *под*текст, нечто, чего не видно, но что безусловно присутствует, наполненное выщербленными древними камнями, закопанными огрызками, червями и костями — во что не хотелось бы вляпаться. Те, кто в последнее время с такой страстью ищут свои корни, просто никогда не видели их вблизи, любила говорить Ренни. А она видела и предпочла бы какую-нибудь другую часть растения.

Сначала Ренни, чтобы рассмешить друзей, рассказывала анекдоты про Гризвольд. Например: сколько жителей Гризвольда нужно, чтобы заменить лампочку? Весь город: один меняет, десять подсматривают, остальные обсуждают, насколько же грешным нужно быть, чтобы хотеть больше света, чем есть. Или: сколько жителей Гризвольда нужно, чтобы заменить лампочку? Ни одного. Раз свет — проявление божественной воли, кто ты такой, чтобы вмешиваться?

Люди из городов побольше, например Джейк, считают, что есть в Гризвольде этакий примитивный экзотический шарм. Ренни так не думает. Она вообще предпочитает не думать о Гризвольде. Она полагает, что Гризвольд — это понятие, с

которым она себя антиассоциирует.

Впрочем, избавиться от Гризвольда не так-то просто. Например, когда Ренни увидела на своей кровати моток веревки, она знала, что сказали бы в городе: «Вот что случается с такими женщинами», «А чего ты ждала — ты это заслужила». В Гризвольде все получают то, что заслуживают. В Гризвольде все заслуживают худшего.

* * *

Вечером накануне операции Джейк повел Ренни в ресторан, чтобы она развеялась. Она не хотела идти, но знала, что в последнее время была занудой, а она давно, еще в юности, когда ей было чуть за двадцать, поклялась не быть скучной; сдержать эту клятву оказалось труднее, чем она думала.

Ренни была экспертом по скуке; она даже написала статью на эту тему для колонки «Отношения» журнала «Пандора», в которой утверждала, что в этой ситуации задействованы двое, а не один: источник скуки и тот, кому скучно. Смертельных приступов скуки, когда сводит скулы, можно избежать, сместив фокус внимания. *Рассматривайте его галстук, советовала она. Если больше не можете, вообразите коллекцию ушных*

мочек и добавьте туда его мочки; смотрите, как двигается вверх-вниз его кадык. И продолжайте улыбаться. Подразумевалось, что активным началом, источником мощных импульсов скуки выступает мужчина, а пассивным — женщина. Конечно, это было несправедливо, — но какой мужчина будет читать колонку «Отношения» в «Пандоре»? Когда же она писала статьи в мужские журналы вроде «Крузо» или «Вайзор», то давала полезные советы в духе «как прочесть ее мысли». *Если она слишком пристально смотрит на ваши уши или кадык, смените тему*.

Джейк повел ее в «Фентонс» — хотя это было дороже, чем он мог себе позволить; они сели за столик под одним из деревьев внутри зала. Сначала он держал ее за руку, но она чувствовала, что он словно считает себя обязанным так делать, и через некоторое время он отнял руку. Джейк заказал бутылку вина и вынудил ее выпить больше, чем она хотела. Возможно, он думал, что, выпив, она будет не такой скучной, — но хитрость не удалась.

Она не хотела говорить об операции, но ни о чем другом думать не могла. Может быть, все обойдется; а может быть, вскрыв ее, они увидят, что она пронизана и изрешечена заразой

насквозь, что она прогнила изнутри. С большой вероятностью завтра она проснется минус одна грудь. Ренни знала, что должна бы думать о том, как умереть с достоинством, но она вовсе не хотела умирать с достоинством. Она просто не хотела умирать.

Джейк развлекал ее рассказами о разных знакомых, непременно слегка непристойными, обычно ей такое нравилось. Она изо всех сил старалась вникнуть, но вместо этого неотрывно думала о пальцах Джейка: он держал бокал за ножку вроде бы слегка, но при этом костяшки пальцев были мертвенно-белые. У него была привычка никогда не выбрасывать контейнеры из-под продуктов; вот сегодня она взяла с полки коробку хлопьев «Шреддиз», а в ней ничего не оказалось. Как она могла понять, что пора пополнить запасы, если он все время оставлял на полках пустые банки из-под арахисового масла, меда и какао? Ренни сдержалась и промолчала. Она чувствовала, как взгляд Джейка скользит от ее лица вниз, к верхней пуговице блузки; и тут же, словно дойдя до запретной линии, до шлагбаума, снова поднимался вверх. «Да он зациклен на этом», — подумала она.

Они шли домой, обняв друг друга за талию,

будто все еще любили друг друга. Пока Джейк принимал душ, Ренни стояла в спальне перед открытым шкафом и думала, что ей лучше сейчас надеть. У нее было два ночных одеяния — черное, с кружевным полупрозрачным верхом, и красное, атласное, с высокими вырезами по бокам, оба — подарки Джейка. Он любил покупать ей такие вещи. Вульгарные. Чулки с поясом, корсеты, красные бикини с золотыми стразами, «проститутские» лифчики на косточках с уменьшенной чашкой, которые сжимали и приподнимали груди. «Вот она, настоящая ты, — говорил он с иронией и надеждой. — Кто бы мог подумать? Дальше больше: черная кожа и плетки».

Она хотела облегчить ему задачу, помочь поддержать иллюзию, что ничего ужасного с ней не случилось и не случится. Вот оно, ее тело, в зеркале, и выглядит так же, как всегда. Ей не верилось, что через неделю, уже через день одной его части просто не станет. Задумалась, что потом делают с этими частями.

В конце концов она не стала ничего надевать. Она ждала в постели, когда Джейк выйдет из ванной. Он будет пахнуть гелем для душа, кожа влажная, такая гладкая. Раньше ей нравилось, когда он так вот проскальзывал в нее, еще мок-

рый, но сегодня она просто ждала, чтобы прошел определенный отрезок времени, и все — словно в приемной у стоматолога, когда ждешь, что сейчас над тобой что-то совершат. Проведут процедуру.

Сначала он не мог. Все случилось слишком неожиданно; ей сказали, и она сказала ему, что операция уже назначена и займет один день. Она понимала его шок, и отвращение, и как он старался не подавать виду, потому что и сама чувствовала то же самое. Ей хотелось сказать ему: «*Да не старайся ты так*», — не то что ей было трудно, но он бы плохо это воспринял, решил бы, что она издевается.

Он пару раз провел рукой по ее груди, по той самой. И расплакался. Именно этого она сама боялась — что расплачется. Она обняла его, стала гладить по голове.

Потом он занялся с ней любовью, это было болезненно и долго. Она слышала, как он скрипит зубами, словно злится на кого-то. Он отстранялся, ждал, чтобы она кончила. Думал, что делает ей одолжение. А ей претила сама идея, что кто-то делает ей одолжение. Ее тело было вялым, бесчувственным, словно уже под анестезией. Он словно почувствовал это и старался изо всех сил, сжимал, крутился, укусил ее, совсем не нежно,

и проталкивался ей внутрь, отчаянно стараясь пробить барьер ее помертвевшей плоти. В конце концов она сымитировала. Это была еще одна нарушенная клятва самой себе: никогда не имитируй.

* * *

К тому времени, когда объявили посадку, уже стемнело. Они стояли у выхода, человек десять-двенадцать, наблюдая, как садится самолет. Выход назывался так довольно условно: просто проем в бетонной стене с цепью, натянутой поперек. Представители авиакомпании, на вид подростки — девочка цвета кофе с молоком лет шестнадцати и парень в наушниках, не могут решить, у какого из «выходов» встать, так что вся очередь несколько раз металась от одного проема к другому. Мужчина в замызганных очках предлагает ей подержать сумку с камерой, но Ренни вежливо отказывается. Она не хочет, чтобы рядом с ней в самолете вообще кто-то сидел, тем более мужчина в куртке сафари. Ей не нравились куртки сафари, даже когда еще считались приличными. Это был единственный белый мужчина на борту.

Когда наконец цепь снимают, Ренни вместе с

остальными пассажирами идет к самолету, он совсем маленький и подозрительно смахивает на самоделку. Ренни успокаивает себя, в маленьком самолете больше шансов выжить, чем в гигантском аэробусе. У Джейка есть фирменная шутка про самолеты. «На самом деле они неспособны летать, — говорит он, — глупо полагать, что такая громадина из металла вдруг поднимется в воздух; летают они исключительно благодаря иррациональной вере своих пассажиров, и все авиакатастрофы объясняются потерей веры».

«Что бы он сказал, увидев этот драндулет», — подумала Ренни. Совершенно очевидно, что он неспособен оторваться от земли. Сент-Антуан — страна небогатая, они наверняка покупают самолеты у других стран через третьи руки и кое-как латают с помощью скотча и проволоки до тех пор, пока те не разваливаются окончательно и бесповоротно. Это как с перепродажей масла в ресторанах. Ренни не понаслышке знает о перепродаже масла: хорошие рестораны продают использованное масло тем, что похуже, и так далее, пока оно не оказывается во фритюре самых дешевых уличных киосков. Статья Ренни об этой цепной торговле называлась «И познаете Вы Их по Маслу Их». Редактор придумал, не она. Ренни

предлагала «Город жирующий».

Она карабкается по ходящей ходуном металлической лестнице в жаркой темноте, удвоенной жаром, исходящим от самолета. Лямка сумки с камерой врезается ей в плечо и чуть выше левой груди. Шрам снова тянет. В такие моменты она боится посмотреть на себя, боится увидеть кровь, открытую рану, из которой лезет содержимое. Шрам не очень большой для подобного случая; бывает и хуже. Ей еще повезло. Почему же она не чувствует себя счастливицей?

Я не хочу операцию, говорит она. Она одновременно верила в две противоположные вещи: что на самом деле у нее ничего нет — и что она обречена, так зачем тратить время? Она испытывала ужас от мысли, что кто-то — кто угодно — вскроет ее ножом и вырежет кусок, к чему, в сущности, все и сводилось, как бы это ни называли. Ей не нравилась мысль, что ее похоронят по частям, а не всю целиком, слишком уже это напоминало тех женщин, разбросанные части тел которых регулярно находят по оврагам или в зеленых мешках для мусора, в разных местах. Пусть мертвая, но не поруганная. Когда она впервые прочитала это слово, в газете в Торонто, в

восемь лет, она подумала, что надругательство — это нападение на друга. Те, кто так поступает, непристойные люди, сказала ее бабушка. Но поскольку бабушка говорила так практически обо всех подряд, дела это не прояснило. Ренни до сих пор употребляла слово «непристойный» для смеха, когда другие говорили «отстой».

Дэниел, в то время все еще «доктор Луома», взглянул на нее так, словно она его разочаровала: другие женщины, несомненно, говорили нечто подобное. Ренни стало неловко, потому что еще совсем недавно она была уверена, что она такая одна.

— Это необязательно, — ответил он. — Ну, то есть, точнее — вы не обязаны делать операцию. Никто не принуждает вас, это только ваше решение. — Он сделал паузу, давая ей вспомнить, что альтернатива его предложению — смерть. Или — или. Выбор вроде есть, а на самом деле — нет.

* * *

Все утро после планового ежегодного визита к гинекологу Ренни работала над статьей о самодельной бижутерии. «Все можно купить за гроши в вашем ближайшем „Вулворте“, — писала она. —

Купите цепочек для заглушек столько, сколько потребуется, соедините их в одну с помощью этих симпатичных звеньев-капелек и носите как вам вздумается: на запястьях, на шее, на талии, даже на щиколотках, если вам близок образ бедняжки-пленницы. Это последний писк моды с Квин-стрит, — писала она, — дешевая имитация-издевка над настоящими драгоценностями, новая волна. Даже круче, чем новая волна».

На самом деле никакой это был не писк моды. И улица ни при чем — Ренни приметила эти цацки на одной своей подруге, Иокасте, владелице «Оборванки» — магазина секонд-хенд на Питер-стрит, специализирующегося на неправдоподобно уродливой моде пятидесятых — каблучки-рюмочки, велосипедки с тигровым принтом, жесткие бюстгальтеры «сиськи-вперед», тонны блесток и шифона.

Иокаста была под метр восемьдесят и обладала скулами бывшей манекенщицы. Она отдавала предпочтение коротким шубкам из искусственного меха «под леопарда». Постоянные клиентки «Оборванки» были раза в два ее младше и поголовно носили только черную кожу. Волосы они красили в зеленый или ярко-красный, а некоторые брились наголо, оставляя лишь узкий ирокез

посередине. Кто-то носил в ушах булавки. Все они старались подражать Иокасте, которая виртуозно эпатировала своим творчеством-с-помойки и гордилась этим. Витрину магазина она оформляла в стиле «панк для бедных»: в данный момент в детской кроватке чучело ящерицы с моторчиком совокуплялось с воротником из норки, а рядом из горки фальшивых зубов торчала новомодная брошюрка с названием «Как мне спастись?». Однажды она соорудила дерево из курток и порванных презервативов, сбрызнув его красной эмалью и снабдив табличкой: «Национальная неделя любви к беженцам».

— Конечно, это отстой. Ну и что, весь мир отстой! Мне лично по барабану. Я практикую глубокое дыхание, односложные мантры, ем отруби на завтрак. Что поделать, если я — гостья из будущего?

«Иокаста» было ненастоящее имя Иокасты: ее звали Джоан. Она поменяла его в 38 лет; как она объясняла, на что можно надеяться с таким именем? Слишком заурядное. Она не красила волосы в зеленый и не носила в ушах булавки, но имя Иокаста было достойной альтернативой. «Хороший вкус — это смерть», — говорила она.

Ренни познакомилась с Иокастой, когда писала

статью о возрождении Квин-стрит для «Торонто Лайф», про реконструкцию магазинов скобяных изделий и оптовых складов во французские рестораны и модные бутики. Нельзя сказать, что она и вправду считала модный бутик более высокой ступенью по сравнению со складом, скажем, тканей, но уже обладала достаточным опытом, чтобы не высказывать столь негативные суждения в печати. Сначала она думала, что Иокаста лесбиянка (из-за стиля одежды), но потом поняла, что она просто чудачка. Ренни она нравилась, потому что была куда отвязнее, чем могла бы стать сама Ренни, даже теоретически. С одной стороны, она восхищалась этим ее качеством, с другой — понимала, что это опасно, а с третьей — будучи, в конце концов, уроженкой Гризвольда, презирала его.

Иокаста носила самодельные украшения, потому что была бедна, а они стоили дешево. Ей даже не приходилось покупать их, в своих поисках она обходила дамские комнаты ближайших ресторанов. «Я просто отрываю цепочку с заглушкой плоскогубцами, и вуаля!» Но Ренни иногда нравилось писать статьи о трендах, которых на самом деле не существовало, чтобы проверить, удастся ли ей создать какой-нибудь, написав о

нем статью. Она могла поспорить, что через две недели после выхода номера встретит на улице не меньше десяти женщин с цепочками от заглушек вокруг шеи. Подобные «успехи» доставляли ей немного стыдное удовлетворение, частью приятное, частью скорбное: на что только не способен человек, лишь бы не прослыть немодным.

Обычно ее статьи о фальшивых трендах хвалили не меньше, чем о трендах существующих. Даже редакторы «велись», а если и нет, то все равно хвалили, хоть немного, но веря, что рассуждения Ренни в результате подтвердятся — пусть и по прошествии времени. Ведь когда она не сочиняет, то бывает по-настоящему прозорлива: порой кажется, что она способна предвидеть будущее.

«Если бы я могла предвидеть, — сказала как-то Ренни одному из коллег (мужчине, который периодически повторял, что они должны как-нибудь пойти выпить), — думаешь, я б стала тратить время на такую хрень? Цвет губной помады, длина юбок, высота каблуков, пластиковые и позолоченные побрякушки, которые они нацепляют? Я предвижу настоящее, вот и все. Внешнее. Ничего особенного».

Ренни стала большим экспертом по внешнему,

когда впервые выбралась из Гризвольда. («Получив университетскую стипендию; единственным пристойным вариантом уехать из Гризвольда для молодой одинокой женщины, — говаривала она, — был нырнуть в омут головой».) Внешнее определяло, серьезно ли к вам будут относиться; в частности, то, что считалось непреложным дома, более-менее всегда оказывалось нелепым в остальном мире. К примеру, в Гризвольде все были ярыми приверженцами одежды из полиэстера.

Поначалу она смотрела, чтобы подражать. Потом — чтобы *не* подражать. А потом — просто смотрела. Когда профессора-марксисты в колледже или ярые феминистки жестко критиковали фривольность ее специализации, она парировала их нападки цитатой из Оскара Уайльда, мол, только поверхностные люди не заботятся о своей внешности. И тут же со всем тактом предлагала внести в их гардероб определенные изменения, которые значительно улучшат их внешность. Как правило, ее визави были тщеславны и соглашались: никому не хотелось прослыть безвкусным.

Большинство ее знакомых считали, что Ренни далеко обогнала прочих модных обозревателей; она же полагала, что находится в сторонке. Ей так

больше нравилось; она замечала типичную позу ведущих и знаменитостей, что в журнальных фотосессиях, что на рекламных снимках, особенно на сцене. Заискивающая улыбка в 32 зуба, руки в распахнутом жесте, мол, смотрите, мне скрывать нечего, голова откинута назад, горло обнажено, подставлено под нож — предлагают себя, выставляют напоказ. Ренни нисколько им не завидовала. На самом деле ей было за них неловко — за это их неистовое желание, отчаяние — именно так, отчаяние, — даже на гребне успеха. Ради него они были готовы на все: раздеться догола, если другое не сработает, встать на голову, — что угодно в безумной гонке за вниманием. Она предпочитала писать о таких людях, чем оказаться одной из тех, о ком пишут.

Ренни закончила первую редактуру статьи об украшениях, сделанных своими руками, и какое-то время размышляла о названии. В конце концов она забраковала «Скованные братья» в пользу «Цепной реакции». Фотографии будет сделать нетрудно, но это она оставит на усмотрение редакции. Она никогда не снимала для гламура, просто не умела.

В половине двенадцатого домой заявился Джейк — сказал, «для полуденного секса». Она

была только за, ей нравилось, когда он делал ей сюрпризы. В то время он был весьма изобретателен. Мог взобраться по пожарной лестнице и влезть через окно, посылал ей нарочито безграмотные, скабрезные письма, со словами, вырезанными из газет, как бы от психопатов, прятался в шкафу и вдруг набрасывался на нее, изображая извращенца. После первого шока потом это ни капли не пугало ее.

В общем, быстрый секс, потом она сделала сэндвичи с сыром-гриль, и они ели их в постели, что оказалось не так прикольно, как она ожидала, потому что крошки и ошметки сыра сыпались на простыню. Джейк вернулся в офис. Ренни приняла ванну, потому что ее «контекст», который все еще давил на нее, настаивал, что нетактично идти к гинекологу сразу после секса, не приняв ванну.

— Готовы завести малыша? — спросил ее доктор, стандартная шутка, пока он надевал перчатки. — Вы приближаетесь к точке невозврата.

Он говорил так уже шесть лет. А через полчаса ей было уже не до смеха.

Впрочем, по пути домой она продолжала думать в обычном ключе. Можно написать об этом статью. «Рак, который всегда с тобой». Такое

могли взять в «Хоуммейкерс» или «Шатлен». А может, лучше назвать ее «Точка невозврата»?

«Это факт, это случилось с тобой, и ты просто не можешь в это поверить, — начала бы она. — Ты считала себя особенной, и бац, ты просто часть статистики…»

Умирать — это вульгарно, кто бы спорил. Но в какой-то момент это станет трендом среди большинства ее знакомых. Может, она просто опережает свое время.

* * *

В самолете разносят теплый имбирный эль в бумажных стаканчиках и сэндвичи, завернутые в пленку. Они представляют собой два ломтика белого хлеба, смазанных маслом, с тонким кусочком ростбифа внутри. Ренни выуживает салат: она бывала в Мексике и слышала про амебную дизентерию.

Сиденья жесткие и покрыты шершавым темно-малиновым плюшем, как в антикварных автобусах. Стюардессы, целых две — одна с вытянутыми волосами, зачесанными наверх, как у пин-ап девушек, вторая с африканскими косичками, украшенными бусинками в растафарианском стиле, обе в униформе цвета фуксии с малюсень-

кими белыми фартучками. Они разгуливают по салону взад-вперед на высоченных каблуках, в туфлях с открытым мыском и многочисленными ремешками, кричаще-красных — фасон «трахни-меня», сказал бы Джейк. Когда самолет попадает в турбулентность, они хватаются за спинку ближайшего сиденья, но, кажется, скорее по привычке.

Самолет наполовину пуст, но какой-то мужчина садится рядом с Ренни. Не тот, в куртке сафари — он устроился в самом начале и читает газету, — а постарше, цветной. Несмотря на жару, на нем темный костюм с галстуком, в узле которого поблескивает небольшая булавка. Она заметила, что он лишь раз откусил от своего сэндвича. Когда остатки еды забирают, он обращается к Ренни, стараясь перекричать рев двигателей.

— Вы из Канады! — это скорее утверждение, чем вопрос. Ему около шестидесяти, высокий, широкое лицо, нос с большой горбинкой; внешность скорее арабская. Челюсть узковата, и нижние зубы слегка налезают на верхние.

— С чего вы взяли?

— К нам едут в основном канадцы, — говорит он. — Славные канадцы.

Ренни не может решить, кроется ли в его сло-

вах ирония.

— Не все мы такие уж душки, — отвечает она.

— Я стажировался в Онтарио, друг мой, — говорит он. — Когда-то я был ветеринаром. Моя специальность — заболевания у овец. Так что я знаком со славными канадцами. — Он улыбается и с уверенностью продолжает: — Доброта канадцев известна всем. Когда у нас случился ураган, душки-канадцы пожертвовали нам тысячу банок ветчины «Мейпл Лиф Премиум». Для беженцев. — Он рассмеялся, словно это была шутка. Но Ренни не поняла юмора. — Беженцы даже не увидели этой ветчины, — объясняет он терпеливо. — Скорее всего, они ни разу в жизни ее не пробовали. Что ж, упустили свой шанс. — Он снова смеется. — А ветчина обнаруживается — сюрприз! — на банкете в День независимости. Чтобы отметить наше освобождение от Британии. Только для выдающихся граждан. Многие из нас изрядно повеселились, друг мой. Даже поаплодировали славным канадцам.

Ренни не знает, что на это ответить. Ей кажется, он издевается над ней каким-то изощренным способом, но она не понимает зачем.

— Ураган был серьезный? — спрашивает она. — Кто-то погиб?

Он словно не слышит ее вопроса.

— Зачем вы летите в Сент-Антуан? — спрашивает он, как будто это странный поступок.

— Я буду писать о нем статью, — говорит Ренни. — Для журнала.

— А, — говорит он. — Чтобы привлечь славных канадцев.

Он начинает раздражать Ренни. Она заглядывает в карман на спинке переднего сиденья в надежде, что там окажется какое-то чтиво и она сможет сделать вид, что увлеклась, — журнал авиакомпании, «тошниловки номер два», как говорят в этом бизнесе, — но, увы, там пусто, не считая инструкции по безопасности. В «Боинге-707» на пути в Барбадос она читала триллер, купленный в аэропорту, но дочитала и оставила в самолете. Большая ошибка: теперь она бескнижная.

— Вы должны посмотреть наши Ботанические сады, — говорит он. — Британцы знали в них толк и устраивали по всему миру. В медицинских целях, вы понимаете. Наш — один из самых первых. И все еще в хорошем состоянии; ведь они уехали отсюда только месяц назад. Теперь мы свободны, и нам придется выдирать сорняки самим. У нас есть маленький музей, обязательно

сходите. Фрагменты керамики карибских индейцев, все такое. Они изготавливали не слишком изысканную посуду. В нашей стране она до сих пор встречается, мы еще не до конца модернизировались.

Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил флакончик аспирина. Высыпал две таблетки себе на ладонь и протянул флакон Ренни, словно пачку сигарет. У нее не болит голова, но она чувствует, что должна взять одну, из вежливости.

— А еще у нас есть форт, — говорит он. — В этом британцы тоже были мастера. «Договор форта Индастри»[3], ага. При них он назывался Форт Джордж, но наше правительство все переименовывает.

Он подозвал стюардессу и попросил стакан воды.

— У нас есть только эль, — говорит она.

— Давайте, что есть, — отвечает он. И расплывается в бульдожьей улыбке. — Крайне полезная

---

[3] Примечания: 3

Один из договоров, отодвигающий границу индейских земель, подписанный представителями США и нескольких индейских племен 4 июля 1805 года. В источниках отсутствуют точные сведения о местонахождении форта, что, видимо, дало автору возможность поместить его в вымышленное место действия романа.

фраза у нас в стране.

Приносят эль, и он пьет свой аспирин, а потом протягивает пластиковый стаканчик Ренни.

— Спасибо, — говорит она. — Я оставлю на потом.

Она держит таблетку в руке, раздумывая, не обидела ли собеседника, но, если и так, он ничем этого не показывает.

— Я владею обширными статистическими данными, возможно, они вам пригодятся, — говорит он. — По безработице, например. Или вы предпочли бы подробнее узнать о Ботанических садах? Буду счастлив сопровождать вас, я серьезно интересуюсь ботаникой.

Ренни решила не спрашивать его о ресторанах и теннисных кортах. Она благодарит его и отвечает, что поймет, что именно ей интересно, когда окажется на месте.

— Похоже, мы приближаемся, — говорит он.

Тут самолет делает нырок. Ренни всматривается в иллюминатор, надеясь что-то разглядеть, но снаружи слишком темно. Она различает некий контур, горизонт, зубчатый и более темный, чем небо, но тут самолет устремляется вниз под углом в 45 градусов и в следующий миг касается земли. Ее бросает вперед, хорошо, что она пристегнута,

а самолет начинает тормозить, чересчур резко.

— У нас тут короткие взлетно-посадочные полосы, — говорит мужчина. — Прежде чем направить жалобу нынешнему правительству, я пытался как-то повлиять на ситуацию. В то время я был министром туризма. — Он криво усмехнулся. — Но у премьер-министра были другие приоритеты.

Самолет выруливает и останавливается, проход тут же забивается людьми.

— Было приятно познакомиться, — говорит Ренни, когда они поднимаются.

Он протягивает ей руку. Ренни перекладывает таблетку в другую руку.

— Надеюсь, вам здесь понравится, мой друг. Если вам понадобится помощь, не стесняйтесь, звоните мне. Все знают, где меня найти. Меня зовут Пескарь, доктор Пескарь, как рыба. Мои враги любят шутить на эту тему. Мол, мелкая рыбешка в мелкой заводи. Искаженная французская фамилия. Вообще после них много чего здесь осталось. Наши предки были сплошь пиратами.

— Серьезно? — говорит Ренни. — Дичь какая.

— Дичь? — говорит доктор Карась.

— Фантастика, — говорит она.

Доктор улыбается.

— Когда-то это было обычное дело, — говорит он. — Некоторые пираты были весьма уважаемые люди. Вступали в браки с англичанками и так далее. Муж есть у вас?

— Простите? — говорит Ренни. Вопрос застал ее врасплох: никто из ее канадских знакомых не спросил бы об этом.

— Ну мужчина, — говорит он. — Нас тут не очень волнуют формальности.

Ренни пытается понять, скрыт ли здесь сексуальный намек.

— Со мной нет, — говорит она.

— Может, он приедет позже? — спрашивает доктор. — Он с ожиданием смотрит на нее, и Ренни видит, что это не заигрывание, а тревога.

Она улыбается ему и надевает на плечо сумку с камерой.

— Со мной ничего не случится, — говорит она. Хотя и сама в это не верит.

* * *

Когда Ренни вынырнула из забвенья анестезии, то сначала не почувствовала ничего. Она открыла глаза, увидела зеленый свет, потом снова закрыла. Она не хотела смотреть вниз, не хотела знать, сколько тела у нее отняли. Она

лежала с закрытыми глазами, понимая, к своему огорчению, что находится в сознании. А еще она осознала, хотя раньше не признавалась сама себе, что боялась умереть во время операции. Она слышала истории про людей, которые впадали в шок или не переносили анестезию. Это могло случиться и с ней.

Она не чувствовала левую руку. Хотела пошевелить и не смогла. Тогда она пошевелила правой и только в этот миг поняла, что кто-то держит ее за руку. Она повернула голову, с усилием открыла глаза и увидела, почему-то страшно далеко, словно глядя в широкий конец подзорной трубы, силуэт мужчины, с темным нимбом вокруг головы. Дэниел.

— Все хорошо, — сказал он. — Она была зловредная, но, думаю, мы все выскребли.

На самом деле он сказал, что спас ей жизнь, по крайней мере на время, а теперь пытается втянуть в эту самую новую жизнь. Вот так, за руку.

«Зловредная», — думает Ренни.

— И что теперь, — сказала она.

Во рту у нее тяжело и вязко. Она посмотрела на его руку, обнаженную до локтя, рядом с ее собственной рукой на белой простыне. По его коже, словно язычки темного пламени, стелились пуч-

ки волос. Пальцы обхватывали ее запястье. Она же видела не кисть руки с пальцами, а какие-то отростки, вроде растения или некоего отдельного существа с щупальцами. Вот оно задвигалось: он похлопал ее по руке.

— Теперь поспите, — сказал он. — Я еще вернусь.

Ренни снова посмотрела — его кисть прикрепилась к руке, вновь став его частью. Он находился не так уже далеко. Она влюбилась в него, потому что это был первый объект, который она увидела, когда воскресла. Только такое объяснение приходило ей в голову. Позже, когда у нее больше не кружилась голова и она сидела в кровати, стараясь забыть о вставленных в нее тонких сосущих трубочках и о постоянной боли, Ренни жалела, что не увидела первым делом бегонию в горшке, или чучело зайца, или какой-нибудь невинный предмет интерьера. Джейк прислал ей розы, но к тому времени было уже поздно.

«Да у меня на него импринтинг, — подумала она, — как у утенка или цыпленка». Она многое знала про импринтинг; однажды, когда ей позарез нужны были деньги, она написала для детского журнала «Сова» целый очерк о мужчине, который считал, что гусей можно использовать

в качестве безопасных и верных стражей как альтернативу собакам. Он говорил, что в идеале нужно просто быть рядом в тот момент, когда гусята вылупляются из яиц, и тогда они последуют за вами на край света. Ренни хихикала про себя — кажется, энтузиаст и правда полагал, что идти на край света в сопровождении стаи преданных гусей очень увлекательно и романтично; но точно записала все с его слов.

Теперь она сама вела себя, как гусыня, и эта история просто бесила ее. Влюбляться в Дэниела было неразумно, Ренни не могла найти в нем ни одной выдающейся черты. Она даже смутно представляла, как он выглядит, потому что во время обследования перед операцией едва бросала на него взгляд. На врачей никто не смотрит; врачи — это ходячий функционал, за них следует выходить замуж, в мечтах ваших матерей, когда им уже за пятьдесят, и это отработанный материал. Нет, это было не просто некорректно, это было нелепо. Слишком банально. В своих врачей неизбежно влюбляются замужние женщины среднего возраста, героини сериалов, романов о жизни медсестер и помпезных фильмов из серии «секс — скальпель — секс» с названиями вроде «Хирургия», на афишах которых красуются медсестры

с солидным бюстом и врачи ангельской внешности вроде сериального доктора Килдера[4]. О таких казусах любила писать «Торонто Лайф» — обычные безобидные сплетни под маской глубокомысленного исследования и разоблачения. Ренни не могла себе позволить участвовать в такой пошлятине.

Но все напрасно; она сидела и ждала появления Дэниела — (буквально ниоткуда, она никогда не знала точно, когда он придет, когда ее поведут на обтирание или она с мучениями отправится в туалет, опираясь на большую, крепко сбитую медсестру, подсев, как наркоманка, на эти его похлопывания, слова одобрения из милости и манеру говорить в первом лице множественного числа («А мы идем на поправку!») и впадая от всего этого в ярость. Хрень какая-то. Он даже не был особенно симпатичным, теперь она имела возможность его разглядеть: какое-то нарушение пропорций, слишком высокий рост для таких узких плеч, волосы слишком короткие, руки слишком длинные, сутулится. Она с возмущением высморкалась в салфетку, подставленную

[4] Примечания: 4

Главный персонаж американского телесериала «Доктор Килдэр» (1961–1966 гг.), ставший идеальным образом привлекательного и порядочного врача.

медсестрой.

— Вам бы не помешало хорошенько поплакать, — сказала та. — Вам еще повезло, они говорят, больше ничего нигде нет, а то у некоторых знаете, как бывает, разрежут — а он выскакивает отовсюду.

Ренни подумалось про тостер.

Дэниел принес ей брошюрку под названием «Мастэктомия: ответы на популярные вопросы». Популярные. Кто все это пишет? Ни один человек в ее положении особенно серьезно не задумывается о популярности. «Есть ли ограничения в сексуальной сфере?» — читает она. Брошюра советует спросить у лечащего врача. Ренни подумает об этом.

Но спрашивать она не стала. Вместо этого она задала вопрос: «Сколько вы от меня отрезали?» Из-за того, что она была влюблена в него, а он не замечал, она говорила с ним совершенно неподобающим тоном. Но он как будто не возражал.

— Где-то четвертинку, — мягко произнес он.

— Вы словно про пирог говорите, — сказала Ренни.

Дэниел улыбнулся, поощряя ее, давая выговориться.

— Вероятно, я должна радоваться, что вы не

оттяпали всю, — сказала Ренни.

— Мы так больше не делаем, за исключением случаев глубокого проникновения, — сказал Дэниел.

— Глубокое проникновение, — повторяет Ренни. — Это определенно не мой стиль.

— Он всегда потом ведет наблюдение, — говорит медсестра. — А то многие как, чик-чик — и до свидания. А ему нужно знать, как и что, как у них все дальше в жизни. Он эмоционально участвует. Говорит, что очень многое зависит от их настроения. Понимаете?

Джейк принес шампанского и паштет и поцеловал ее в губы. Он сел у кровати, стараясь не смотреть на ее забинтованную грудь и трубочки. Он намазал паштет на крекеры, их он тоже принес, и стал ее кормить. Он ждал благодарности.

— Тебя словно Бог послал, — сказала она. — Здешняя еда просто за гранью. Салат из зеленого желатина и выбор между горошком и горошком.

Она была счастлива, что он пришел, но что-то ее беспокоило. Она не хотела, чтобы появился Дэниел с выводком интернов, пока здесь Джейк.

А Джейку не сиделось. Он был здоров, а здоровым людям не по себе среди больных, она помнила это чувство. Еще ей казалось, что от нее

специфически пахнет, что сквозь повязки пробивается еле слышный аромат гниения, как от лежалого сыра. Она хотела, чтобы он побыстрее ушел, да и он хотел уйти.

У нас все будет нормально, подумала Ренни, хотя уже не могла вспомнить, что это такое — «норма». Она попросила медсестру опустить кровать, чтобы можно было лечь.

— Очень приятный молодой человек, — сказала сестра.

Джейк был очень приятным. Все у него схвачено. Прекрасный танцор, который вряд ли танцевал хоть раз в жизни.

* * *

Ренни спускается по ступенькам трапа, и жара скользит по ее лицу, словно кусок плотного коричневого бархата. Роль терминала выполняет низкий навес с единственной вышкой. В блеклом отсвете взлетной полосы она кажется серой, но, подойдя ближе, Ренни видит, что на самом деле она выкрашена желтым. Над входом — бронзовая табличка с благодарностью канадскому правительству за финансирование. Странно было читать, что канадское правительство за что-то благодарят.

На пограничнике темно-зеленая форма, как у солдат, а рядом с ним привалились к стене два настоящих солдата в накрахмаленных синих рубашках с короткими рукавами. Точнее, Ренни решила, что это солдаты, потому что на них были портупеи с настоящими по виду пистолетами. Оба молоденькие, с тощими невинными телами. Один из них постукивает себя по брючине тросточкой, второй прижимает к уху миниатюрную рацию.

До Ренни доходит, что она по-прежнему сжимает в левой руке таблетку аспирина. Думает, что с ней делать, — почему-то она не может просто ее выбросить. Она открывает сумочку, чтобы положить ее во флакон с другими, и тут к ней резко направляется солдат, который с тросточкой.

У Ренни по спине пробежал холодок. Ее вычислили: похоже, он решил, что она хочет провезти какой-то запрещенный наркотик.

— Это аспирин, — говорит она, но оказывается, что он лишь хочет продать ей билет на благотворительный танцевальный вечер полиции Сент-Антуана, неформальный, выручка будет направлена в спортивный фонд. Значит, все они полицейские, а не солдаты. Ренни понимает все это, прочитав надпись на билете, потому что из

его речи она не разобрала ни слова.

— У меня нет местных денег, — говорит она.

— Мы примем все, что у вас есть, — отвечает он, ухмыляясь, и на этот раз она его понимает.

Ренни дает ему два доллара, потом еще один; возможно, это плата за разрешение. Он благодарит ее и возвращается к своему товарищу, оба смеются. Больше ни один человек в очереди их не заинтересовал.

Перед Ренни стоит миниатюрная женщина ростом метра полтора, не выше. На ней укороченная шубка из искусственного меха и черное шерстяное жокейское кепи, лихо заломленное на бок. Она оборачивается и смотрит на Ренни.

— Это плохой человек, — говорит она. — Мой тебе совет, держись от него подальше.

Она протягивает Ренни большой пакет кукурузных палочек с сыром. Из-под козырька кепи на темном морщинистом лице глаза так и сверкают, на вид ей лет семьдесят, не меньше, но точно не скажешь. Взгляд ясный, чистый, взгляд озорного ребенка.

— Это мой внук, — говорит она и расстегивает шубку, демонстрируя оранжевую футболку с крупной надписью красными буквами: «ПРИНЦ МИРА».

Ренни еще никогда не сталкивалась так близко с религиозным маньяком. Говорят, в универе был случай, когда студент факультета экономики бегал ночью по общежитию, заявляя, что родил Деву Марию, но это списали на стресс во время сессии.

Ренни улыбается как можно естественнее. Если эта женщина считает себя святой Анной, да кем угодно, лучше не раздражать ее, во всяком случае не в очереди к погранконтролю. Ренни берет из пакета немного палочек.

— Да, мой внук, это правда! — повторяет женщина. Чувствует, что ей не верят.

Подходит ее очередь, и Ренни слышит, как та говорит пограничнику резким, насмешливым тоном:

— Если будешь шутки шутить, мой внук надерет тебе задницу, мало не покажется.

Похоже, это возымело желательный эффект, потому что офицер быстро ставит штамп, и она проходит.

Теперь очередь Ренни, и он считает своим долгом проявить максимальную строгость. Листает ее паспорт, хмурясь на каждую визу. На нем толстенные бифокальные очки, он сдвигает их на кончик носа и отводит ее паспорт подальше,

словно от него неприятно пахнет.

— Рената Уилфорд? Это вы?

— Да, — говорит Ренни.

— Фотка не похожа.

— Просто неудачная, — отвечает Ренни. Она знает, что похудела.

— Да пропусти ее, — говорит один из полицейских, но пограничник как будто не слышит. Он вглядывается в нее, обратно в паспорт.

— Цель вашего визита?

— Что, простите? — Ренни с трудом разбирает местный акцент. Она оглядывается в поисках доктора Пескаря, но его нигде не видно.

— Что вам здесь надо? — уставился он на нее, глаза за толстыми стеклами непомерно большие.

— Я писатель, — говорит Ренни. — Журналист. Пишу в разные журналы. Про путешествия.

Пограничник смотрит на нее поверх голов полицейских.

— И о чем вы здесь собираетесь писать?

Ренни улыбнулась.

— Да как обычно. Рестораны, интересные места, все в таком духе.

Тот фыркает.

— Интересные места… Не на что тут смот-

реть. — Он шлепает ее паспорт и машет, чтобы она проходила. — Напишите как следует, — добавляет он, когда она идет мимо него.

Ренни думает, он ее подкалывает, как часто бывает в Хитроу, Торонто или Нью-Йорке. Ей обычно говорили: «Пиши как следует, красотуля», или «детка», или «милая». И улыбались. Но когда она поворачивается, чтобы улыбнуться в ответ, он смотрит прямо перед собой через огромное стекло на взлетную полосу, где самолет уже развернулся в темноте и снова готовится к взлету, лавируя между белыми и синими огоньками.

Ренни меняет деньги, потом ждет, пока усталая женщина в униформе роется в ее сумочке и остальных вещах. Ренни говорит, что ей нечего декларировать. Женщина ставит меловую отметку на каждом месте багажа, и Ренни проходит через двери в центральный зал. Первое, что бросается ей в глаза, — большой плакат с надписью: «ДАЙ ПЕТУХА! НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ».

Рядом изображен петух со шпорами; это всего лишь реклама рома.

Перед аэропортом толпа, это таксисты, и Ренни идет с первым, кто тронул ее за руку. В других обстоятельствах она бы заговорила с ним, так, для разминки: пляжи, рестораны, магазины. Но

здесь неимоверно жарко. Она утопает в мягких, как зефир, сиденьях машины, антиквариата из пятидесятых, а водитель мчится на дикой скорости по узким извилистым улочкам, сигналя перед каждым поворотом. Машина едет по встречной, и Ренни не сразу соображает, что здесь действуют английские правила движения.

Они петляют, поднимаясь на холм, мимо домов, которые Ренни толком не успевает разглядеть. Фары освещают роскошные кусты, нависающие над дорогой, с пышными красными и розовыми цветами, которые покачиваются, напоминая ей бумажные украшения на школьных дискотеках из салфеток «Клинекс». Вот они въехали в освещенную часть города. На углах и у магазинов толпятся люди, но никто не гуляет, все только стоят или сидят на ступенях или на стульях, словно в гигантской гостиной. Из открытых дверей струится музыка.

На некоторых мужчинах вязаные шерстяные шапочки, напоминающие бабы на чайник, и Ренни думает, как они выдерживают в такую жару. Они поворачивают головы вслед проезжающему такси, кто-то машет рукой и кричит, скорее водителю, чем Ренни. Она начинает чувствовать себя слишком белой. Эти черные вовсе не такие, как

у нас. И она вдруг понимает, что «наши черные» — это агрессивные чернокожие в Штатах, хотя на самом деле они должны быть такими, как эти. Милыми и дружелюбными.

И все же это бесцельное ничегонеделание вселяет в нее тревогу, как дома. Слишком напоминает стайки подростков в торговых центрах, молодежные банды. Ренни понимает, что она и правда уже не дома. Далеко, вне досягаемости, чего она, собственно, и хотела. Разница между домом и этим местом единственно в том, что она никого не знает и ее никто не знает. В каком-то смысле она невидимка. В каком-то смысле в безопасности.

* * *

Когда Джейк съехал, наступил вакуум, буквально. Что-то должно было его заполнить. Может, мужчина с веревкой не столько вломился в ее квартиру, сколько был затянут в нее силой гравитации. Можно и так посмотреть на это, подумала Ренни.

Когда-то она бы сделала из этого отличную историю и рассказывала бы ее после обеда — за десертом, клубничным фланом. Она не знала, что остановило ее, почему она не рассказала об

этом никому. Возможно, потому, что это была история без завершения, с открытой развязкой; а возможно, потому, что слишком безличная, ведь она не знала, как выглядит этот человек. Идя по улице, она смотрела на встречных мужчин новыми глазами: это мог быть любой из них! Это мог быть кто угодно. А еще она чувствовала себя соучастницей, хотя ничего не сделала и ей ничего не сделали. Ведь ее видели, это было слишком интимно, ее лицо было будто смазано и размыто, искажено, в каком-то смысле — она не могла понять в каком — его использовали. Об этом она не смогла бы болтать за обедом. Да и не хотелось ей прослыть мужененавистницей, а после такой истории это было бы естественно.

Первое, что Ренни сделала после ухода полицейских, это поставила новые замки. Затем установила специальные запоры на окнах. И все же она никак не могла избавиться от ощущения, что за ней кто-то наблюдает, даже когда была одна в своей комнате, с задернутыми шторами. У нее возникало чувство, что, пока ее не было, кто-то находился в ее квартире и ничего не тронул, только заглядывал в шкафчики на кухне, в холодильник, изучал ее. В комнатах как-то по-другому пахло, когда она возвращалась. Она

начала видеть себя словно со стороны, как движущуюся мишень в чьем-то бинокле. Она даже слышала молчаливые комментарии: вот она открывает банку с фасолью, вот готовит омлет, ест его, моет тарелку. Вот сидит в гостиной, ничего не делая. Вот встает, направляется в спальню. Снимает тапочки, выключает свет. Начинается самое интересное.

Она стала видеть кошмары, просыпалась вся в поту. Однажды ей приснилось, что с ней в постели кто-то есть, она чувствовала руку, ногу.

Ренни решила, что это глупо с ее стороны, видно у нее нервы ни к черту. Она не хотела превратиться в одну из тех женщин, которые боятся мужчин. Это твой собственный страх смерти, сказала она себе. Так скажет любой психолог-с-кушеткой. Ты думаешь, что умираешь, хотя тебя спасли. Ты должна быть благодарна, набраться мудрости и серьезного отношения, а вместо этого проецируешь свой страх на какого-то жалкого психа, который больше тебя не побеспокоит. И звук у окна, царапанье, исходил вовсе не снаружи.

Все это прекрасно, но тот мужчина существовал на самом деле; ее «случай», который не произошел; посланник из того места, о котором Ренни больше ничего не желала знать. А моток веревки,

то есть улика, которую полицейские унесли с собой, был посланием; какая-то извращенная идея любви. Всякий раз, входя в спальню, она видела, как веревка устроилась на кровати, хотя, конечно, ее там не было.

Сама по себе веревка — просто вещь, даже полезная, ее можно было использовать по-всякому. Интересно, он собирался задушить ее или только связать. Он хотел быть трезвым — в холодильнике стояли нетронутое пиво и полбутылки вина, она уверена, что он посмотрел, но выбрал овалтин. Он хотел отдавать себе отчет в своих действиях. Когда он увидел бы шрам, то, наверное, остановился бы, извинился, развязал ее и отправился домой к жене и детям, — Ренни не сомневалась, что он женат. А возможно, он *знал*, и это его заводило. «Мистер Икс, в спальне, с веревкой».

А когда тянешь веревку, которая исчезает где-то во тьме, что же оттуда появится? Что там, на конце, в конце? Пальцы, рука, плечо, наконец лицо. На том конце веревки находится некто. У каждого человека есть лицо, нет никаких «безликих незнакомцев».

* * *

Ренни опоздала к ужину. Ей приходится ждать у стойки, пока для нее накроют столик в ресторане. За стеной, в кухне, на пол обрушился поднос со столовыми приборами, послышалась приглушенная ругань. Через пятнадцать минут вышла официантка и строго сказала, что Ренни может пройти, — словно это был не ресторан, а зал суда.

Когда она подошла к входу в ресторан, оттуда вышла женщина с загаром чайного оттенка. Косы из светлых волос оплетают голову, ниже пурпурное платье без рукавов с оранжевыми цветами. Ренни кажется себе выцветшей.

Женщина улыбается ей сверкающими зубами, глядит голубыми кукольными глазами.

— Приветик! — говорит она.

Ее дружелюбный, сияющий взгляд напоминает Ренни отработанную манеру администраторш в ресторанах сети «Холидей Инн». Ренни ждет, что та добавит: «Хорошего дня». Улыбка все не сходит с лица женщины, и Ренни забеспокоилась, а вдруг они знакомы. Впрочем, она понимает, что этого не может быть, и улыбается в ответ.

На столах крахмальные белые скатерти и

винные бокалы, внутри которых салфетки, сложенные наподобие веера. К цветочной вазе — один стол, один гибискус — приставлена карточка с напечатанным текстом — меню, но символическое, потому что выбора на самом деле нет. Еду приносят три официантки, в голубых платьях с расклешенной юбкой, в белых фартучках и чепчиках. Они не говорят ни слова и не улыбаются; возможно, им пришлось прервать собственный ужин.

Ренни начинает сочинять текст, по привычке и чтобы убить время, хотя вряд ли «Сансет Инн» будет отмечен в ее статье.

Интерьер неброский, до боли напоминающий провинциальные английские отели с их цветочными обоями и парой-тройкой эстампов со сценами охоты. Потолочные вентиляторы – приятный штрих. Мы начинаем с местного хлеба и масла – пожалуй, немного сомнительной свежести. Затем приносят (она поглядела в меню) тыквенный суп, впрочем, отнюдь не в диетической версии, возможно привычной для североамериканцев. Мой сотрапезник…

Но у нее нет сотрапезника. В подобных текстах необходимо присутствие собеседника, пусть и выдуманного. Мысль о том, чтобы пойти в ресторан и сидеть там в одиночестве, кажется читателям слишком тоскливой. Им нужен задор, намек на флирт, не помешает винная карта.

Но Ренни забывает об этом, потому что приносят ростбиф, слишком тонкий, песочного цвета и покрытый соусом, смахивающий на полуфабрикат. Гарнир — кусочек батата в форме кубика и нечто светло-зеленое, видимо переваренное. Такое можно есть только с голодухи.

Ей вспомнилась ироническая статья, которую она написала несколько месяцев назад, о разных фастфудах. Это было для «Пандоры», для раздела «Свингующий Торонто». Как-то она написала для них статью о том, как кадрить мужчин в ландроматах, ненавязчиво и безопасно, с перечислением «хороших» ландроматов. *Посмотрите на его носки. А если он просит одолжить ему порошок — это дохлый номер*.

Статья про рестораны фастфуда называлась «Вкусняшки с запашком», а подзаголовок (не ее авторства) гласил: «Подумай, прежде чем зайдешь: вина и хлеба здесь не найдешь».

Она посетила каждый Макдоналдс и KFC в

центре города, честно пробуя по кусочку каждого продукта. *Мой сотрапезник решился на Эгг Макмаффин и считает, что начинка жидковата. А у меня были холодные булочки.*

Ренни тыкает вилкой в незнакомые овощи на тарелке и оглядывает зал. Кроме нее есть только один посетитель, мужчина, он сидит в дальнем конце зала и читает газету. На его тарелке нечто, напоминающее лаймовый желатин. Интересно, если бы они находились в ландромате, стала бы она его кадрить? Он перелистнул страницу и улыбнулся ей с заговорщицким видом, что заставило ее опустить глаза. Она обожает наблюдать за людьми, но не любит, когда ее за этим ловят.

Зрительный контакт — это первый шаг. Она не удивляется, когда он складывает газету, встает и идет к ее столику.

— Как-то глупо сидеть в разных концах пустого ресторана, — говорит он. — Кажется, кроме нас, здесь никого нет. Вы не против?

Ренни говорит:

— Нет.

У нее нет никакого желания его кадрить. На самом деле она никогда не знакомилась в ландроматах, только закидывала удочку, но вскоре объясняла, что проводит исследование. Она все-

гда так говорит в случае необходимости. И не рассчитывает на вежливую реакцию.

Он подходит к двери в кухню и просит еще один кофе, одна из официанток приносит чашку, а заодно все ту же зеленую субстанцию для Ренни. А потом, вместо того чтобы вернуться на кухню, садится на только что покинутое место и доедает десерт, вперив в мужчину недобрый взгляд. Он сидит к ней спиной, так что ничего не видит.

— На вашем месте я бы не рисковал, — говорит он.

Ренни рассмеялась и стала присматриваться к нему получше. До операции они с Иокастой часто играли в такую игру, на улицах, в ресторанах. Выбираешь мужчину, любого, и ищешь у него самую выдающуюся черту. Брови. Нос. Фигуру. Если бы это был твой парень, как бы ты его изменила? Короткая стрижка? Водолазный костюм? Игра довольно жестокая, Ренни это признавала. А Иокаста нет. «Слушай, подруга! — говорила она. — Да мы им честь делаем».

Ренни уверена, что этот мужчина не поддался бы изменениям. Во-первых, он слишком стар и вышел из возраста «лепки». Ренни решила, что ему не меньше сорока. У него легкий загар, вокруг глаз лучиками залегли морщинки. Щеточка усов,

удлиненная стрижка постхипповской эпохи — уши закрыты до мочек, сзади небольшой хвостик; не очень аккуратная, словно он стрижется сам, кухонными ножницами. На нем шорты и желтая футболка без надписей. Ренни это нравится: когда только появились футболки с «девизами», было прикольно, но теперь она считает, что это признак инфантильности.

Ренни называет свое имя и профессию, журналистка. Она любит сразу сообщать об этом, чтобы ее не приняли за секретаршу. Мужчина тоже представляется, Пол, из Айовы. «Родом оттуда», уточняет он, имея в виду, что сейчас путешествует. Он не живет в отеле, только приходит ужинать.

— Это одно из лучших мест, — говорит он.

— Какое же тогда худшее? — говорит она, и они смеются.

Ренни спрашивает, где его дом. А что такого, ведь Ренни решила, что тут нет никаких признаков флирта. Назовем это так: установка личного контакта. Он хочет с кем-нибудь потрепаться, убивает время. Ну и прекрасно, она и сама занимается ровно тем же. Чего ей точно сейчас не нужно, так это очередного, как говорит Иокаста, «такого» знакомства. И все же она ловит себя на

желании немедленно заглянуть под скатерть, чтобы разглядеть его колени.

— Дом? В смысле, «где живет мое сердце»?

— Что, слишком личный вопрос? — говорит Ренни.

Она приступает к десерту, который на вкус напоминает подслащенный мел.

Пол широко улыбается.

— В основном я живу на яхте. У острова Сент-Агата, там бухта лучше. А здесь я на пару дней, по бизнесу.

Ренни чувствует, что от нее ждут вопроса, что за бизнес, поэтому молчит. Она решила, что с ним будет скучно. Она уже встречала яхтсменов, и все они говорили только об одном — о яхтах. А у нее от этого начиналась морская болезнь.

— Какая у вас яхта? — спросила она.

— Очень шустрая, — ответил он. — Вообще, у меня их четыре штуки, — не отрывая от нее взгляда.

Теперь от нее ждут изумления.

— Видимо, это значит, что вы ужасно богатый, — говорит она.

Теперь смеется он.

— Я беру их в аренду, — говорит он. — И сейчас все они в море. В каком-то смысле это дикая мо-

рока. Не люблю я туристов. Они вечно жалуются на еду и слишком часто блюют.

Ренни, сама туристка, предпочитает не реагировать.

— Как вы заполучили сразу четыре? — спрашивает она.

— Здесь их можно арендовать задешево, — объясняет он. — У умерших, или ушедших на покой брокеров, которым все обрыдло, или перенесших инсульт, или которым неохота постоянно отскребать рачков. А еще владельцы практикуют пиратство.

Ренни не хочется доставлять ему удовольствие своей непросвещенностью в теме, но он ей улыбается, лучики снова разбежались вокруг глаз, он ждет очевидного вопроса, и она уступает и спрашивает.

— Люди крадут собственные лодки, — отвечает он. — Получают страховку. А потом продают их.

— Но вы бы никогда так не сделали, — сказала Ренни. И продолжает его изучать. У него нет в ухе золотой серьги, нет крюка вместо руки, попугая на плече. Но есть что-то такое. Она смотрит на его ладони, с квадратными пальцами, сильные, руки плотника, лежащие без дела поверх скатерти.

— Нет, — говорит он. — Я бы никогда такого

не сделал.

Он слегка улыбается, смотрит своими светло-голубыми глазами, и вдруг она улавливает в нем нечто, показное равнодушие. У него та же стратегия, что у нее, псевдоотстраненность, и ей становится по-настоящему любопытно.

— Вы работаете? — спрашивает она.

— Когда у тебя четыре яхты, здесь у нас другая работа не нужна, — говорит он. — Я неплохо зарабатываю на аренде. У меня была работа, я был агрономом в Министерстве сельского хозяйства. Сюда меня направили консультантом. Полагаю, с миссией сообщить местным, что кроме бананов можно выращивать и другие культуры. Я агитировал за фасоль. Но штука в том, что никто не хочет, чтобы они выращивали что-то, кроме бананов. А больше меня никуда не направляют, так что я вроде как на пенсии.

— Где еще вы бывали? — спросила Ренни.

— И там и сям, — говорит он. — Где я только не бывал. Во Вьетнаме, перед войной — я имею в виду официальной. После этого в Камбодже.

Он произносит это, все еще улыбаясь, но глядит на нее в упор, в общем-то вызывающе, как будто ждет, как она среагирует — может с ужасом, а может с легким отвращением.

— Что же вы там делали? — спрашивает Ренни, откладывая ложечку.

— Консультировал. Я всегда консультирую. Это не значит, что люди воплощают мои слова на практике.

— По какой теме? — спросила Ренни.

Ей начинает казаться, что они беседуют на радио.

Пауза, затем очередная улыбка с лучиками.

— Рис, — сказал он, пристально глядя на нее.

Он явно от нее чего-то ждет, но она не понимает чего. Не восхищения, не оправдания. Возможно, он вообще ничего не ждет, от чего, в сущности, не легче — не так много у нее осталось в запасе.

— Как интересно, — говорит она.

Недаром же она писала биографические статьи, не дурочка все-таки, знает, как поддержать беседу, что всегда есть некий икс-фактор. Лет десять назад она бы сочла себя обязанной высказать моральное порицание, но вообще-то ей абсолютно фиолетово. Люди вязнут в ловушках, из которых не в силах выбраться, пора бы ей уже это знать.

С него спадает напряжение, и он откидывается на спинку стула. Кажется, она прошла тест на что-то важное.

— Расскажу вам как-нибудь потом, — говорит

он, подразумевая некое будущее; но так далеко она не заглядывает.

* * *

В номере Ренни в «Сансет Инн» обои с мелкими цветочками, розовыми и голубыми; почти у потолка, а это больше четырех метров, несколько бледно-желтых пятен от протечки. У изножья кровати с белым ворсистым покрывалом, узкой, односпальной, висит картина с изображением зеленой дыни, разрезанной по центру, так что видны семена. Над кроватью свернутая в узел москитная сетка, не такая белая, как простыня. На прикроватном столике — Библия, антимоскитная спираль на подставке, спички — «Три звезды, сделано в Швеции» и лампа с гофрированным бумажным абажуром. Ее основание выполнено в виде русалки с поднятыми руками, в которых она держит лампочку. Ее груди прикрыты, на ней турецкая рубашка, расстегнутая спереди как раз на уровне сосков. В ящике ночного столика еще две спирали, в коробочке с надписью «Истребитель насекомых „Фиш“, Блад Протекшн Лтд.».

На светло-зеленом комоде стоит кувшин-термос с водой и отпечатанная на машинке карточка с предупреждением постояльцам не пить воду

из-под крана. Ренни выдвигает ящики. В среднем лежит ярко-зеленое покрывало, в нижнем — одинокая английская булавка. У Ренни вдруг возникло чувство, что она может провести весь остаток жизни в комнатах вроде этой. В чужих комнатах.

Она поджигает спираль, включает русалочью лампу и ставит свой дорожный будильник на Библию. Достает тонкую ночную рубашку и открывает косметичку с зубной щеткой и прочими умывальными и гигиеническими принадлежностями для ухода за телом. Больше она не считает эти меры тривиальными. «Предотвращает гниение» — уже не просто рекламный слоган. Ренни опускает рольставни узкого окна, выключает верхний свет и раздевается. Зеркало над комодом слишком маленькое, так что она нигде не отражается.

Она принимает душ под водой, которая упорно остается тепловатой. Когда она выходит из ванной, то видит: к стене у окна прилепилась зеленая ящерица.

Она снимает с кровати покрывало и верхнюю простыню, тщательно осматривает постель и заглядывает под подушку на предмет какой-нибудь живности. Затем забирается под свой белый

балдахин, гасит свет и устраивается в центре кровати, чтобы даже случайно не коснуться сетки. Она различает вытянутый абрис окна, сереющий в темноте, и огонек горящей спирали. Воздух теплый, влажный, ее кожа ощущает тепло и влагу сильнее, чем перед душем, а от постели едва уловимо пахнет плесенью.

Снаружи доносятся звуки, стрекот сверчка и мерный звон, словно бьют в колокол или по стакану с водой, наверное, это какое-то насекомое или лягушка, а фоном звучит синкопированная музыка. Через несколько минут после того, как она выключила свет, раздается звук выхлопа, а может петарды, и женский хохот; но все замолкает, и продолжается музыка.

Несмотря на жару, Ренни лежит скрестив руки, левая на правой груди, правая на неровной полоске кожи, змеящейся вдоль второй груди к подмышке. Теперь она всегда спит в этой позе.

Как и каждую ночь, она пробегает пальцами левой руки по поверхности своей «здоровой» груди — она надеется, что здоровой. На поверхности ничего не чувствуется, но она больше не доверяет поверхностям. Она чистит зубы, потом пользуется зубной нитью *для предотвращения гниения* и полощет рот водой из термоса, на вкус

— как растаявшие кубики льда, с запахом как внутри холодильника, как у мха на стволе дерева. И все же она еще чувствует вкус самолетного сэндвича, слегка подсохшего масла и ростбифа, гниющего мяса.

Она то и дело просыпается и снова слышит музыку и, время от времени, шум машины, несущейся не на той передаче. Ей неуютно, душно; она уверена, что храпела во сне, хотя это не имеет значения. В конце концов она погружается в тяжелый влажный сон.

Просыпается она внезапно. К ее глазам и рту прижата какая-то мокрая тряпка, как из паутины. Это москитная сетка. Сквозь нее она видит цифры на будильнике, точка между ними пульсирует, словно малюсенькое сердце. Шесть утра. Ей приснилось, что кто-то лезет к ней в номер через окно.

Она вспоминает, где находится, и надеется, что не кричала во сне и никого не потревожила. Слишком жарко, она вспотела, и, несмотря на сетку, у нее есть несколько укусов в местах, где она привалилась к сетке. Снова затекли мышцы левого плеча.

Невдалеке кричит петух, лает собака, несколько собак. В комнате светлеет. Где-то у ее уха, за

стеной, раздаются звуки, она не сразу их распознает, неясные, древние, как мир, ритмичный скрип кровати и женский голос, без слов, без мыслей. Уже поняв, что это, она слышит, как приближается экстаз. Когда-то такое непрошеное вмешательство вызвало бы у нее раздражение, а если бы она была не одна, то насмешило бы или даже возбудило. Но теперь ей больно, мучительное воспоминание, нечто утраченное, голос из прошлого, отобранный у нее и перенесенный туда, в другую комнату. «Ну давай уже», — думает она сквозь стену.

— Только не это…

II

— Одно из моих первых воспоминаний, — говорит Ренни, — я стою в комнате бабушки. В окно льется свет, бледно-желтый зимний свет, все очень чисто, а мне холодно. Я знаю, что в чем-то провинилась, но не знаю, в чем именно. Я плачу, я обнимаю бабушку за ноги, но я не думаю о них отдельно, как о ногах, для меня она — единое существо, начиная от шеи и до подола длинной юбки. Я чувствую, будто держусь за нечто надежное, крепкое, и если отпущу, то упаду, я жажду прощения, но бабушка отрывает от себя мои пальцы, один за одним. И улыбается. Она очень гордилась тем, что никогда не теряет самообладания.

Я знаю, что меня запрут в подвале, в одиночестве. Я боюсь, я знаю, что там: голая лампочка на потолке, спасибо, что хоть ее оставляют, цементный пол, вечно холодный, паутина, зимние вещи на крюках у деревянной лестницы и печка. Единственное место в доме, где не убирают. Когда меня запирали в подвале, я всегда сидела на верхней ступеньке лестницы. Иногда внизу

кто-то шуршал, я слышала, как бегают маленькие ножки, это такие существа, которые могут забраться на тебя и залезть вверх по ногам. Я реву, потому что мне страшно, я не могу остановиться, и даже если я ничего не сделала, меня все равно отправят туда, за шум, за то, что я плачу.

«Смейся, и весь мир будет смеяться вместе с тобой, — говорила бабушка. — Плачь, и будешь плакать в одиночестве».

Меня еще долго тошнило от запаха влажных перчаток.

Я выросла среди пожилых людей: дедушки, бабушки, теток и дядей, которые приходили к нам после церкви. О своей маме я тоже думала, как о пожилой. Конечно, она была моложе, но из-за постоянного пребывания среди них тоже выглядела по-старушечьи. По улице она шла медленно, чтобы они за ней поспевали, так же повышала голос, так же беспокоилась по поводу мелочей. И одевалась она, как они: в темные платья с высоким воротничком, со скромным неброским рисунком, в горошек или в мелкий цветочек.

В детстве я выучилась трем вещам: как не шуметь, что не говорить и как рассматривать вещи, не трогая их. Когда я думаю о том доме, то думаю о предметах и о молчании. Молчание

было почти видимым; я представляла его серыми сущностями, висящими в воздухе, словно дым. Я научилась слышать непроизнесенное, потому что, как правило, оно было важнее сказанного. Моя бабушка была чемпионкой по молчанию. Она считала, что задавать прямые вопросы признак невоспитанности.

Предметы в доме были лишь иной формой молчания. Часы, вазы, маленькие столики, комоды, статуэтки, столовые наборы, посуда рубинового стекла, фарфоровые тарелки. Они считались ценными, потому что когда-то принадлежали другим людям. Они были одновременно могущественными и хрупкими: могущество состояло в угрозе. Они угрожали тем, что всегда пребывали в состоянии «ой, сейчас разобьется». Все эти предметы нужно было раз в неделю мыть и полировать, это делала бабушка, пока была здорова, потом мама. Само собой разумелось, что эти вещи нельзя ни продать, ни отдать. Единственным способом избавиться от них было завещать кому-то и умереть.

Большинство из них даже не были красивыми. Этого от них и не требовалось. А требовалось, чтобы они были такие, *как положено*: целью в принципе была не красота, а пристойность. Вот

оно, слово, которым обменивались моя мать и тетки, когда приходили к нам. «Ты в пристойном виде?» — весело кричали они, прежде чем открыть дверь в ванную или в спальню. Это означало, что ты одета и как можно безупречнее.

Если ты девочка, то быть пристойной было куда безопаснее, чем красивой. Если же мальчик, то такой вопрос не стоял. Выбор был иной: дурак ты или нет. Одежда могла быть пристойная и непристойная. Моя всегда была пристойной, и пахло от нее пристойно — шерстью, нафталином и чуть заметно полиролем для мебели. Другие девочки, из семей, считавшихся дрянными и распущенными, носили сомнительную одежду и пахли фиалками. Противоположностью пристойного была не красота, а вульгарность, или «дешевка». Вульгарные люди пили, курили и кто знает, чем еще занимались. Да все знают чем. В Гризвольде все всё узнавали рано или поздно.

Итак, у тебя был выбор, ты сама могла решать, будут тебя уважать люди или нет. Если твою семью не уважали, это было труднее, но все-таки возможно. Если же семья была респектабельной, ты мог решить не позорить ее. А лучший способ избежать позора — не делать ничего необычного.

Респектабельностью моя семья была обязана деду, который был участковым доктором. Доктором с большой буквы: тогда у каждого была своя территория, как у котов. Судя по рассказам моей бабушки, он по первому зову мчался сквозь метель, чтобы вытаскивать младенцев из отверстий, которые он вырезал в животах женщин, а потом снова зашивал; однажды ампутировал мужчине ногу обычной пилой, отключив его ударом кулака, потому что никто не мог удержать несчастного, а виски не хватило; с риском для жизни вошел в один дом, где обезумевший фермер все время направлял на него ружье — он уже снес голову одному из своих детей и угрожал прикончить остальных. Бабушка говорила, во всем виновата его жена, которая сбежала от него несколько месяцев тому назад. Дед спас остальных ребятишек, которых затем отправили в приют. Никто не хотел усыновлять детей столь безумных родителей, всем известно, что такая зараза, она в крови. Мужчину потом поместили в дурку, как говорили люди между собой. Когда выражались официально, то говорили «заведение».

Бабушка боготворила деда, по крайней мере по легенде. В детстве я считала его героем, и, видимо, заслуженно: он был, пожалуй, единственным

кандидатом на это звание в Гризвольде, если мы говорим про мирное время. Я хотела быть как он, но, пойдя в школу, постепенно забыла об этом. Мужчины были врачами, а женщины — медсестрами; мужчины были героями, а женщины что? Они бинтовали — вот и все, что можно было о них сказать.

Истории, которые рассказывали о дедушке моя мама и тетки, были иные; впрочем, они никогда не рассказывали их при бабушке. В основном они рассказывали о его жутком характере. В детстве, если они приближались к границе того, что он полагал положенным, дедушка угрожал избить их кнутом, впрочем, этого ни разу не произошло. Он порицал себя за то, что не заставляет своих дочерей все воскресенье сидеть на скамейке, как это делал его собственный отец. А я никак не могла связать эти рассказы, да и рассказы бабушки с образом тощего старика, которого нельзя было беспокоить во время дневного сна и следовало оберегать, как те же часы и тарелки. Мои мама и бабушка обращались с ним так же, как со мной: ловко и ведя неустанную борьбу с грязью, только с большим энтузиазмом. Возможно, это было искренне. Возможно, энтузиазм им придавало сознание, что он наконец-то в их власти. На похо-

ронах они прямо убивались.

Бабушка потрясающе держалась для женщины ее возраста; все мне это твердили. Но после смерти деда она начала сдавать. Именно так выражалась моя мать, когда к нам приезжали с визитом тетки. Обе они вышли замуж — вот как им удалось сбежать из Гризвольда. Тогда я уже училась в старших классах и не вертелась целый день на кухне, как раньше, но однажды я неожиданно вошла и увидела, как они втроем смеются таким беззвучным прыскающим смехом, как будто они в церкви или на похоронах: словно знали, что это богохульство, и не хотели, чтобы их услышала бабушка. Они вряд ли меня заметили, так сильно их душил смех.

— Она отказывалась дать мне ключ от дома, — сказала мать. — Думала, я его потеряю. — Это снова вызвало взрыв смеха. — На прошлой неделе она все-таки выдала мне ключ, а я бросила его в решетку вентиляции.

Они промокали глаза, в полном изнеможении, словно запыхались от бега.

— Глупости, — сказала тетя Уиннипег. Это было бабушкино словечко, когда она чего-то не одобряла.

Я никогда в жизни не видела, чтобы мама так

смеялась.

— Не обращай на нас внимания, — сказала она мне.

— И смех и грех, — сказала другая.

— Без смеха тут свихнешься, — сказала мать, как всегда подпуская толику укоризны.

Это их отрезвило. Тетки знали, что ее жизнь, точнее, отсутствие жизни позволяло жить им.

Вскоре бабушка начала терять чувство равновесия. Она вставала на стулья и табуретки, чтобы достать какую-то вещь, как правило слишком тяжелую, и в результате падала. Обычно она проделывала это в мамино отсутствие, и та, вернувшись, обнаруживала беспомощную бабушку на полу, среди осколков фарфора.

Затем ее стала подводить память. Она ходила ночью по дому, хлопая дверьми в поисках своей комнаты. Порой она не помнила, кто она сама и кто мы такие. Однажды она напугала меня до чертиков, когда вдруг вошла в кухню средь бела дня, я как раз делала себе бутерброд с арахисовым маслом после школы.

— Где же мои руки, — сказала она. — Я куда-то их сунула и теперь не могу найти.

Она держала кисти на весу, растерянно, словно не могла ими пошевелить.

— Вот же они, — сказала я. — На твоих запястьях.

— Да нет, не эти, — нетерпеливо сказала она. — Они больше не годятся. Другие руки, которые были у меня раньше, которыми я все трогала.

Тетки наблюдали за ней из кухни через окно, когда она бродила по двору, продираясь сквозь тронутые инеем остатки сада, ухаживать за которым у моей матери больше не было времени. Когда-то тут были сплошь цветы и циннии, а по длинным столбам вилась ярко-алая фасоль, которая привлекала колибри. Бабушка однажды сказала мне, что так выглядит рай: если я буду хорошей-хорошей, то заслужу вечную жизнь и попаду в место, где всегда цветут цветы. Кажется, я серьезно в это верила. А моя мать и тетки нет, хотя мать посещала церковь, а когда приезжали тетки, они все вместе пели гимны после ужина, моя посуду.

— Кажется, она думает, что он все еще там, — сказала тетя Уиннипег. — Смотрите! Да она сейчас в ледышку превратится.

— Сдай ее в дом престарелых, — сказала другая тетя, глядя в мамино лицо, изможденное, с темными полукружьями под глазами.

— Не могу, — отвечала мама. — Бывают дни,

когда она абсолютно в здравом уме. Это сведет ее в могилу.

— Если я когда-нибудь стану такой, уведите меня в поле и пристрелите, — сказала другая тетя.

В то время я могла думать только об одном: как бы сбежать из Гризвольда. Я не хотела попасть в западню, как мать. Хотя я восхищалась ею — ведь все говорили мне, что она достойна восхищения, почти святая, — я не хотела стать похожей на нее, ни в чем. Не хотела я и иметь семью, быть чьей-то матерью; у меня не было подобных стремлений. Я не хотела владеть вещами или наследовать их. Не хотела ни с чем справляться. Не хотела сдавать. Я стала молиться, чтобы не жить так долго, как бабушка, — и вот, по всей видимости, не буду.

* * *

Окончательно Ренни просыпается в восемь. Она лежа слушает музыку, которая, кажется, доносится сейчас снизу, и решает, что ей гораздо лучше. Потом она выпутывается из москитной сетки и встает с кровати. Облокачивается на подоконник и глядит на свет, солнце яркое, но пока не палящее. Внизу она видит залитый цементом двор, видимо, это внутренний двор отеля, женщина внизу стирает белье в цинковом корыте.

Ренни думает, что надеть. Выбор скромный, ведь она взяла с собой самый минимум.

Она помнит, как укладывала в чемодан базовый набор одежды «для курорта», в основном из немнущихся тканей. Это было всего лишь позавчера! Закончив сборы, она прошлась по шкафам и ящикам комода, сортируя, заново раскладывая и складывая вещи, терпеливо загибая рукава свитеров назад, за спинку, словно, пока ее не будет, в ее квартире будет кто-то жить и ей нужно оставить все в идеальном состоянии, готовым к употреблению. Это касалось только одежды. Еду в холодильнике она не трогала. Кто бы это ни был, есть он не будет.

Ренни выбирает простое белое хлопковое платье. Одевшись, она смотрит на себя в зеркало. Она по-прежнему выглядит нормально.

Сегодня у нее в больнице консультация рентгенолога. Дэниел записал ее за несколько недель, хотел, чтобы было как можно больше анализов. По-научному — обследований. Она даже не отменила прием перед отъездом. И знает, что позже пожалеет о таком неучтивом поведении.

Сейчас она чувствует одно: она спаслась. Она не хочет анализов, потому что не хочет знать результатов. Дэниел не стал бы назначать новые

просто так, значит, с ней снова что-то не так, хотя он и сказал, что это рутинные процедуры. «Опухоль в ремиссии, — объяснил он. — Но мы будем держать вас под присмотром, постоянно. „Ремиссия“ — хорошее слово, а вот „терминальная“ — плохое». Ренни приходит на ум автобусная остановка; терминал, конец маршрута.

Интересно, она уже превратилась в одного из тех несчастных скитальцев, отчаянных людей, который не в силах вынести даже мысли об еще одном бессмысленном больничном испытании, а с ним боль, жуткая тошнота, бомбардировка клеток, кожа, вечный антисептик, выпадающие волосы. Неужели она тоже докатится до этих чудачеств — выжимка из абрикосовых косточек, медитации на солнце и при луне, кофейные клизмы в Колорадо, коктейли из капустного сока, надежда, заключенная в бутылочках, накладывание рук тех, кто говорит, что видит вибрации, исходящие от их пальцев в виде красного свечения? Лжемедицина. Когда она дойдет до рубежа, когда хватаешься за все? Она не хочет, чтобы ее считали чокнутой, но еще больше — чтобы считали мертвой.

— Я живу или потихоньку умираю? — спросила она Дэниела. — Только, пожалуйста, не думайте,

что не должны говорить мне правду. Какой из вариантов?

— А что вы сами чувствуете? — сказал Дэниел. И похлопал ее по руке. — Вы же пока не умерли. И вы куда живее, чем многие люди.

Но Ренни это не устраивает. Ей нужно нечто определенное, непреложная истина, или да или нет. Тогда она поймет, что ей делать дальше. Ей невыносимо именно это состояние неопределенности, зависание в темноте, эта недожизнь. Она не выносит незнания. Она не хочет знать.

Ренни идет в ванную, собирается почистить зубы. А в раковине сколопендра. Сантиметров двадцать, не меньше, слишком много ножек, кроваво-красная, с двумя изогнутыми отростками сзади — или это спереди? Она карабкается по стенке гладкой фарфоровой раковины и падает обратно, снова лезет и снова падает. На вид ядовитая тварь.

Ренни не готова к такому. Раздавить ее? Она не в состоянии. Да и чем воспользоваться? Брызнуть в нее тоже нечем. Слишком она напоминает ее самые дурные сны: шрам на груди вдруг лопается, словно перезрелый фрукт, и оттуда выползает нечто подобное. Она идет в другую комнату, садится на кровать и сжимает руки в замок, чтобы

не тряслись. Ждет пять минут, потом заставляет себя снова пойти в ванную.

Тварь исчезла. «Интересно, — думает Ренни, — она, собственно, упала с потолка или вылезла из канализации, и куда подевалась потом? Перевалилась через край, на пол, и нырь в какую-то щель или обратно в трубу?» Вот бы ей средство для прочистки труб и хорошую палку. Она пускает немного воды из крана и оглядывается в поисках заглушки. Увы.

* * *

Тут есть холл, где можно выпить послеобеденного чаю; он обставлен стульями темно-зеленого дерматина, такое впечатление, что их вывезли еще в начале пятидесятых из фойе отеля где-нибудь в Бельвиле. Ренни садится на один из липучих стульев и ждет, пока официантки накрывают для нее, с явной неохотой, ведь она опоздала на полчаса. Среди стульев стоит стеклянный столик с коваными ножками — на нем выпуски «Тайм» и «Ньюсвик» восьмимесячной давности — и какое-то крапчатое растение. Поверху окон змеится золотая мишура, привет с Рождества; а может, ее здесь никогда не снимают.

Скатерти со вчерашнего ужина уже сняли;

сами столы были из серого пластика с узором из красных квадратов. Место серых льняных «вееров» заняли обычные желтые салфетки. Ренни ищет глазами Пола, но его и след простыл. Впрочем, кажется, что народу сегодня больше. Вот сидит пожилая женщина, с длинным лицом, без компании и цепко осматривает ресторан, словно пытаясь найти очарование в каждой детали, а вот индийское семейство, жена и бабушка в сари, а девочки в летних оборчатых платьях. К счастью, Ренни усаживают за стол в отдалении от одинокой женщины, которая до неприязни похожа на канадку. У Ренни нет желания обсуждать виды или погоду. Три девочки гордо шествуют по ресторану, хихикая, две официантки гоняются за ними и щекочут, улыбаясь так, как никогда не улыбаются взрослым.

К той женщине подсаживается еще одна, типаж идентичен, она плотнее, но волосы тоже уложены гладко. Вполуха слушая, как они зачитывают друг другу тексты из путеводителей, Ренни понимает, что они вовсе не канадки, а немки — рядовые той армии усердных туристов, которые благодаря курсу немецкой марки проникли повсюду, даже в Торонто, голубоглазые, внимательные каталогизаторы мира. «Ну а

что? — думает Ренни. — Пришло их время».

Подходит официантка, Ренни заказывает йогурт и свежие фрукты.

— Фруктов нет, — говорит официантка.

— Хорошо, просто йогурт, — говорит Ренни, она чувствует, что ей позарез нужны полезные бактерии.

— Йогурта нет, — говорит официантка.

— Тогда почему он в меню? — спрашивает Ренни.

Девушка смотрит на нее, прямо в лицо, но прищурившись, словно вот-вот улыбнется.

— Раньше был, — говорит она.

— А когда снова появится? — спрашивает Ренни, смутно понимая, что ситуация непредвиденно усложняется.

— У них теперь «Пайонер Индастриз» по молочке, — заученно говорит официантка. — Правительство решило. Молочные заводы не делают йогурт. Для йогурта нужно сухое молоко. Оно запрещено, не продается. Производство йогуртов закрыли.

Ренни чувствует, что в этом рассуждении не хватает логических связей, но сейчас слишком рано, чтобы вникать.

— Тогда что я могу заказать? — говорит она.

— То, что у нас есть, — говорит официантка очень терпеливо.

А именно, как выяснилось, апельсиновый напиток, разведенный из порошка, чуть недоваренное яйцо, растворимый кофе с сухим молоком, хлеб с маргарином и желе из гуавы, ужасно сладкое, темно-оранжевое, консистенции ушной серы. Господи, прекрати уже «обозревать» еду — просто ешь. И вообще, Ренни оказалась в «Сансет Инн» не ради питания. Она здесь по причине цены: и на этот раз условия не «все включено», только завтрак. Так что она может пообедать или поужинать в более изысканном месте.

Официантка уносит ее тарелку: вытекшее яйцо в подставке, вокруг — остатки хлеба с джемом. Ренни выела серединку и оставила корочки, ну чисто ребенок.

После завтрака наступает целый длинный день, он явно обещает затянуться, слишком жаркий, слишком яркий для занятий, которые требуют движения. Ей хочется поспать на солнце, на пляже, но она осторожна, она не желает превратиться в цыпленка-гриль. Ей нужны лосьон для загара и шляпа. После этого она сможет заняться чем-то активным: посмотреть достопримечательности, местные развлечения, теннисные корты,

знаменитые отели и рестораны… Если найдет.

Ренни знает, тропики изнуряют, ты теряешь ориентиры, впадаешь в полукому, в расхлябанность. Так что самое главное — не останавливаться. Ей придется убедить себя, что если она не сумеет закончить добросовестную и живо написанную статью о прелестях Сент-Антуана, это окажет негативное воздействие на Вселенную.

Может, стоило сочинить эту статью, с начала до конца, выдумать пару-тройку бесподобных ресторанчиков, эдакий шарм Старого Света в Новом, приправив все это фотографиями из менее известных уголков Карибов — скажем, Сент-Китса. Она представила толпы бизнесменов, осаждающих Сент-Антуан, а затем, в ярости, редакцию «Вайзора». Не выйдет, придется ей попотеть, в конце концов у нее в банке превышен лимит. В конце концов она может порассуждать о потенциале развития.

Чего мне не хватает, так это колониального шлема, носильщиков, или, как их, рикш, чтобы они таскали меня в гамаке, а я попивала — что там все пьют у Сомерсета Моэма — розовый джин.

* * *

Ренни занимается этим, потому что у нее круто получается, по крайней мере, так она говорит на вечеринках. А еще потому, что ничего другого не умеет, но этого она как раз не говорит. Когда-то у нее были амбиции — теперь она называет их иллюзиями: она верила, что существует «тот самый мужчина», а не ряд «почти тех самых»; верила, что существует «настоящая история», а не куча «почти настоящих». Но то был 1970 год, и она училась в колледже. В то время было просто верить в подобные вещи. Она решила специализироваться на злоупотреблениях: ее главным принципом будет абсолютная честность. Она написала в «Универ» статью про спекуляции с недвижимостью со стороны городских девелоперов, потом другую — о нехватке хороших детских садов, что важно для матерей-одиночек, и стала получать письма с оскорблениями, а порой и с угрозами, которые воспринимала как доказательство своей эффективности.

Когда она окончила колледж, 70-й год был далеко в прошлом. Сразу несколько редакторов прямо сказали ей, что, разумеется, она может писать о том, что ей хочется, законом это не за-

прещено, однако никто и не обязан платить ей за это. Один из них заметил, что в глубине души она все еще юная баптистка из южного Онтарио. Нет, я из Объединенной церкви, сказала она. Но было обидно.

И вместо статей об общественных язвах она стала делать интервью с людьми, которые от них пострадали. Продать их было намного легче. Каков «идеальный» гардероб для пикета, почему вам просто необходим джинсовый комбинезон, что феминистки едят на завтрак. Редакторы говорили, что в любом случае это выходит у нее куда лучше. «Протестный шик», назвали они ее тему. Однажды ей позарез были нужны наличные, и она на скорую руку настрочила статейку о возвращении шляпок с вуалью. Это было не особенно протестно, но «шик» остался, и она убедила себя не переживать по этому поводу.

Теперь, когда она избавилась от иллюзий, Ренни считает свою разновидность честности не столько доблестью, сколько извращением, которым она все еще страдает, это правда; но, подобно псориазу и геморрою, также типичных недугов Гризвольда, ее можно держать под контролем. Зачем выставлять все на публику? Ее завуалированная честность — в этом нет ника-

ких сомнений — есть профессиональный долг.

У других эти принципы отсутствуют. Все относительно, все модненько. Когда событие или человека расхваливают слишком широко, просто меняешь эпитеты на антонимы. И никто не считает это извращением, в этом суть бизнеса, и бизнеса с большими оборотами. Ты пишешь о чем-то, пока людям не надоедает читать об этом или пока тебе не надоедает писать, и если ты делаешь это здорово и если тебе везет, оба признака совпадают. А ты начинаешь писать о чем-то новом.

В Ренни еще слишком много от Гризвольда, поэтому такой подход ее временами бесит. В прошлом году она зашла в редакцию «Звезды Торонто» как раз в момент, когда кто-то из младших редакторов составлял очередной список. Приближался Новый год, все пили белое вино из картонных коробок, разливая его по одноразовым стаканчикам, — и покатывались со смеху. Это была традиция. Иногда такой список называли «Да — Нет», иногда «Плюс — Минус»; они вселяли в людей, включая самих составителей, уверенность. Им казалось, что они и впрямь умеют определять различия, делать выбор, и что это каким-то образом оправдывает их. Когда-то она и

сама составляла такие списки.

На этот раз список назывался «Класс: в ком он есть и в ком нет». В Рональде Рейгане нет, а в Пьере Трюдо[5] — есть. В джоггинге нет, в современном танце — есть, но только если танцуешь в лосинах для джоггинга, но именно танцуешь в них, а не бегаешь, но если ты при этом в трико с открытой спиной, то — нет, а есть — если ты в нем плаваешь, вместо купальника со вставными чашками, это фу. В «Мерилин» класса не было, в «Курочке-пальчики-оближешь»[6], где курицу больше не готовили, был.

— Кого еще отправим в нокаут? — спросили ее, когда она вошла, с нетерпением. — Маргарет Трюдо?[7]

— Как насчет самого слова «класс»? — сказала она, и они не могут решить, смешно это или нет.

Вот в этом ее проблема. Другая — в том, что постепенно она набирает репутацию этакой привереды. Она знает об этом, доходят слухи; люди начинают опасаться, что она не выполнит своих

---

[5] Примечания: 5
Пятнадцатый премьер-министр Канады.

[6] Примечания: 6
Заведения быстрого питания в центре Торонто.

[7] Примечания: 7
Канадская актриса и телеведущая, жена П. Трюдо.

обязательств. В этом есть доля правды: становится все больше вещей, на которые, ей кажется, она неспособна. Или скорее: ей не хочется. Ей хочется сказать нечто общезначимое. Ребячество. У нее просто срыв. Это началось незадолго до операции и только усугубляется. Может, у нее кризис среднего возраста, только преждевременный. Может, Гризвольд изгаляется у нее в голове: «Если не можешь сказать что-то приятное, ничего не говори». Не то чтобы эти максимы много значили для самого Гризвольда, кстати.

Два месяца назад ей заказали «профиль» — материал в «Пандору», в рубрику «Успешная женщина». Балерина, поэтесса, топ-менеджер компании сыросодержащей продукции, судья, дизайнер, создающая туфли с рожицами из блесток на мыске. Ренни хотела дизайнершу, но ей досталась судья, потому что предполагалось, что это более трудная задача и что именно Ренни с ней справится.

Перед первым интервью ее вдруг охватила самая настоящая паника. Судья была вполне симпатичная, но что ей сказать-то?

— Каково это — быть судьей? — спросила Ренни.

— А каково быть кем бы то ни было? — париро-

вала судья, к слову, лишь на год старше Ренни. Та улыбнулась в ответ. Обожаю свою работу.

У судьи двое чудесных детей и обожающий супруг, который нисколько не возражал, что женушка тратит на свое судейство столько времени, потому что и у него была работа, которая приносила ему сплошное удовлетворение и радость. У них прекрасный дом, Ренни, как ни старалась, не нашла в нем недостатков, с коллекцией полотен перспективных молодых художников; судья решает сфотографироваться на фоне одной из них. С каждым вопросом Ренни чувствует себя все моложе, тупее и беспомощнее. У мадам судьи все схвачено, и Ренни начинает воспринимать этот факт как личное оскорбление.

— Я не справлюсь, — говорит она редакторше в «Пандоре». Редакторшу зовут Типпи; они приятельницы. Она открывает рот — и оттуда словно тянется бегущая строка.

— Она маньячка, у нее всё под контролем, — говорит Типпи. — Интервью она у тебя отжала. Ты должна развернуть его, дать ракурс на нее. Нашим читателям нужны живые люди, с кое-где пробитой броней, с затаенной болью. Ей приходилось страдать, пока она карабкалась вверх?

— Да я спрашивала, — сказала Ренни (на самом

деле — нет).

— Вот что ты должна сделать: попроси разрешения провести с ней целый день. И просто ходи за ней. Где-то да прорвется правда-матка. Как она влюбилась в мужа, ты спрашивала? Загляни в шкафчики в ванной, какой у нее дезодорант, «Сухость» или «Любовь», это важно. Проведи с ними как можно больше времени, рано или поздно они расколются. Ты должна копать. И тебе нужна не грязь — тебе нужна правда.

Ренни посмотрела на ее стол — бардак, и на саму Типпи — олицетворение бардака. Она была лет на десять старше Ренни, с сальной нездоровой кожей, с мешками под глазами. Она курила как паровоз и пила слишком много кофе. Носила зеленую одежду — не ее цвет. Она была очень хорошей журналисткой и получила все возможные награды, прежде чем стала главредом, а теперь учила Ренни заглядывать в чужие шкафчики. Успешная женщина.

Ренни пошла домой. Она перечитала то, что написала про судью, и решила, что, в сущности, это и есть настоящая история. Потом порвала все на мелкие кусочки и начала с чистого листа.

«Когда-то сделать профиль означало изобразить чей-то нос сбоку, — написала она. — А теперь

это значит вид изнутри».

Дальше она не продвинулась.

* * *

Ренни берет с собой фотоаппарат, на всякий случай. Фотограф она не очень и сама это знает, но освоила основные навыки — это намного расширяет ее диапазон журналистки. Если умеешь и писать, и делать снимки, тебе везде открыты двери — ну так ей говорили.

У стойки администрации она берет карту Квинстауна, размноженную на принтере, и туристическую брошюрку. Та называется «Сент-Антуан и Сент-Агата. Откройте наши острова-близнецы во всей красе». На обложке загорелая женщина, белая, хохочет на фоне пляжа, стиснутая в сплошном купальнике «Спандекс» с короткой юбочкой спереди. Рядом с ней сидит на песке чернокожий мужчина в огромной соломенной шляпе, держа в руке половинку кокоса, из которой торчат две трубочки. Позади него изображено мачете, прислоненное к дереву. Он смотрит на женщину, она смотрит в камеру.

— Когда это напечатали? — спрашивает она.

— Мы получаем брошюры из Департамента туризма, — говорит женщина за стойкой. — Других

у нас нет.

Она англичанка и, похоже, менеджер, а может, хозяйка отеля. Женщины этого типа всегда обезоруживали Ренни: они умеют носить туфли цвета хаки на танкетке и ядовито-зеленые обтягивающие юбки, не понимая, как по-уродски это выглядит. Без сомнения, стулья и измочаленное растение в вестибюле — на ее совести. Ренни даже завидует тем, кто не подозревает о своем уродстве: это дает им преимущество — их ничем не проймешь.

— Насколько я понимаю, вы журналистка, — сурово бросает женщина. — Обычно здесь ваши не останавливаются. Вам нужно было ехать в «Дрифтвуд».

В первый миг Ренни не может понять, откуда та знает, но потом вспоминает, что на ее декларации, хранящейся в сейфе отеля, значится: «внештатный журналист». Нехитрое умозаключение. Подразумевается, что Ренни не стоит ожидать какого-то особого отношения — с какой стати, а главное, у нее нет оснований рассчитывать на скидку.

Отель расположен на втором этаже старинного особняка. Ренни спускается по внешней каменной лестнице с истертыми посередине

ступенями во внутренний двор, где пахнет мочой и бензином, затем через арку на улицу. Солнце настигает ее, словно порыв ветра, и она судорожно роется в сумочке в поисках солнечных очков. Через секунду она понимает, что перешагнула через чьи-то ноги, но вниз не смотрит. Если на них смотришь, они сразу чего-то требуют. Она идет вдоль стены отеля с обшарпанной штукатуркой, когда-то белой. На углу она пересекает главную дорогу, покрытую щербинами; в канаве ворочается густое коричневое месиво. Машин немного. На противоположной стороне она видит портик, поддерживаемый колоннами, и колоннаду, такие же обрамляли цоколи с крыльцом в Мексике. Насколько они старые, сказать трудно, ей предстоит это выяснить. В брошюре сказано, что здесь побывали испанцы, давно, наряду со всеми остальными. По меткому выражению авторов, «оставив чудесный аромат старой доброй Испании».

Она идет, держась в тени, в поисках аптеки. Никто к ней не пристает, даже не смотрит в ее сторону, не считая мальчишки, который пытается продать ей переспелые бананы. В Мексике всякий раз, когда она оставляла Джейка в отеле и отправлялась гулять одна, за ней непременно

увязывались мужики и шли, издавая непристойные звуки. Она купила соломенную шляпу, непомерно дорогую, в магазине, торгующем батиком и ожерельями из ракушек, из рыбьих хрящей. А еще сумками, на основании чего носит название «Багатель». Остроумно, думает Ренни. Повсюду знакомые вывески: «Бэнк оф Нова Скотиа», «Канадский Имперский Коммерческий банк». Здания банков новенькие, но стоят в окружении старых.

В «Бэнк оф Нова Скотиа» она обналичивает дорожный чек. Через пару домов находится аптека, также совсем новая с виду; Ренни входит и говорит, что ей нужен крем от загара.

— У нас есть метаквалон, — сообщает продавец, пока она расплачивается.

— Что, простите? — говорит Ренни.

— В любом количестве, — говорит он. Это приземистый мужичок с гангстерскими усиками, рукава розовой рубашки закатаны до локтей. — Рецепт не нужен. Отвезете домой в Штаты, — говорит он, лукаво глядя на нее. — Заработаете деньжат.

Что ж, думает Ренни, она в аптеке. Где еще предложат «поправиться» по сдельной цене. Чему удивляться?

— Нет, спасибо, — говорит она. — Не сегодня.

— Нужно что-то помощнее? — спрашивает продавец.

Ренни просит еще спрей от насекомых, и продавец с ленцой ставит флакон на прилавок. Он уже полностью утратил к ней интерес.

* * *

Ренни поднимается вверх по улице, к церкви Святого Антуана. «Старейшая в городе», — написано в брошюре. Церковь окружает кладбище, участки в кованых оградках, надгробные плиты покосились, заросли плющом. На газоне — плакат с призывом к планированию семьи: «БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ — ВАША ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». И никаких намеков, что, собственно, имеется в виду. Рядом — еще один: «ЭЛЛИС — КОРОЛЬ»; на плакате фотография пузатого мужичка с улыбкой Будды. Лицо на плакате замазано красной краской.

В церкви ни души. Похоже, она католическая, хотя нигде и не видно пучков красных мерцающих свечей. Ренни вспоминает мексиканских Мадонн, обычно их сразу несколько в каждой церквушке, в нарядах красного или белого, синего или черного цвета; выбираешь на свой вкус и молишься, о чем душа болит. У черной оплакивают

потерю. Юбки всех мадонн унизаны крошечными фигурками из жести — жестяными ручками и ножками, жестяными детишками, овечками, коровами и даже свиньями, в благодарность за спасение — или лишь в надежде на него. Тогда это показалось ей каким-то извращением.

При входе в церковь — алтарь, а в глубине стол, на нем ящик с отделениями, здесь можно купить открытку; на западной стене — большая картина «неизвестного местного художника ранней эпохи», как гласит брошюра. На ней изображено искушение святого Антония в пустыне. Только пустыня эта изобилует тропической растительностью — ярко-красные сочные цветы, чьи мясистые листья вот-вот лопнут от сока, птицы с пестрым опереньем, с огромными клювами и желтыми глазами, а сам Антоний — чернокожий. Демоны заметно белее и почти все в женском обличье. Святой Антоний стоит на коленях в молитве, направив взгляд вверх и прочь от чешуйчатых бедер, грудей и острых ярко-алых языков демониц. Он облачен не в бесформенную белую простыню, как она помнит по бесплатным буклетам воскресной школы Гризвольда, на нем обычная сорочка, белая, с расстегнутым воротом, и коричневые брюки. Он бос. Все фигуры плоские,

словно вырезаны из бумаги, и не отбрасывают тень.

Тут же продаются открытки с картиной, и Ренни покупает три. У нее с собой блокнот, но она ничего не записывает. Потом она идет и садится на самую последнюю скамью. Интересно, какую часть тела ей стоило бы прикрепить к черной Мадонне, окажись она в Мексике?

Туда они ездили с Джейком. Это была их первая совместная поездка. Он не особенно любил церкви: они не вызывали у него сильных чувств и напоминали о христианах. *У христиан интересный взгляд. Отрешенный. Они думают только об одном — как ты будешь смотреться в качестве куска мыла.*

— Я христианка, — сказала Ренни, желая подразнить его.

— Ничего подобного, — ответил Джейк. — У христиан не бывает задниц. Ты просто шикса. Это совсем другое.

— Хочешь, я спою тебе какой-нибудь хоральчик? — сказала Ренни.

— Какая порочная девчонка, — сказал Джейк. — Ты меня заводишь.

— Завожу? — сказала Ренни. — Я думала, ты всегда на взводе.

Целую неделю. Они были как одержимые. Держались за руки на улице, занимались любовью средь бела дня, деревянные жалюзи на старых окнах спасали их от солнца, их кусали блохи, любая мелочь страшно веселила, они покупали подозрительные пирожные и что-то жареное с уличных лотков и жадно поедали, ну а что? Однажды в небольшом парке они увидели запрещающий знак: «Лица, сидящие непозволительным образом, будут наказаны властями».

— Что за бред! — сказала Ренни. — Наверное, мы как-то не так перевели. В каком смысле «непозволительным»?

Они шли по многолюдным ночным улицам, жадные до впечатлений, ничего не страшась. Однажды в фиесту мимо них промчался мужчина с плетеной клеткой на голове, пуская фейерверки и шутихи.

— Вот ты какой, мистер Дженерал Электрик, — сострила Ренни.

Она любила Джейка и любила всё. У нее было чувство, что она находится внутри магического круга: ничто не может повредить ей, им обоим. И все же даже тогда ей казалось, что круг начинает медленно сжиматься. В Гризвольде считалось, что в конце концов все компенсируется: если

однажды вам сказочно повезло, значит, скоро случится беда. Везение всегда к несчастью.

Но Ренни отказывалась испытывать чувство вины, даже к попрошайкам, даже к женщинам в замызганных шалях со впалыми щеками (у них почти не было зубов), кормящим безучастных младенцев и даже не смахивающим мух с их личиков, руки раскинуты в стороны, часами в одной и той же позе, словно статуи. Она слышала, что некоторые из них специально наносят себе и даже своим детям увечья, чтобы разжалобить туристов. Или это было в Индии?

Под конец недели с Джейком приключилась «месть Монтесумы». Ренни, прошествовав мимо десятка-другого присвистывающих мужчин, купила для него в угловой аптеке флакон с розовой эмульсией, которую он согласился выпить. Но лежать — ни в какую. Джейк не хотел, чтобы она ходила куда-то без него, не хотел ничего пропустить. Он сидел в кресле, прижимая руки к животу, и периодически брел в туалет, а Ренни обсуждала с ним свою статью «Мехико-сити: бюджетнее, чем вы думали».

— Кстати, я должна сделать еще один материал, для «Пандоры», — сказала она. — Про мужскую боль. Что это такое? Чем она отличается от жен-

ской?

— Что-что? — ухмыляясь, сказал Джейк. — Вообще-то мужчины не испытывают боли. Разве что порежутся во время бритья.

— Вот и нет, недавно открыли, что испытывают. Проведены исследования. Предъявлены доказательства. Они морщатся. Иногда дергаются. Когда очень больно, делают брови домиком. Ну будь хорошим мальчиком, поделись со мной тайной мужской боли. Где вы ощущаете ее больше всего?

— В заднице, — обычно отвечал на такие вопросы Джейк. «Вот и все, что вы хотели бы узнать».

— Это моя работа, — сказала Ренни. — Без нее я окажусь на улице. Деваться некуда! Кстати, ты можешь избавиться от боли, если вытащишь оттуда шило.

— Это не шило. Это внутренний стержень. Он сформировался за годы, что я притворялся гоем. Девчонкам этого не понять.

— Зато мы знаем, где у вас другой стержень, — сказала Ренни.

Она уселась ему на колени верхом, лицом к нему и стала лизать ему ухо.

— Сжалься, — сказал он. — Я больной человек.

— Тогда проси пощады, — сказала она. — Умеют

ли парни плакать? Не знаю, но у нас есть способы вас разговорить… — Ренни переключилась на другое ухо. — Ты никогда не болеешь всерьез. — Она расстегнула ему рубашку и просунула руки под ткань. — Существа с таким густым мехом просто не могут серьезно заболеть.

— Долой ненасытную, животную женскую похоть! — сказал Джейк. — Вас всех в клетках надо держать.

Он обнял ее за талию, и они стали раскачиваться взад-вперед, а где-то снаружи, за деревянными ставнями, звенел колокол.

* * *

Ренни идет обратно, держась в тени. Вскоре она осознает, что не уверена, где находится. Но раз по дороге к церкви она все время поднималась, значит, теперь ей нужно просто идти вниз, по направлению к гавани. Вот она уже видит какие-то магазинчики.

Кто-то касается ее плеча, она останавливается, оборачивается. Это мужчина, сгорбленный, когда-то он был выше, чем сейчас. На нем поношенные черные брюки, ширинка расстегнута, рубашка без пуговиц и та самая шерстяная шапочка-на-чайник. Он бос, и ей кажется, что она

где-то уже видела эти штаны. Он стоит перед ней и улыбается. Вокруг рта у него седые волоски, а зубов почти не осталось.

Мужчина сжимает правую руку в кулак, а потом указывает на нее, по-прежнему с улыбкой. Она не понимает, что ему надо. Он повторяет свой жест, видимо, глухонемой или пьяный. Ренни вдруг кажется, что она перешла некую невидимую границу и очутилась на Марсе.

Он сводит пальцы правой руки вместе, весь в нетерпении, наконец протягивает руку ладонью вверх, и она понимает, он просит милостыню. Она открывает сумочку и вынимает кошелек с мелочью. Всего несколько центов — и он от нее отстанет.

Но нет, он хмурится, ему нужно не это. Он повторяет жесты в том же порядке, только быстрее, Ренни ничего не понимает, и ей становится страшно. У нее возникает дикая идея, что он требует ее паспорт, хочет его отнять. А без паспорта ей не вернуться домой. Она закрывает сумочку и качает головой, потом отворачивается и продолжает путь. Вот дурочка: ведь ее паспорт лежит в сейфе отеля.

То есть неизвестно где. Она чувствует, что он идет за ней. Она ускоряет шаг, шлепки босых

ног не отстают. Она уже почти бежит. На улицах все больше людей, все больше по мере того, как она спускается, и они замечают эту маленькую процессию, эту гонку, даже останавливаются, и глазеют, и смеются, но никто не пытается прийти ей на помощь. Ренни близка к панике; это ужасно похоже на кошмар, от которого ей хочется поскорее очнуться. Она не знает, почему он преследует ее. Что она такого сделала?

Вот они уже в толпе людей, похоже это рынок, пространство среди домов, в Мексике это назвали бы площадью, но здесь это лишь пространство неправильной формы в окружении прилавков, а в центре кучкуется народ и стоят несколько грузовиков. Курицы в клетях, фрукты, сложенные в неуклюжие пирамиды и укутанные в ткань, пластиковые ведра, дешевая алюминиевая кухонная утварь. Здесь шумно, пыльно, внезапно словно на десять градусов жарче; ее накрывает волна запахов. Из крошечных киосков рвется музыка, они доверху набиты техникой — японские объедки: кассетные плееры, радиоприемники. Ренни продирается сквозь гущу людей, стараясь оторваться от мужчины. Но он идет за ней по пятам, оказывается, он не такой уж дряхлый, и вот он почти схватил ее за руку.

— Стойте, — говорит Пол.

Да, это Пол, в тех же шортах, но уже в синей футболке. С полной авоськой лимонов. Странный мужчина стоит прямо позади него, как ни в чем не бывало, со своей улыбочкой хеллоуинской тыквы.

— Все в порядке, — говорит Пол. Ренни дышит прерывисто, лицо в поту, должно быть, она вся красная и выглядит как идиотка, к тому же неадекватная. — Он хочет только пожать вам руку, и все.

— Откуда вы знаете? — говорит Ренни, вдруг злость в ней побеждает страх. — Он преследовал меня!

— Он вечно ходит за женщинами, — говорит Пол. — Особенно за белыми. Он глухонемой и ничуть не опасен. Он хочет, чтобы вы пожали ему руку, считает, что это к счастью.

И в самом деле, мужчина протягивает ей руку, растопырив пальцы.

— С какой стати? — спрашивает Ренни. Она немного успокоилась, но не смирилась. — Какое уж от меня счастье.

— Не *от* вас, — говорит Пол. — *Для* вас.

Теперь Ренни чувствует себя грубой и неблагодарной: ведь он всего лишь хотел что-то ей

подарить. Она заставляет себя положить руку на ладонь старика. Он сжимает ее пальцами и держит несколько секунд. Потом отпускает, снова улыбается щербатым ртом и, повернувшись, исчезает в толпе.

Ренни чувствует себя так, словно ее спасли.

— Вам стоит присесть, — говорит Пол.

Все еще придерживая ее за локоть, он тянет ее к кафе при магазинчике — пара шатких столиков, накрытых клеенкой, — и усаживает на стул у стены.

— Не беспокойтесь, — говорит Ренни.

— Вашему организму нужно время, чтобы привыкнуть к жаре, — говорит Пол. — В первое время лучше не бегать.

— Поверьте, я не собиралась, — отвечает Ренни.

— Паническая реакция на чужака, — говорит Пол. — Поскольку вы не знаете, что опасно, а что нет, опасным кажется все. Мы тоже постоянно с этим сталкивались.

Он имеет в виду на Ближнем Востоке, на войне. Ренни кажется, что он ведет себя снисходительно.

— Это что, против цинги? — говорит она.

— Что?

— Ну, для ваших пиратских яхт, — говорит Ренни. — Лимоны.

Пол улыбается и говорит:

— Пойду внутрь, закажу нам выпить.

Но это не просто рынок. На той стороне площади напротив кафе соорудили сцену — оранжевые клети с уложенными поверху досками, немного высоковато. Двое мальчишек максимум лет шестнадцати водружают на двух шестах простыню с лозунгом красными буквами: «ПРИНЦ МИРА». «Наверное, местный религиозный культ», — думает Ренни. Новые юродивые, неофиты. Значит, та женщина в аэропорту в майке с принтом была не маньячкой, а просто фанатичкой. Она таких видела: в Гризвольде была своя секта, женщины, верившие, что пользоваться губной помадой — грех. А вот ее мать считала, что грех — ею не пользоваться.

На краю платформы сидит мужчина, он руководит парнями. Он худой, с капитанской бородкой; вот он подался вперед и стал болтать ногами. Ренни замечает, что он в сапогах для верховой езды, «ковбойских», с высокими каблуками. Единственный, на ком она здесь видела сапоги. Зачем вообще они тут нужны? Она вскользь подумала про его ступни, сжатые в потной кожаной

западне.

Он заметил, что она на него смотрит. Ренни тут же отвела взгляд, но он поднимается и направляется к ней. Подошел, уперся ладонями в стол и глядит на нее сверху вниз. Вблизи он похож на латиноамериканца.

«Еще этого не хватало», — думает Ренни. Она решила, что он собирается ее склеить, а деваться ей некуда, она зажата между столом и стеной. Она ждет улыбки, какого-то предложения, но напрасно, он лишь хмуро глядит на нее, словно силясь прочитать ее мысли или произвести впечатление; наконец она говорит:

— Я не одна.

— Ты вчера прилетела? — спрашивает он.

— Да.

— Ты писательница? — Ренни думает, откуда он знает, — но он знает и на самом деле не ждет от нее ответа: — Мы тебя не звали.

Ренни слышала, что на Карибах ухудшилось отношение к туристам, но так явно неприязни еще никто не выражал. Она не знает, что сказать.

— Останешься здесь, только хуже будет, — продолжает он.

Возвращается Пол, неся два бокала с какой-то коричневой жидкостью.

— Недавно из армии, — говорит он, ставя бокалы на стол. — Что ему надо?

— Я не знаю, — говорит Ренни. — Спросите у него.

Но мужчина стремительно удаляется, слегка прихрамывая из-за неровностей.

— Что он вам сказал? — спрашивает Пол.

Ренни рассказала.

— Может быть, я оскорбила чью-то веру, — говорит она.

— Это не вера, а политика, — говорит Пол. — Впрочем, здесь это более-менее одно и то же.

— «Принц Мира» — политика? — говорит Ренни. — Да ладно.

— Ну его и правда зовут Принц, а ваш новый знакомец — Марсдон — руководитель его предвыборной кампании, — говорит Пол, по всей видимости, не замечая в этом ничего странного. — Они — коммунисты местного разлива, поэтому используют слово «мир», на всякий случай.

Ренни отпивает глоток коричневой жидкости.

— Это что? — спрашивает она.

— Понятия не имею, — говорит Пол. — Но это здесь единственный вариант. — Он откинулся на спинку и смотрит не на нее, а в простран-

ство. — У них сейчас выборы, первые после ухода британцев, — говорит он. — Сегодня днем будут речи, от всех трех партий, одна за другой. Принц, доктор Пескарь, во-он там его угол. Потом выступит министр юстиции. Он представляет Эллиса, который никогда не выходит из дома. Одни говорят — это потому, что он вечно пьян; а другие — потому, что он мертв уже лет двадцать, просто никто еще этого не понял.

— Доктор Пескарь? — говорит Ренни, вспомнив мужчину из самолета. Вряд ли тут может быть совпадение.

— Да, рыбка такая, — ухмыльнулся Пол. — Тут в ходу образы, безграмотность высокая.

К этому моменту уже повсюду вздымаются лозунги: «ЭЛЛИС — КОРОЛЬ» и «РЫБЕ — ЖИТЬ». Все какое-то самодельное. Как в колледже на студенческих выборах.

— Будут беспорядки?

— Хотите сказать, есть ли опасность? — говорит Пол. — Да, беспорядки будут. И — нет, вам ничто не угрожает. Вы туристка, вы исключение.

Вот сквозь толпу медленно прокладывает путь грузовик; в кузове стоит мужчина в белой рубашке и зеркальных солнечных очках и рявкает на толпу в мегафон. Ренни не понимает ни слова.

С двух сторон его прикрывают еще двое с плакатами, на которых красуются большие черные короны: «ЭЛЛИС — КОРОЛЬ».

— Министр юстиции, — говорит Пол.

— Беспорядки в каком смысле? — спрашивает Ренни, думая, вернут ли ей деньги за билет на экскурсию, если она приедет раньше времени.

— Потолкаются, побузят, — говорит Пол. — Ничего серьезного.

Но вот люди начали бросать в грузовик какие-то предметы; это фрукты, понимает Ренни, они хватают их прямо с ближайших прилавков. Вдруг смятая банка из-под пива ударяется в стену над ее головой и отскакивает.

— Они целились не в вас, — говорит Пол. — Но давайте я провожу вас до отеля. Иногда дело доходит до битья стекол.

Он отодвигает стол, чтобы она выбралась, и начинает энергично протискиваться сквозь толпу, против течения. Ренни подумала, что наверное сейчас не время интересоваться теннисными кортами и ресторанами. Верно, она и без того производит легкомысленное впечатление. Потом она думает, не пригласить ли его вместе пообедать в отеле, но отметает и эту идею. Еще не так поймет.

* * *

Оно и к лучшему, учитывая, что было на обед. Она съела сэндвич с сыром-гриль, подгоревший, и запила стаканом грейпфрутового сока из жестянки — собственно, вариантов больше не было. Съев кусок пирога с желе, она достала карту Квинстауна и углубилась в нее с нарастающим отчаянием; у нее возникло неловкое чувство, что она видела уже всё сто́ящее. Впрочем, с другой стороны пристани имеется риф, который «запирает» бухту; можно осмотреть его, наняв катер. На фото в брошюре смутно видны силуэты двух рыбок. Не слишком много, но, возможно, удастся сделать пару-тройку снимков.

На карте видно, что путь к морю можно срезать. Ренни думает, что там дорога, но это всего лишь тропка, идущая позади отеля вдоль трубы, смахивающей на канализационную. Почва вокруг влажная, скользкая. Ренни ступает осторожно, досадуя, что подошвы ее сандалий не плоские.

Берег не похож на «один из семи волшебных пляжей мира с чистейшим сверкающим на солнце песком», описанный в брошюре. Он узкий, песок здесь вперемешку с галькой и усеян ямками с застывшей нефтью цвета дегтя и липкой,

как жвачка. Труба канализации уходит в море. Ренни перешагивает через нее и направляется влево. Сначала она минует перевернутую лодку под навесом, где трое мужчин потрошат рыбу, они отрезают головы и бросают тушки в красную пластиковую бадью. Внутренности валяются вокруг, словно использованные презервативы. Один из мужчин улыбнулся Ренни и поднял вверх рыбину, просунув ей пальцы через жабры. Ренни отрицательно качает головой. Она могла бы сфотографировать их и написать про свежайший морской улов и образ жизни «детей природы», но тогда ей придется купить рыбу, а она не хочет целый день таскать с собой дохлятину.

— Во сколько у нас свидание? — кричит ей вслед один из них.

Ренни не реагирует.

Уже видны два кораблика, с навесами от солнца, более-менее в том месте, что указано на карте. Ренни направляется к ним по песку. Отойдя на приличное расстояние от рыбьих голов, она снимает сандалии и идет по плотной влажной полосе вдоль моря. Слева уже начинаются горы, они полого поднимаются позади города, одетые в зеленый камуфляж.

Корабли ждут прилива. Она покупает билет

у владельца ближайшего и более нового с виду — «Принцесса Анна» и садится на колючую траву в тени кустарника. Второй называется «Принцесса Маргарет». Особого ажиотажа нет: кроме нее здесь седовласая пара, с биноклями и любопытно-восторженным видом, скорее всего американцы-пенсионеры со Среднего Запада, да две молоденькие девушки, белокожие и сплошь в веснушках. На обеих футболки с надписями «ТЕБЯ ЖДУТ „ДЕВЧОНКИ“ (ОСТРОВ ТАКОЙ), СОБСТВЕННОСТЬ ОКРУЖНОЙ ТЮРЬМЫ СЕНТ-МАРТИНС». До отплытия еще полчаса. Девушки стягивают с себя майки и шорты; они в бикини. Садятся на грязный песок и начинают мазать друг другу розовые, словно ошпаренные, спины маслом для загара. «Рак кожи обеспечен», — думает Ренни.

У нее самой платье без выреза, с открытыми руками — и все равно ей кажется, что уже слишком жарко. Она глядит на обманчиво бирюзовое море; да, она знает, сколько там плавает гадости, и все равно так хочется окунуться. Но после операции она ни разу не плавала. Еще не нашла подходящий купальник — так она оправдывается сама перед собой. На самом деле она боится — да, страх иррациональный, — что под водой

шов вдруг разойдется, как ненадежная молния, и она вывернется наизнанку. И тогда она увидит то, что видел Дэниел, который рассматривал ее, пока она лежала на столе в отключке, словно вспоротая рыба. В каком-то смысле поэтому она в него и влюбилась: ведь он знает о ней нечто, чего не знает она сама, знает, какая она изнутри.

* * *

Ренни вынимает из сумочки три открытки «Церковь Святого Антония, неизвестный местный художник». Одну она отправит в Гризвольд матери. Та по-прежнему живет в Гризвольде, несмотря на то что бабушка умерла и, казалось бы, ее ничто там не держит, можно уехать, попутешествовать. Но она осталась в Гризвольде и бесконечно приводит в порядок их краснокирпичный дом, который с каждым приездом Ренни будто становится больше и кажется все более пустым и вместе с тем все более захламленным. «Куда я поеду, — говорит мать. — Слишком поздно. И потом, здесь мои друзья».

Одна из не самых неприятных картин будущего посещает Ренни бессонными ночами: ее мать заболевает тяжелой продолжительной болезнью, и она возвращается в Гризвольд ухаживать за ней,

на долгие годы, на всю оставшуюся жизнь. Она бы ухватилась за этот предлог, пусть состоится схватка и победит слабейший. Так уж заведено в этом городе, уж во всяком случае среди женщин. Ренни помнит, как мамин церковный кружок собирался у них в гостиной, за чаем с маленькими кексами, покрытыми шоколадной глазурью и разноцветной, похожей на яд, посыпкой, обсуждая свои и чужие болячки приглушенными голосами, переплетая жалость, восхищение и зависть. Если ты болела, то была на исключительном положении: другие женщины приносили тебе выпечку, приходили посидеть, сочувствуя и злорадствуя. Сильнее этого они любили только похороны.

Ренни пишет на задней сторонке, что у нее все хорошо и она прекрасно проводит отпуск. Она не сообщила матери, что Джейк от нее ушел, — той не просто было смириться даже с тем, что он к ней переехал. Ренни скрыла бы и это, но мать обожала звонить ей рано поутру, когда, по ее мнению, все уже давно на ногах, а телефон стоял со стороны Джейка. Лучше бы у него не было привычки отвечать идиотским голосом: «Белый дом» или «Автосервис». В конце концов Ренни пришлось убеждать мать, что ей отвечает один

и тот же мужской голос, а не разные. Что само по себе было приемлемо лишь условно. Больше они об этом не говорили.

Об операции Ренни матери тоже не сказала. Она давным-давно перестала сообщать ей плохие новости. В детстве она скрывала порезы и ссадины, поскольку мама, казалось, относилась к этому не как к происшествиям, а как к проступкам Ренни, совершенным нарочно, чтобы усложнить ей жизнь. «А *это* ты зачем натворила? — говорила она, вытирая кровь полотенцем. — В следующий раз смотри, куда идешь». Она сочла бы, что операция тоже ее проступок. Рак был темой бесед в гостиной, но не на тех же правах, что сломанная нога, сердечный приступ или смерть. Рак был темой сторонней, почти неприличной, скандальной; человек сам накликал на себя эту напасть.

Другие тоже так считают, хотя и дают другие объяснения. Ренни и сама так думала. «Сексуальная депривация». «Подавленный гнев». Тело, этот завистливый брат-близнец разума, мстило за преступления, которые, предположительно, тот совершил над ним. Но она не была готова к силе собственного гнева, к ощущению, что ее предал ближайший, по сути, друг. Она водила тело на плавание дважды в неделю, берегла от фастфуда

и табачного дыма, заботилась о регулярной сексуальной разрядке. Доверяла ему. Почему же оно так поступило с ней?

Дэниел говорил о важности отношения к проблеме.

— Это до сих пор загадка, — сказал он. — Мы не знаем причин возникновения, но это помогает, по крайней мере, так считается.

— Что — это? — спросила она.

— Надежда, — сказал он. — Мозг неотделим от тела; эмоции запускают химические реакции и наоборот. Ну вы знаете.

— Значит, если случится рецидив, я не виновата? Рак у меня в мозгу? — сказала Ренни.

— Это не символ чего-то, а болезнь, — терпеливо отвечал Дэниел. — И мы пока не нашли лекарства. У нас есть набор методов, вот и все. Все ищут некий икс-фактор. Однажды его все-таки откроют, и тогда специалисты вроде меня окажутся не у дел. — Он похлопал ее по руке. — У вас все будет прекрасно. У вас вся жизнь впереди. В отличие от других. Повезло вам.

Но особо лучше ей не стало. Ее выписали из больницы, она вернулась к себе, но не чувствовала себя «прекрасно». Она мечтала заболеть снова, чтобы Дэниелу пришлось с ней возиться.

Она придумала себе целую программу: расписание плюс цели. Разрабатывала мышцы левой руки, поднимая ее и прижимая предплечьем к стене, сжимала шарик-спонж по двадцать раз в день. Она ходила с Джейком в кино, чтобы развеселиться, только комедии, ничего «тяжелого». Снова начала печатать, страницу зараз, вернувшись к своей статье про украшения из цепочек для заглушек, начав там, где прервалась. Заново научилась причесываться и застегивать пуговицы. Совершив каждое достижение, она думала, что Дэниел с одобрением наблюдает за ней. «Прекрасно, — сказал бы он. — Вы уже можете застегивать пуговицы? И причесываться? Отлично, и продолжайте смотреть жизнерадостные фильмы. Вы просто умница».

Она отправилась на осмотр и чтобы снять швы. Надела алую блузку, чтобы показать Дэниелу, как позитивно она настроена, сидела прямо, улыбалась. Дэниел сказал, что она просто умница. И она расплакалась.

Он обнял ее, как она и хотела. Ее поразило, насколько она банальна, насколько глупа, предсказуема. У нее текло из носа. Она чихнула, и ее взгляд упал на карман халата Дэниела, где, она заметила, он держал несколько дешевых ручек.

Она оттолкнула его.

— Простите, — сказала она. — Я не хотела.

— Не извиняйтесь, — сказал он. — Вы живой человек.

— Я больше не ощущаю себя человеком, — сказала она. — Я как прокаженная. У меня кошмары, мне снится, что во мне кишат белые черви и пожирают меня изнутри.

Он вздохнул.

— Все нормально. Это пройдет.

— Хватит уверять меня, что я нормальная! — сказала она.

Дэниел проверил свое расписание приемов, взглянул на часы и повел ее выпить кофе в торговую галерею на первом этаже здания, где прочел ей полноценную лекцию. У нее началась вторая часть жизни. Эта часть будет отличаться от первой, она больше не сможет воспринимать вещи как данность, но, возможно, в этом есть плюсы, потому что она будет смотреть на жизнь как на ценный дар и ценить ее еще больше. Это почти как получить второй шанс. Она должна прекратить думать, что жизнь кончена, потому что это вовсе не так.

— Когда я учился, то верил, что смогу спасать людям жизнь, — сказал он. — Но теперь я так не

думаю. Я даже не думаю, что могу их вылечить. В этой области медицины нельзя позволять себе такие мысли. Но во многих случаях мы можем продлевать жизнь. Ремиссия может длиться годы, даже до самого конца. — Он слегка подался вперед. — Воспринимайте свою жизнь как чистый лист. На котором вы сможете написать, что захотите.

Ренни сидела за столиком напротив него, за пластиковым столиком, белым с золотистыми вкраплениями, и думала, какой бред он несет, вместе с тем восхищаясь его глазами, они имели удивительный оттенок, зелено-голубой. Откуда он этого понабрался, из «Ридерз Дайджест»?

— Сколько раз вы произносили эту речь? — спросила она. — Или лист бумаги — это потому, что я журналистка? То есть, будь я зубным врачом, вы бы сказали: ваша жизнь — словно зуб с дуплом, вы можете заполнить его, чем захотите?

Ренни знала, такие вещи нельзя говорить мужчине, в которого ты влюблена, этого в принципе нельзя говорить мужчинам, никому нельзя, коли на то пошло; издеваться неприлично, особенно если твой собеседник настроен серьезно. Дэниел имел полное право разозлиться на нее, но вместо этого он, казалось, был страшно удивлен. Пару

секунд он смотрел на нее почти застенчиво; а потом расхохотался. Он покраснел, и Ренни тут же растаяла; ни один мужчина, которых она знала, не умел краснеть.

— Похоже, вы считаете, что здорово меня подделали, — сказал он.

«„Поддела“! О боже», — подумала Ренни, — «я попала во временную петлю, на дворе снова пятьдесят пятый. Он с другой планеты».

— Извините меня, — сказала она. — Иногда я слишком язвительна. Но я хочу сказать, и что дальше? Допустим, у меня в запасе много времени. И что, сидеть и ждать, пока все повторится? Ведь это случится рано или поздно.

Он снова посмотрел на нее с грустью, такой терпеливый, словно имел дело с капризным ребенком.

— Делайте то, что хотите, — сказал он. — То, что действительно хотите.

— А что бы стали делать вы? — спросила Ренни. Она сдержала порыв взять у него интервью «Если врач заболел сам».

Он опустил взгляд на свои руки.

— Полагаю, то же, что и сейчас. Пожалуй, это единственное, что я умею, по большому счету. Вот у вас жизнь интересная.

Так впервые она поняла, что Дэниел считает ее интересной.

Ренни смотрит на две другие открытки. Одну она отправит Джейку, из вежливости — надо дать ему знать, где она. Но без текста, потому что не может придумать, что бы ей хотелось ему сказать. А третью пока оставит пустой. Пустой — не значит чистой. Она для Дэниела, но Ренни решила пока не отправлять ее. Отправит позже, когда сможет честно написать: у меня все отлично. Именно это он хотел бы услышать — что все отлично, что с ней все отлично, что он не причинил никакого вреда.

* * *

Ренни чувствует, как на нее упала тень.

— Приветик, — произносит низкий, чуть гнусавый голос, вроде бы знакомый. Эта женщина встретилась ей в отеле вчера вечером.

Она садится рядом с Ренни, без приглашения, и достает из сумки пачку сигарет. Ренни убирает открытки.

— Куришь? — говорит женщина.

Ее пальцы, держащие сигарету, обкусаны до самых ногтей, формой словно пеньки, выглядит

это довольно противно, а кожа вокруг ногтей буквально изгрызена, словно мышами, и саднит; это одновременно изумляет и отталкивает Ренни. Ей не хочется касаться этой уродливой руки, не хочется, чтобы она ее касалась. Ей неприятно видеть любые ссадины, раны — когда размыта грань между тем, что внутри, и тем, что снаружи.

— Нет, спасибо, — говорит она.

— Я Лора, — говорит женщина. — Никакая не Лаура и так далее. Лора Лукас. В нашей семье у всех имена на «л». Мою маму звали Леона.

Когда она заговорила, первое впечатление размывается; кажется, «приветик» — единственный заученно-фальшивый прием, все прочее натуральное. Она старше, чем показалась Ренни в приглушенном свете отеля. Сегодня у нее распущенные по-хипповски волосы, сухие, как солома. Она завернута в кусок оранжевой ткани, с узлом поперек массивных грудей.

Ее глаза все время бегают, словно сканируют, подмечают все детали.

— Только что приехала, да? — говорит она, и Ренни думает: канадка.

— Да, — отвечает она.

— Ты тут смотри, держи ухо востро, — говорит Лора. — Если люди поймут, что ты не при делах,

тебе кранты. Вот сколько содрал с тебя таксист в аэропорту?

Ренни говорит, и та смеется.

— Ну видишь?

Ренни возмущается: ее всегда возмущает вторжение в личное пространство. Жаль, она не взяла книгу, могла бы притвориться, что читает.

— И следи за вещами, за камерой, и вообще, — говорит Лора. — Недавно была серия ограблений. Одна моя знакомая проснулась ночью, а над ней какой-то черный, в одних плавках, приставил ей к горлу нож. Секс тут ни при чем — только хотел забрать у нее деньги. Сказал, убьет ее, если она проболтается. И она побоялась пойти в полицию.

— Почему? — говорит Ренни, и Лора расплывается в ухмылке.

— Она решила, он сам из полиции.

Услышав какой-то сигнал — Ренни не поняла какой, — Лора поднимается и отряхивает песок со своего оранжевого наряда.

— Давай на борт, — произносит она. — Если ты здесь за этим.

Похоже, они должны добираться до корабля вброд. Пожилая пара с одинаковыми биноклями идет в авангарде. На обоих широкие шорты цвета

хаки, они закатывают их еще выше, обнажая тонкие бледные ноги, на удивление мускулистые. И все же, когда они подходят к трапу, болтающийся низ шортов намокает. Две подружки-веснушки сопровождают свой путь визгом и хихиканьем. Лора развязывает свою тунику и обматывает ее вокруг шеи; она в черном бикини, на пару размеров меньше нужного. Затем, держа свою бордовую холщовую сумку на уровне плеча, ступает в воду; волна разбивается о ее бедра, которые выпирают из трусиков, словно на карикатуре или на таких салфетках с приколами.

Ренни раздумывает над выбором. Можно заткнуть подол платья в трусы, для всеобщего обозрения, или промокнуть и пованивать водорослями до самого вечера. Она выбирает компромисс: поднимает подол до колен и подтыкает платье за пояс. Но оно все равно намокает. Мужик на кораблике — как оказалось, владелец судна — расплывается в улыбке, когда ее окатывает волна. Он протягивает ей длинную узловатую руку с ладонью-клешней и помогает взобраться. В последний момент, когда уже затарахтел двигатель, вдруг подплывает стайка хохочущих ребятишек, карабкается на борт и сразу на навес — на самом деле деревянный, а не тканевый,

понимает Ренни.

— Эй, смотрите там, не свалитесь! — кричит им хозяин.

Ренни сидит на деревянной скамье, с нее капает, кораблик прыгает вверх-вниз по волнам, и ее охватывает изнурение. Лора удалилась наверх, к детишкам, наверное, позагорать. Девушки флиртуют с капитаном. Пенсионеры разглядывают в бинокли морских птиц, бросая друг другу слова, похожие на некий шифр.

— Олуша, — говорит жена.

— Фрегат, — отвечает муж.

Прямо перед Ренни — стеклянная загородка, идущая почти по всей длине борта, с выступом посередине. Она ложится на нее обоими локтями. Сквозь стекло видна лишь сероватая морская пена. Вообще-то она оказалась здесь ради того, чтобы написать, как здесь здорово. «Сначала думаешь: можно было получить те же ощущения за куда меньшие деньги, просто бросив щепотку стирального порошка в джакузи. Но подождите!..»

Ренни ждет; корабль останавливается. Они далеко в море. В двадцати ярдах впереди волны разбиваются о невидимую стену, и кораблик подскакивает на каждой встречной волне, а потом

болтается в складках между волнами, пока до рифа не остается какой-нибудь фут. «Это иллюзия», — думает Ренни. Ей нравится верить, что те, кто это устроил, все предусмотрели и ни в коем случае не допустят опасности. Ей не нравится картинка, как отросток коралла вдруг пробивает стеклянную перегородку.

Ренни наблюдает — ведь это и есть ее работа. Вода наполняется мельчайшим песком. По краям перегородки появляются и исчезают неясные тени. Внизу, заросшая кораллами настолько, что форма едва угадывается, дрейфует пластиковая бутылка; рядом держится рыбка с тигровым окрасом.

— Сегодня не лучший день, слишком ветрено, да и вообще, риф не из лучших, — произносит Лора. Она уже внизу и опускается на колени рядом с Ренни. — Постепенно гибнет из-за нефти и мусора в гавани. Если хочешь понырять с маской и все прочее, то поезжай на Сент-Агату. Кстати, я там живу. Тебе там точно больше понравится.

Ренни не отвечает; кажется, это необязательно. На самом деле ей не хочется продолжать разговор. Разговоры ведут к знакомствам, которые так быстро возникают в подобных поездках. А люди принимают их за дружбу. Она улыбается и

отворачивается к стеклянному «экрану».

— Значит, ты пишешь для журналов? — спрашивает Лора.

— Откуда вы знаете? — спрашивает Ренни в раздражении. Это уже третий раз за сегодня.

— Здесь все всё знают. Слухи, сарафанное радио, если хочешь. Все знают, что где происходит. — Она немного помолчала. Потом взглянула на Ренни, вперив в нее взгляд, словно стараясь увидеть больше, чем другие, сквозь синие линзы своих очков. — Могу подсказать, о чем тебе стоит написать, — мрачно добавляет она. — Историю моей жизни. Впрочем, она достойна целой книги. Хотя все равно никто не поверит, ну ты понимаешь.

Ренни становится скучно. Сколько раз разные люди произносили подобные фразы — на вечеринках, в самолетах — как только узнавали о ее профессии. Ну почему все они думают, что их жизнь интересна кому-то еще? Почему им кажется, что, попав на страницы журнала, она обретет бóльшую ценность, чем раньше? Почему им так хочется оказаться… на виду?

Ренни отключает звук и сосредоточивается на видео. Лоре есть что подправить. Ее бы очень украсила, например, стрижка четкой формы, а

еще если бы она совсем чуть-чуть отрастила брови. Она их нещадно выщипывала, что излишне округляло лицо. Ренни представляет ее в передаче «Модный приговор: до и после», с серией снимков во время процесса преображения, когда ее холят, и лелеют, и красят, а потом обряжают в свитер от «Норма Кляйн». После чего ее вполне можно повести обедать в «Уинстонз» и останется научить ее одному: держать рот на замке.

* * *

Они сидят под металлическим зонтиком одного из белых столиков патио «Дрифтвуда», Лора — выставив спину на солнце, Ренни — в тени. За остальными столиками негустая россыпь белых туристов в различных стадиях ярко-розового оттенка и одна пара по виду индийцев. Официанты — чернокожие или мулаты; сам отель в стиле современных придорожных мотелей, на балконах пластиковые панели, зеленые и синие. У входа на патио стоит дерево, покрытое алыми цветами, бутоны с огромными лепестками напоминают гигантский душистый горошек; вокруг них порхает с десяток колибри. Внизу, по ту сторону извилистой каменной стены, прибой бьется о прибрежные скалы, как и полагается, а с

Атлантики дует свежий ветер. Направо — широкий пляж, без всяких рыбьих голов.

Лора заказывает еще одну «Пина коладу». Ренни выпила только половину своей, но заказывает и себе.

— А кто платит? — с деланой наивностью спрашивает Лора.

— Я, — говорит Ренни, понимавшая это с самого начала.

— Ну да, ты же можешь списать все на всякие там расходы, — сказала Лора. — Они ведь всё оплачивают, такие журналы?

— Не всегда, — отвечает Ренни, — но это я могу списать. Будем считать, я брала у тебя интервью.

— «Списать!» — говорит Лора. — Надо же. И Ренни неясно, сказано это с уважением или презрением. — Вот где обычно останавливаются люди вроде тебя.

Ренни терпеть не может, когда ее «обобщают», когда ее насильно помещают в некую абстрактную группу — «такие как ты». Ей претит самоуверенность людей вроде Лоры, которые считают, что раз у них было несчастное детство или меньше денег, чем у других, то они обладают превосходством. И ей ужасно хочется пустить в ход один из своих безотказных приемов: на-

клониться через стол, снять солнечные очки, посмотреть прямо в Лорины кукольные голубые глаза, которые удивительным образом выражают одновременно разочарование и восторг, и сказать: «Почему вы так агрессивны?» Но у нее такое чувство, что на Лору это не подействует.

Она думает, может, расстегнуть платье и показать шрам? Раз уж пошла тема «бедняжка-я», это даст ей несколько очков форы; но Ренни не хочется следовать примеру тех, кто обращает свои физические недостатки в инструмент морального шантажа.

Она знает: ей не следовало продолжать знакомство на кораблике, не стоило признаваться, что она хочет посмотреть другие отели, и нужно было настоять на такси, а не поддаваться Лоре, которая заявила, что всех знает и зачем тратиться, когда можно прокатиться бесплатно. «Бесплатный мотор — вот мой девиз!» — сказала она. Мать Ренни считала, что ничего бесплатного не бывает.

Их «мотором» оказался видавший виды грузовик с нарисованными на капоте двумя желтыми глазами. Он вез туалетную бумагу, и им пришлось восседать в кузове прямо на коробках, эдакие королевы бразильского карнавала. По пути кучки мужчин тут и там приветствовали

их криками и махали руками. За городом дорога становилась все хуже, пока не превратилась в узкую полосу крошащегося бетона. Водитель гнал на предельной скорости, и на каждом ухабе Ренни чувствовала, как острие позвоночника буквально вонзается ей в череп.

Ей даже думать не хотелось о поездке обратно, но не оставаться же на ночь. И надо еще исхитриться, чтобы не пришлось здесь обедать. Она уже смекнула, Лора — из тех женщин, которые встречаются в разных барах разных стран: такие как она не выбирают мест, где оказались, — просто «так получилось», но у них уже нет сил, чтобы вернуться домой. Ренни теряется в догадках, почему Лора с такой готовностью поехала с ней в этот отель. У них ведь нет ничего общего. Да, она сказала, что сейчас никуда не спешит, так что может показать Ренни город. Но Ренни ей не верит. Она решила допить коктейль и поехать обратно. Если повезет, скоро пойдет дождь: тучи многообещающе сгрудились на горизонте.

Лора полезла в свою сумку, покопалась в ней — и тут все встало на свои места: она вытащила полиэтиленовый пакетик с травой, примерно унция, прикидывает Ренни. Она хочет продать его Ренни. По ценам Торонто, буквально за гроши.

— Лучше не бывает, — говорит она. — Из Колумбии, свежая поставка.

Ренни, естественно, отказывается. Она наслышана об антинаркотических законах в других странах, знает о различных ловушках, и у нее нет никакого желания провести даже день в заплесневелых стенах здешней каталажки, пока местные чинуши стараются изо всех сил — безуспешно — выжать хоть цент из ее матери. Ведь та — ярая сторонница принципа: каждый сам в ответе за свои поступки. А кто еще может ее вытащить? Или хотя бы попытаться?

Лора пожимает плечами.

— Расслабься. Попытка — не пытка, — говорит она.

Ренни оборачивается, чтобы посмотреть, где там коктейль, и застывает от страха.

— О боже, — произносит она.

В бар зашли двое полицейских, они ходят от столика к столику, похоже задают всем вопросы. Но Лора смотрит на них в полном спокойствии, она даже не прячет траву, только прикрывает пакетик, положив на него сумку.

— Сделай нормальное лицо, — велит она. — Все схвачено. Говорю же, расслабься — значит, расслабься.

Выясняется, что копы всего лишь продают билеты на свой благотворительный танцевальный вечер. Ренни вроде бы видела эту парочку в аэропорту, но не уверена, что это они. Один продает билеты, а второй стоит рядом, помахивает стеком и сканирует обстановку. Ренни достает из сумочки свой билет и говорит:

— У меня уже есть, — видно, слишком самоуверенно, потому что коп-торгаш отвечает:

— Так вам нужен второй. Для кавалера. Есть вещи, которые в одиночку не делаются.

Второй захохотал, на высокой ноте.

— Прекрасная идея, — говорит Лора и улыбается, слегка напряженно — в стиле «Холидей Инн»; Ренни платит.

— До встречи, — говорит первый коп, и они удаляются.

— Кого я ненавижу всей душой, так это копов, — говорит Лора, когда они еще могут услышать. — Каждый норовит руки нагреть. В принципе, я не против, но они вконец обнаглели. Играют не по правилам. Вот тебя когда-нибудь останавливали? За превышение скорости или еще за что? Там, дома, я имею в виду, — здесь плевать они хотели на скорость.

— Нет, — говорит Ренни.

— Смотрят в твои права. Потом называют по имени. Ни мисс, ни миссис — прямо по имени, а узнать их имена у тебя возможности нет. Такое с тобой случалось?

«Нет вообще-то», — думает Ренни. Ей с трудом удается сосредоточиться: в коктейлях слишком много рома. Но Лора жестом просит бармена повторить, ей хоть бы что.

— Вот так все и начинается, — продолжает Лора. — Они могут называть тебя по имени, а ты их — нет. Они считают, что прижали тебя и теперь, типа, могут воспользоваться. Некоторые даже предлагают на выбор, дать или отдаться.

— Что-что? — спрашивает Ренни.

— Ну, ты понимаешь: заплатить штраф или отсосать. Они же в курсе, где можно укромно припарковаться, да? — Лора лукаво смотрит на нее, и Ренни понимает, она рассчитывала ее шокировать. — Я серьезно, — говорит Лора, словно такое проделывали с ней лично, и не раз.

Лора была бы звездой Женского движения — в старые добрые времена, в семидесятые, когда в журналах все еще писали про освобождающую роль мастурбации. Она получила бы десять из десяти за «открытость» — этот термин всегда вызывал у Ренни ассоциацию с банкой червей,

с которой сняли крышку. Впрочем, Ренни в те годы и сама написала несколько статей о Движении, пока не иссяк его медийный потенциал. Позже она написала материал под названием «Иссякшие» — интервью с восемью женщинами, которые рассказывали, почему они ушли из Движения и предпочли заняться плетением ковриков или рисованием пейзажных миниатюр на бутылках. «Там была жуткая внутренняя грызня, — говорили они. — Травля и унижение. С некоторыми тетками просто невозможно было работать, ты не могла понять, на каком ты свете. И все делалось у тебя за спиной. С мужиками, по крайней мере, все карты на столе». Ренни усердно записывала все в блокнот.

— Отличный материал! — сказал редактор. — Наконец-то кто-то набрался смелости, чтобы сказать правду.

Лора улыбается, но ее не проведешь; она уверена, что в таких вещах Ренни ничегошеньки не смыслит. Но она натура щедрая и рада поделиться. Десять из десяти за щедрость.

— Слушай, — говорит она, — по крайней мере, тебе дают выбор. У тебя есть шанс сказать, что ты стоишь больше, чем какой-то штраф. Хотя я не уверена, что хуже — никаких вариантов или

несколько паршивых. По крайней мере, когда у тебя нет выбора, не надо думать. Сечешь? В худшие моменты моей жизни выбор у меня как раз был: или дерьмо, или дерьмо.

Ренни не хочет слушать о худших моментах в жизни Лоры, поэтому молчит.

— Ну ладно, не будем о грустном, — говорит Лора. — Как говорила моя матушка, мир полон ужасных вещей, да еще с избытком, так что не будем о грустном, поговорим о чем-нибудь приятном.

Ренни думает: «Интересно, о чем же?» Похоже, Лоре ничего не приходит в голову.

— Любишь заспиртованные вишенки? — вдруг спрашивает она, высасывая до дна содержимое бокала двумя трубочками. — Я просто ненавижу.

Ренни задумалась. С одной стороны, она любит эти вишни, но с другой — ей совершенно не улыбается перспектива съесть одну из ягод, которые Лора вылавливает со дна бокала своими обгрызенными пальцами. Но кажется, она спасена — на патио заходит Пол и стоит, осматривая столики, словно кого-то ищет.

Ренни знает кого — ее. Она машет ему, и он направляется к ним.

— Чем вы тут занимаетесь? — говорит он, улы-

баясь ей.

— Собираю материал, — отвечает Ренни, улыбаясь в ответ.

— Ты опоздал, — говорит ему Лора. — Я сто лет тут сижу.

— Пойду возьму выпить, — говорит Пол и идет к бару.

— Я сейчас, — говорит Лора Ренни. — Приглядишь за моей сумкой?

Она встает, откидывает волосы назад, расправляет плечи, чтобы груди выпирали еще заметнее, и идет вслед за Полом. Они стоят и болтают, куда дольше, чем хотелось бы Ренни.

Приносят третью «Пина коладу», для Лоры, и Ренни немного отпивает — чтобы хоть чем-то заняться.

* * *

Лора возвращается и садится к столу. Коктейль на столе, но она к нему не притрагивается. Что-то произошло, кукольное выражение стерлось с ее лица. Ренни замечает, какая дряблая кожа у нее под глазами — слишком много солнца, через несколько лет она станет сморщенной, как печеное яблоко. Лора глядит на Ренни с мольбой, на манер спаниеля.

— Что случилось? — спрашивает Ренни, тут же понимая, что не стоило: вопрос означает соучастие.

— Послушай, — говорит Лора. — Можешь оказать мне услугу? Серьезно.

— Какую? — спрашивает Ренни, она настороже.

— Элва больна. Мать Принца. Там, на Сент-Агате.

— Мать Принца? — спрашивает Ренни. Двух «принцев» тут быть не могло.

— Это парень, с которым я живу.

— Тот, что на выборах? — спрашивает Ренни, у которой никак не складывается картинка.

— Да, поэтому он и не может поехать на Сент-Агату. Сегодня он должен произнести речь, так что поехать должна я, она как бы живет с нами. Ей восемьдесят два, больное сердце, а врачей там нет, в общем, больше некому.

Она что, в самом деле готова расплакаться?

— Что я могу сделать? — говорит Ренни.

В Гризвольде это были бы кексы или тыквенный пирог. Знакомый сценарий. Теперь Ренни настроена к Лоре дружелюбнее — когда узнала, что та с кем-то живет. Причем не с Полом.

— Завтра в аэропорт доставят одну посылку, —

говорит Лора. — Ты могла бы забрать ее?

Ренни тут же заподозрила подвох.

— Что в посылке?

— Не то, что ты думаешь, — говорит Лора. — Уж этого-то добра здесь хватает, авиапочтой из Штатов доставлять не надо. Это ее лекарство от сердца. У нее в Нью-Йорке дочь, она регулярно его шлет. Здесь-то не достать. И вот оно закончилось, поэтому старушке стало хуже.

Ренни не хочет иметь на совести смерть чьей-то престарелой матери. Что ей остается делать, как не согласиться? «Ты слишком доверчива, — говорил ей Джейк. — Хоть раз в жизни позволь себе усомниться».

К ним подходит Пол, он не спешит, кажется, он вообще никогда не торопится. Он ставит бокал с недопитым коктейлем на стол и садится, улыбаясь, но Лора даже не смотрит на него.

— Вот что от тебя требуется, — говорит Лора. — Завтра утром в аэропорту, около восьми, подходишь к окну с надписью «Таможня». Покажешь вот это. Не позже восьми, это важно. — Она роется в своей сумке и никак не может что-то найти. Наконец выуживает помятый, сложенный пополам лист бумаги.

— Ага, вот, — говорит она. — Скажешь, что те-

бя послала она, и отдашь им бумагу. Спросишь Хэролда, он должен быть там; если его не будет, придется подождать.

Ренни берет бумагу; это простая таможенная квитанция. Оплачивать не нужно, ничего сложного.

— А почему нельзя просто передать ее в окно? И кто-нибудь выдаст мне посылку.

Лора смотрит на нее терпеливо, но измученно.

— Ты просто не понимаешь, как тут делаются дела, — говорит она. — Именно ему я дала взятку. Если отдашь бумажку другому, они откроют коробку и оставят половину себе. А могут захапать всё и сказать, мол, никакой посылки не было, понимаешь? Загонят на черном рынке.

— Серьезно? — говорит Ренни.

— В каждой избушке свои погремушки, — сказала Лора. — Но система как-то работает. Нужно только врубиться, как именно. — Она уже не так напряжена; решительно высасывает остатки «Пина колады» и встает, отодвигая металлический стул. — Мне надо в туалет, — сообщает она и исчезает в здании отеля.

Ренни и Пол остаются наедине.

— Можно вас угостить? — говорит Пол.

— Нет, спасибо, — отвечает Ренни. Она и так

уже сильно пьяна. — Как мне выбраться отсюда? — До нее доходит, что ее вопрос звучит как просьба. — Надо вызвать такси.

— Такси не любят сюда мотаться, — говорит Пол. — Дороги разбитые, никто не хочет гробить подвеску. Да и все равно пришлось бы ждать сто лет. Я вас подвезу, мой джип у дороги.

— Только если вы в любом случае собирались обратно, — говорит Ренни.

Он встает, показывая, что готов ехать хоть сейчас.

— А как же Лора? — говорит Ренни. Она не хочет возвращаться вместе с ней, но некрасиво бросать ее в одиночестве.

— Лора отлично доберется сама, — говорит Пол. — Она тут всех знает.

Когда они вышли, она увидела, что Лора уже не в туалете, а болтает с одним из официантов у входа на кухню. Ренни подходит, чтобы попрощаться.

— Всего хорошего, — говорит Лора, со своей фирменной улыбочкой. — Она кладет Ренни в ладонь какой-то предмет, на ощупь — как пачка салфеток. — Это подарок, — говорит она. — В благодарность за услугу.

— Лора ваша подруга? — спрашивает Ренни,

когда они вышли и уже бредут по густой траве газона у отеля.

— В каком смысле?

Ренни прикусила губу. Ей не хочется выказывать ни ревности, ни заинтересованности, хотя она неожиданно для себя понимает, что чувствует и то и другое.

— То есть вы хорошо ее знаете?

— Да, неплохо. Она тут давно.

— Вроде как она живет с одним мужчиной на Сент-Агате, — говорит Ренни.

— С Принцем? — говорит Пол. — Не совсем так. То вместе, то врозь, такие отношения. Он участвует в политике, она нет.

— Зато, похоже, она участвует во всем остальном, и еще как, — говорит Ренни.

Пол не отвечает и вообще выражает полное равнодушие. Вопрос, который подразумевала Ренни, остался без ответа, и она понимает, что не добьется ясности.

Они подходят к дороге и видят джип, маленький и помятый, открытый с боков, с брезентовым верхом.

— Ваш? — спрашивает Ренни.

— Одного друга, — говорит Пол.

Он не открывает для нее дверцу, и она какое-то

время возится с ручкой. Да, она явно перебрала с выпивкой. Пол достает зеркальные очки, надевает. Затем включает зажигание. Машина отъезжает назад, в канаву, это единственная возможность развернуться, затем бросается вперед, и колеса проворачиваются в грязи. Ренни хватается правой рукой за верхнюю металлическую рамку, а левой за сиденье, тоже из металла. Ремни безопасности отсутствуют.

Они едут через лес, окружающий «Дрифтвуд»: высоченные тропические деревья, оплетенные лианами, гигантские доисторические папоротники, дородные растения будто с резиновыми листьями, формой напоминающие уши, и плодами-нарывами, или гландами. Некоторые деревья были вырваны из земли, выкорчевав заодно целые пласты почвы, их толстенные узловатые корни висят теперь в воздухе.

— Аллан! — Пол пытается перекричать шум езды.

— Что? — кричит Ренни.

— Ураган!

Они приблизились к кокосовой плантации. Она кажется заброшенной, часть деревьев погибла и повсюду кокосы, даже на дороге, а сама дорога ужасная, они подскакивают на каждой

яме. У Ренни похолодели руки, она вся в поту и больше не чувствует, что пьяна, — но, кажется, ее сейчас стошнит.

— Вы могли бы остановиться? — кричит она.

— Что?

— Стойте! — кричит она. — Пожалуйста!

Он повернулся к ней и съезжает на обочину. Ренни опускает голову на колени; если она посидит так с минуту, то все пройдет. Она понимает, что это потеря времени, и чувствует себя глупо, но это лучше, чем если бы ее вырвало прямо на него. «Я на солнышке блюю», — мелькнуло у нее в голове. Типпи сказала бы: а что, любой материал можно использовать, надо только придумать, как его подать.

Пол коснулся ее спины.

— Ну как, вам лучше? Видимо, я слишком быстро гнал.

Не поднимая головы, Ренни вслушивается; она слышит голоса птиц, визгливые, тонкие, как кончики ногтей, хриплое карканье, зуденье насекомых, ее сердце бьется часто-часто. Через какое-то время, ей трудно оценить точно, она поднимает голову. Пол смотрит на нее, его лицо совсем близко, она видит два своих лица, белых, миниатюрных, в стеклах его очков. Без глаз его

лицо не имеет выражения, он тот самый «безликий незнакомец». Она чувствует, что его рука лежит на спинке ее сиденья.

— Вы не могли бы снять очки? — говорит она.

— Зачем? — спрашивает он, но снимает.

Ренни отворачивается. Уже поздно. Солнце роняет косые лучи в длинные прорези пальмовых листьев, кокосы потихоньку гниют в своих скорлупах; тут и там в земле углубления — по всей видимости, постаралось какое-то животное.

— Кто живет в этих ямах? — спрашивает Ренни.

— Сухопутные крабы, — отвечает Пол. — Здоровенные белые твари. Выползают только ночью, и на них охотятся с фонарем и большой палкой. Светишь им в глаза, это их парализует, а затем протыкаешь палкой.

— Их можно есть? — спрашивает Ренни. Ее все еще мутит, силуэты кажутся чересчур четкими, звуки слишком резкими.

— Конечно, можно, — говорит Пол. — Иначе зачем охотиться.

Он поворачивает ее к себе, улыбается и целует, скорее с интересом, чем со страстью. Через минуту Ренни обнимает его ладонью за шею; у него мягкие волосы, она чувствует под ними мышцы,

их узелки и переплетения. Его рука движется к ее груди, и она останавливает ее, просунув свои пальцы меж его. Он глядит на нее и слегка кивает.

— Да. Пора ехать.

Остальную часть пути он ведет медленно. Когда они въезжают в город, уже стемнело.

Ренни хочет, чтобы все было легко, так почему нет? Стоит этому произойти — и окажется, что все проще простого. Он ей нравится, по-настоящему — но не так сильно, она ничего о нем не знает, да и не нужно ничего знать, он ничего не знает о ней, все идеально. Она идет по коридору с деревянными стенами, мимо ледяного взора англичанки, он рядом, чуть позади, она хочет этого, наконец-то хочет, да так, что у нее руки дрожат.

Но подойдя к двери, она оборачивается, не открыв двери, она просто не может. Не может так рисковать.

— Я так понимаю, я могу зайти? — говорит он.

Она говорит нет, и больше ей нечего сказать.

Он пожимает плечами.

— Как знаешь.

Она гадает, что он сейчас думает. А он поцеловал ее в щеку, как клюнул, и пошел прочь по зеленому коридору.

Ренни заходит в номер, запирает за собой дверь и садится на край кровати. Затем открывает сумочку. Она достает из маленького отделения на молнии «салфетки», подарок Лоры, и разворачивает. Она прекрасно знает, что там внутри: пять косяков, туго, профессионально свернутых. Она чувствует благодарность.

Ренни берет косяк, поджигает шведской спичкой. Она покурила совсем немного, только чтобы расслабиться, потом гасит и прячет вместе с четырьмя остальными в складках зеленого одеяла в комоде. Потом снова ложится на кровать, слушая, как кровь течет по телу, все еще живому. Она думает о клетках, которые копошатся, делятся там в темноте, подменяют друг друга, когда нужно; и о других клетках, злодейских, может они там есть, а может и нет, которые яростно плодятся у нее внутри, словно дрожжи. В одном свете они предстают ярко-оранжевыми, в другом ярко-синими, как силуэты-негативы, когда закрываешь глаза, поглядев на солнце. Изумительные цвета.

Теперь траву применяют в больницах, на терминальной стадии, только так можно остановить постоянную рвоту. Ренни представляет всех этих баптистов-пресвитерианцев, уже не чинно сидящих на церковных скамьях, а лежащих рядами на

чистеньких кроватях с подъемным механизмом, укурившихся вдрызг. Конечно, это называется как-то по-другому, каким-то приличным латинским словом. Она думает, до какого момента она сможет терпеть боль, пока не выдержит и не отдастся снова во власть зондов, пункций, скальпелей. «Подлататься», как говорят о зашитых алкоголиках, о кастрированных котах.

— У вас такие чувства ко мне потому, что я ваш доктор, — говорит Дэниел. — Я ваша фантазия. Это нормально.

— Не хочу показаться грубой, но если бы я жаждала фантазий, неужели мой выбор пал бы на вас?

Она бы не отказалась, если бы сейчас кто-то лежал с ней в кровати. Кто угодно, ну почти, главное, чтобы лежал спокойно. Иногда ей просто хочется покоя.

— Я для тебя вроде плюшевого мишки, — сказал Джейк. — Может, тебе начать сосать большой палец, как в детстве?

— Тебе бы это не понравилось, — сказала она. — Разве плохо просто побыть рядом?

— Нет, — сказал он. — Но не каждый вечер.

— Порой мне кажется, что я не очень-то тебе

нравлюсь, — сказала она.

— «Нравлюсь»? Вот чего ты хочешь, серьезно? Просто нравиться? А как насчет страстного, всепоглощающего желания?

— Конечно, — сказала она. — Но не каждый вечер.

Так было раньше. Позже он стал говорить:

— Ты режешь по живому.

— Это жестокая шутка, — сказала она.

— Никогда не давай слабаку расслабиться, — сказал он. — Что мне делать, если ты не даешь к тебе прикоснуться? Ты даже говорить об этом не хочешь.

— Хорошо, какой именно аспект тебя интересует? — сказала она. — Вероятность рецидива? Мои шансы выжить? Может, статистика?

— Кончай с черным юмором, — сказал он.

— Может, это черный юмор, но я только об этом и думаю, — ответила она. — Поэтому и не хочу ничего обсуждать. Да, да — я скатилась в чернуху. Так что давай не будем об этом.

— Что ты чувствуешь? Начни с этого, — сказал он.

— Что я чувствую? Класс. Я чувствую себя просто классно. Чувствую себя королевой красоты. Что ты хочешь от меня услышать?

— Ну хватит, — сказал он. — Разве это конец света?

— Еще нет, — сказала она. — Не для тебя.

— А ты жестока.

— Почему это? Потому что не хочу этого так же, как раньше? И потому что не верю, что хочешь ты?

Когда-то она считала, что секс — это не так важно, что не в нем дело, что это просто приятное физическое занятие, точно лучше, чем бег трусцой, такая приятная форма общения, вроде сплетен. Люди, чересчур озабоченные сексом, казались ей немного с приветом. Думать об этом — все равно что постоянно носить одежду с клепками и стразами или считать достижением покупку норковой шубы. А главное — это отношения. Они с Джейком состояли в хороших отношениях, — во всяком случае, так считалось. На вечеринках им делали комплименты, словно речь шла о только что отремонтированном доме.

Так и было поначалу: никаких глупостей, никакой «любви». К тому моменту, когда она встретила Джейка, Ренни уже решила, что быть влюбленной ей не нравится. Любить — это все равно что бежать босиком по улице, усыпанной битым стеклом. Полное безрассудство; и если

эта пробежка проходила для тебя без потерь, то лишь по чистой случайности. Это все равно что оказаться голышом в банке средь бела дня. Окружающие думают, что знают о тебе нечто, чего ты не знаешь о них, и это дает им некую власть над тобой. Ты становишься видимым, мягким, ранимым; да просто смешным.

Сначала с Джейком тоже не было речи о любви. Не то чтобы он был непривлекателен или неприступен. Он был не урод и не дурак и хорошо знал свое дело, хорошо настолько, что к тридцати годам создал собственную маленькую компанию. Так они и познакомились: она писала статью в «Визитор» о людях, создавших собственный бизнес до тридцати лет. «Солидная молодежь» называлась статья. Они поместили фотографию Джейка на целую полосу напротив заголовка, и когда Ренни думала о нем, то первым делом видела это изображение. Джейк-«олимпиец», как называет она его в статье: смуглая кожа, белые зубы, узкая челюсть, улыбка с хитрецой, стоит в нарочито-горделивой позе у чертежной доски, на нем синий костюм-тройка — доказательство, что не стоит чураться костюмов. В тот год на них как раз вернулась мода.

— Мудак, — сказал о нем Ренни фотограф.

Старый профи, как он себя называл, такой мрачноватый, лысеющий, немного потасканный. Он носил рубашки с закатанными рукавами и жилетки, без пиджака. Его часто приглашали для студийных съемок, но только черно-белых, считалось, что они передают «повседневную жизнь героя». Для цветных фотографий приглашали фотографа отдела моды.

— Как вы определили? — спросила Ренни.

— Определил, и все, — ответил он. — Женщины не умеют.

— Да бросьте, — сказала Ренни.

— Ладно, может, и умеют, — сказал он. — Но дело в том, что женщинам нравятся мужики, которые вытирают о них ноги. У хороших ребят, вот как я, шансов нет. Существует два вида мужчин: мудаки и не мудаки. Педики не в счет.

— Вы просто завидуете, — сказала Ренни. — Вам бы хотелось иметь такие зубы. И в своем деле он хорош.

— Смотри в оба, — сказал фотограф. — Мудак есть мудак.

А занимался Джейк дизайном. Он был дизайнером этикеток — и не только самих этикеток, но всего комплекса услуг: этикетка, упаковка, вся внешняя атрибутика. Рекламщик. Он решал, как

продукт будет выглядеть и в какой его поместить контекст, то есть в конечном счете — как его будут воспринимать люди. Он понимал значение стиля, поэтому не фыркал, когда Ренни приходилось писать статьи о возвращении босоножек на шпильке.

Что еще приятнее, ему нравилось ее тело, и он постоянно говорил об этом, что для Ренни было в новинку. Большинство знакомых ей мужчин употребляло слово «человек», немного назойливо, даже неприятно. «Прекрасный человек». Это слишком обязывало. Она-то знала, что не такой она прекрасный человек, как им бы хотелось. Какое облегчение было услышать от мужчины слова, признание, восторг от того, что у нее обалденная задница.

— А как же мозги? — спросила она. — Разве ты не хочешь сказать, что у меня интересный образ мыслей?

— В задницу твои мозги, — отвечал Джейк. И оба хохотали. — Нет, поиметь твои мозги мне не под силу, даже если захочется. Ты в этом смысле девушка строгая, скрестила ножки — не раздвинешь. Нельзя же оттрахать женщине мозг без ее согласия.

— Мог бы попытаться, — сказала Ренни.

— Нет, спасибо, — ответил Джейк. — Я не по этой части. Меня больше интересует твое тело, если честно.

Когда они съехались, то договорились, что у них будут открытые отношения. Это выражение ей тоже пришлось объяснять Дэниелу: правда, к тому времени она сама смутно понимала его значение.

К сожалению, она не сразу поняла, что Джейк и ее стремится «отдизайнить». Все началось с квартиры: он покрасил комнаты в разные оттенки кремового и обставил мебелью в стиле сороковых, хром-металл в кухне, а в гостиной темно-розовое массивное кресло и такой же диван — «напоминают бедра», как он выразился, — и аутентичная люстра, которую он углядел в комиссионке «Сэлли Энн»[8]. Исчезли все комнатные растения, что послабее, даже от фикуса Бенджамина он избавился, как подозревала Ренни, выливая в землю остатки кофе, когда она не видела.

Потом он занялся ею.

— У тебя красивые скулы, — говорил он. — Надо этим пользоваться.

---

[8] Примечания: 8
Сеть комиссионных магазинов в Торонто.

— Я их что, недооцениваю? — говорила Ренни; комплименты ее слегка смущали: в Гризвольде с этим было туго. — Порой мне кажется, что я чистый лист бумаги для твоих набросков.

— Забей, — отвечал Джейк. — В тебе всё есть. Я просто хочу вытащить это на поверхность. Ты должна полюбить себя и выставить в самом выгодном свете.

— А ты не боишься, что налетит толпа алчных похотливых мужиков и украдет меня? Ну, если выставить всё в выгодном свете.

— У них нет шансов, — сказал Джейк. — Все остальные — жалкие сосунки.

Он и правда так считал, и Ренни это нравилось. Не нужно было тешить его самолюбие, он сам прекрасно справлялся.

Он решил, что она должна носить только белые льняные комбинезоны с увеличенными плечами.

— Как на знаменитом плакате сороковых, — говорил он.

— Но у меня в них задница огромная, — возражала она.

— В том-то и соль, — отвечал он. — Маленькие задницы надоели.

Ренни отвечала в духе «ничего, но…», «не будем

доводить все до абсурда» и все же купила такой комбинезончик, чтобы сделать ему приятное; но на улицу выходить в нем отказывалась. Он повесил в гостиной крупные планы Картье-Брессона: на одном снимке — мексиканские проститутки, выглядывающие из своих каморок, с карикатурно выщипанными бровями, похожими на высокие дуги, и нарисованными, как у клоунов, ртами, на другом — старик, одиноко сидящий среди пустых стульев.

Это что касалось дневной жизни. Устроив ее, Джейк принялся за жизнь ночную. В спальне он повесил постер Хизер Купер[9]: темнокожая женщина, обмотанная полосой шелка так, что ее руки прижаты к телу, но груди, бедра и ягодицы обнажены. Лицо безо всякого выражения, она просто стоит, кажется, ей немного скучно. Картина называлась «Энигма». Вторая картина представляла собой плакат в стиле сороковых с изображением женщины, лежащей на пухлом диване — таком же, как у них в гостиной. На переднем плане видны ее ступни, а голова, на дальнем конце дивана, совсем маленькая, круглая, как дверная ручка, черты лица смазаны. На

[9] Примечания: 9
Известная современная канадская художница и дизайнер.

фоне нарисован бык.

От этих картин Ренни становилось немного не по себе, особенно когда она лежала на кровати обнаженная. Но, возможно, всему виной ее гризвольдский «подтекст».

— Закинь руки за голову, это приподнимает груди, — говорил Джейк. — Раздвинь ноги, самую малость. Теперь согни левую в колене. Ты великолепна.

«Уверенная в себе женщина не пугается фантазий своего партнера», — говорила себе Ренни. Пока между ними есть доверие. Она даже написала что-то в этом роде в одной статье, посвященной возвращению атласного белья и вычурных поясов для чулок. И она не пугалась какое-то время.

— Ты такая закрытая, — однажды сказал Джейк. — Мне это нравится. Я хочу стать тем, кому ты откроешься.

Но позже она уже не могла точно вспомнить, как именно он выразился. Возможно, он сказал: *тем, кто тебя вскроет*.

III

— Мой отец приезжал домой каждое Рождество, — сказала Ренни. — Он всегда говорил: «Наконец я вернулся домой», — хотя в конце концов всем, даже мне, стало ясно, что дом у него где-то в другом месте. Он уехал в Торонто вскоре после моего рождения, воевал, поэтому как ветеран бесплатно учился в университете. На химико-технологическом. Уехал потому, что там были рабочие места. А мы не могли, потому что заболел дедушка и бабушке нужна была помощь, а когда дедушка умер, бабушку нельзя было оставлять одну. Жители Гризвольда панически боялись остаться в одиночестве. Считалось, что это вредно, что от этого можно тронуться рассудком, буквально спятить. И тогда вас сдадут в психушку.

Так вот, мой отец приезжал на Рождество. Он жил в одной из гостевых комнат, в доме их было много, бывших детских, которые с тех пор стояли пустые, ни пылинки, пахнущие лавандой и стылым воздухом. Он приезжал, как мне сказали потом, ради меня. Меня с отцом обычно отправ-

ляли вдвоем на прогулки по ледяным улицам; нас напутствовали: «Смотрите не упадите». Он спрашивал меня, как дела в школе, и говорил, что скоро я смогу приезжать к нему в гости. Ни он, ни я в это не верили. На главной улице люди оборачивались нам вслед с любопытством, и я знала, что на нас смотрят и нас обсуждают.

Когда я училась в шестом классе, две девочки из так называемых неблагополучных семей пустили слух, что мой отец живет в Торонто с другой женщиной, вот почему моя мама всё к нему не едет. Я не поверила, но маму спрашивать не стала, так что, возможно, я все-таки поверила. Да, наверное, я им поверила, потому что, когда мама наконец рассказала мне правду, я не удивилась. Она ждала, пока мне исполнится тринадцать, две недели назад у меня были первые месячные. Видимо, она почувствовала, что теперь я могу выносить боль.

Думаю, она ждала сочувствия, решила, что я наконец пойму, какую трудную жизнь она ведет и какие жертвы ей пришлось принести. Она надеялась, что я буду винить отца, увижу его в истинном свете. Но я была неспособна чувствовать то, что от меня ждали; нет, я винила ее. А на него злилась — не за бегство, я понимала, почему

он хотел уехать подальше, — а за то, что не взял меня с собой.

К тому времени он перестал приезжать на Рождество, хотя все еще присылал открытки, не ей, только мне, и я не видела его до тех пор, пока не приехала в Торонто поступать в университет. Уже много лет он был женат на женщине, которую я про себя называла «та», так говорила про нее моя мать. Я уже забыла, как он выглядит.

Я пошла к ним в гости. Прежде я никогда не была в квартире. Там я впервые увидела другие комнатные растения — не фиалку и не молочай. У них было множество растений, они захватили всю южную сторону, я не знала ни одного названия. А еще между предметами в доме было пространство, куда больше пространства, чем я привыкла. Увидев меня, отец сказал: «А ты похожа на мать». И тогда он для меня умер.

* * *

— В детстве, — рассказывала Лора, — мы жили в подвалах. В подвалах жилых домов; там всегда было темно, даже летом, там пахло кошками, из-за кошек Боба, но не только; он никогда не убирал за ними, хотя это были его кошки, так что дома постоянно *пахло*. Все квартиры доставались Бобу

за гроши, они предназначались для дворников — нужно было выносить мусор, подметать на этажах да чинить туалеты, но он хреново справлялся, а может, ему просто было неохота, поэтому мы вечно переезжали.

Его сослуживец Пэт говорил, что, в любом случае, Боб заработал деньги не на этом. Он говорил, что Боб разбогател, подбирая вещи, «которые падали с грузовиков». Какое-то время я не понимала, что он имеет в виду, все-таки Пэт был англичанин, и я ему не поверила, ведь я знала, что он не бегает ни за какими грузовиками, чтобы ловить падающие вещи. Он почти все время был дома, сидел за кухонным столом, напялив свой старый серый кардиган, кроме того, он не мог бегать — из-за хромоты. Это было мое преимущество: если я уворачивалась от его рук, то всегда обгоняла его, но у него была быстрая реакция, он притворялся, что смотрит в другую сторону, и вдруг бросался на тебя; когда я была маленькой, он мог одной рукой удерживать меня, а второй вынимать ремень. Думаю, поэтому я научилась так быстро бегать.

Он говорил, что повредил ногу на войне, но правительство — что типично — отказалось назначить ему пенсию. Он всегда был против

правительства, любого, говорил, все это одно дерьмо; но пойми меня правильно — коммунизм он тоже на дух не переносил. Он слышать не желал про пособия, хотя это и был реальный коммунизм в его понимании. Его дружок Пэт любил потрепаться про рабочий класс, мол, они с Бобом его представители, но мне это было просто смешно. Рабочий класс, как же. Боб работал меньше малого. Он все время занимался тем, что придумывал, как бы не работать; любого человека с постоянной работой он считал придурком номер один. Он и профсоюзы в грош не ставил, вообще не сочувствовал, говорил, из-за них все только дорожает, никакого проку. Когда были забастовки на телевидении, он полицию поддерживал, и это было прикольно, потому что, как обычно, он и их ненавидел до печенок.

Короче, до меня не сразу доперло, почему у нас то сразу пять телевизоров, то ни одного, то восемь радиоприемников, то один. Иногда это были тостеры, иногда магнитофоны, не угадаешь. Вещи появлялись и исчезали в нашем доме как по волшебству. Я получила ремня за то, что разболтала в школе про пять теликов и привела одноклассницу домой поглазеть. Боб взбесился не на шутку. «Я научу тебя держать рот на замке,

дрянь», — приговаривал он.

Впрочем, его много чего бесило до белого каления. Он как будто сидел весь день за столом, курил «Блэк кэт», только их, и ждал, когда что-нибудь стрясется и взбесит его, а мама весь день гадала, что же это будет, и старалась предотвратить.

— Обходи его! — говорила она мне. — Зачем ты все время лезешь на рожон? Представь, что он — как закрытая дверь. Ты бы не стала ломиться в закрытую дверь по своей воле, правда же?

В те годы я думала, что раз она так говорит, значит, принимает его сторону, но теперь я вижу, что она просто пыталась уберечь меня от частой порки.

Я ненавидела его до колик. Часто я лежала ночью без сна, воображая все самое ужасное, что могло с ним случиться, как он провалился в люк канализации и его сожрали крысы, например. В нашей квартире тоже водились крысы, ну мыши — точно, и Боб не позволял матери разбрасывать яд, потому что мыши его съедят, а их потом могут съесть его кошки, хотя на моей памяти они никогда не ели мышей. Когда его не было дома, что случалось нечасто, я наступала кошкам на хвосты и носилась за ними со шваброй. Я не могла никак навредить ему, но испоганить жизнь этим

противным тварям точно могла. Я до сих пор на дух не переношу кошек.

Конечно, кошек жалко, но тогда я проделывала все это, чтобы побороть страх перед *ним*. Помнишь ту историю, все газеты писали, шесть или семь лет назад? Про одну женщину с маленьким сыном, которая вышла замуж за какого-то мужика, и через некоторое время они убили мальчишку где-то в лесу. Они сказали ему, что едут на пикник. Фотография бедняжки просто доконала меня. Муж не хотел, чтобы он с ними жил, и мать, видимо, пошла у него на поводу. Я была уже большая, мне было почти тридцать, но, когда я это прочла, меня пробил холодный пот и мне потом долго снились кошмары. Мне казалось, словно это случилось со мной, только я об этом не догадывалась, — знаешь, как будто ходишь во сне и вдруг просыпаешься на краю обрыва. Я всегда больше боялась Боба-добряка, чем Боба-в-гневе. Ведь это как будто знаешь, что в шкафу сидит монстр, только увидеть не можешь.

Мама вышла замуж за Боба после смерти отца, тогда мне было года четыре. Не знаю, зачем ей это было надо. Мама не была религиозна, ничего такого, мы не ходили в церковь, но она верила в некий порядок вещей — в «судьбу», — она сама

так говорила. Когда я спросила ее, почему она за него вышла, она сказала, что так суждено. Я не знаю, кем суждено, — но у этого персонажа точно не все в порядке с чувством юмора. Мать так и не поняла, что некоторые вещи — просто слепой случай. Когда мне было двенадцать примерно, я решила, что лучше всего думать о Бобе именно так: это — неприятный случай в моей жизни, вроде автокатастрофы, просто мне не повезло. Мне приходилось с ним жить, но как со сломанной ногой, не как с человеком. Я просто перестала ломать голову, что его обрадует, а что разозлит, потому что все равно никогда не угадаешь, я перестала считать, что это вообще имеет ко мне отношение. Если он бил меня — я относилась к этому, как к погоде: сегодня льет, завтра нет. Он бил меня не за дело, как я думала раньше. Он бил меня, потому что это сходило ему с рук, и никто не мог ему помешать. Именно поэтому, как правило, люди поступают гнусно — из-за безнаказанности.

У матери была куча идей. Она всегда штудировала задние обложки журналов, все эти объявления про то, как начать собственный бизнес в домашних условиях и заработать десятки тысяч. Она пробовала кучу всего: рассылала

письма, ходила по домам, продавая журнальные подписки, энциклопедии и прочее, пыталась даже заняться рукоделием, составляя сухие букеты из присланных ей компонентов. Однажды она даже взяла напрокат вязальную машинку, которую ждала быстрая кончина.

И все было понапрасну, она никогда не смогла бы разбогатеть, следуя этим советам, — любое из этих занятий требовало вкалывать по 48 часов в день, и то еле выйдешь в ноль, а мама очень быстро теряла охоту. У нее не было деловой чуйки, чтобы вложиться в то, что действительно прибыльно, например устраивать вечеринки по продвижению посуды «Таппервейр». У нас вся страна на это подсажена, но какие уж вечеринки в наших-то халупах: кошачий туалет в кухне, голые лампочки на потолке, красные потеки в унитазе, вонь — и вечный Боб в своем кардигане с оборванными рукавами и жутким кашлем курильщика, когда кажется, он сейчас выблюет свои внутренности. Это никак не сочетается с легкими закусками, салатом с мини-зефирчиками, так ведь?

Если честно, больше всего мама любила читать такие объявления. Ее это как-то возбуждало, как казино, она хотела верить в судьбу, в то, что од-

нажды колесо Фортуны повернется и ей наконец повезет, не потому, что она заслужила удачу, а просто так, потому что настал ее черед. Она никогда этого не говорила, наоборот, говорила, что мы должны работать изо всех сил и быть благодарны судьбе, но я думаю, что в глубине души она ненавидела эти полуподвалы и запах кошек и, возможно, даже Боба не меньше, чем я. Но она не знала, что делать, как из всего этого выбраться.

«Пока живешь, всегда есть надежда», — так говорила мама. Она упорно верила, что удача бродит где-то там, в большом мире, надо лишь не упустить ее. Все эти годы, что мы не виделись, я посылала ей на день рождения лотерейные билеты, то «Лото Канада», то «Винтарио», а когда были деньги, то сразу целую пачку. Но она ни разу ничего не выиграла.

* * *

Ренни видит сон, и знает это, и хочет проснуться.

Она стоит в бабушкином саду, за углом дома у стены, она знает, что сада давно нет. «Я не могу заниматься всем на свете», — сказала мама. Но вот он, на своем месте, все в нем такое яркое, та-

кое сочное — алые циннии, мальва, подсолнухи, шесты с огненно-красной вьющейся фасолью, а вокруг, словно деловые пчелки, порхают колибри. Но на дворе зима, на земле лежит снег, в небе низкое солнце; со стеблей и бутонов свисают крохотные сосульки. Бабушка тоже там, в простом белом платье в синий цветочек, платье летнее, но, кажется, бабушке не холодно, и Ренни знает почему — потому что она мертвая. Окно в доме открыто, и Ренни слышит, как ее мать и тетки в кухне моют посуду и поют гимны, красиво, в три голоса.

Ренни тянет руки, но коснуться бабушки не может, руки проходят насквозь, словно она трогает воду или первый снег. Бабушка улыбается ей, колибри вьются над головой, садятся ей на руки. «Вечная жизнь», — говорит она.

Ренни ужасно хочется проснуться, она не хочет оставаться в этом сне, наконец ей это удается. Она лежит в своей кровати, одеяло перекрутилось, она резко дергается, высвобождается и садится прямо. За окном все серое, в комнате полумрак, наверное, до рассвета еще не скоро. Ей позарез надо что-то найти. Она встает, босая, в каком-то белом хлопковом одеянии, оно завязано сзади; но она не в больнице. Дойдя до противополож-

ной стены, она выдвигает ящики комода один за одним, копается в своих трусиках, шарфах, свитерах, рукава которых тщательно убраны назад. Она ищет свои руки, она же знает, они где-то здесь, в ящиках, сложены аккуратно, словно перчатки.

Ренни открывает глаза; теперь она по-настоящему проснулась. Светает, слышны первые звуки, во влажном воздухе вокруг нее, словно туман, нависает москитная сетка. Она понимает, где она, здесь, одна, поглощенная будущим. Она не знает, как вернуться обратно.

* * *

— Что тебе снится? — спросила Ренни Джейка, они уже месяц как жили вместе.

— Ну ты прямо как моя мама, — ответил Джейк. — Потом захочешь узнать новости о моем пищеварении.

Джейк вечно сыпал шутками про еврейскую маму, и Ренни понимала, что это была такая тактика, чтобы на самом деле не говорить о матери. Она терпеть не могла шуток про матерей, даже когда сама шутила про свою. Мать — не объект высмеивания.

— У тебя нет монополии на эту тему, — сказала она. — И я — не твоя мать. Тебе должно льстить, что я вообще этим интересуюсь.

— Почему всем женщинам в мире нужно это знать? — сказал Джейк. — Стоит пару раз классно потрахаться, и ее уже интересуют твои сны. Какая к черту разница?

— Просто хочу получше тебя узнать. Хочу знать про тебя все.

— Надо быть полным кретином, чтобы вообще что-то тебе рассказывать, — сказал Джейк. — Ты же используешь это против меня. Видел я твои блокнотики. Сразу список составишь. Держу пари, ты и в мусоре моем копаешься, когда меня нет.

— Почему ты так реагируешь? — спросила Ренни. — Ты что, не доверяешь мне?

— «Есть ли жизнь на Марсе?» — ответил Джейк. — Ладно, скажу тебе, что мне снится. Твоя попка, только в сто раз больше натуральной, летающая по небу и мигающая неоновыми огоньками. Как тебе?

— Прямо положил на лопатки, — сказала Ренни.

— А я люблю, когда ты лежишь, — сказал Джейк. — Вот так, на спине. — Он перекатился на

нее и стал покусывать в шею. — Я неукротим, — бормотал он. — Я — зверь в ночной тьме.

— Ой, кто же? Бурундучок?

— Не зли меня, киска. Знай свое место.

Он сгреб ее руки, ухватил одной рукой за оба запястья, а сам протиснулся ей между ног, сжимая ей грудь сильнее, чем нужно.

— Ну что, чувствуешь? — приговаривал он. — Вот что ты со мной делаешь — самая быстрая эрекция на Диком Западе. Представь, что я влез к тебе через окно. И насилую тебя.

— Что представлять-то? А ну хватит щипаться.

— Ну признайся, тебя это возбуждает, — продолжал Джейк. — Ты без ума от этого. Ну, умоляй меня. Проси.

— Да от…ись! — Ренни ударила его обеими пятками по икрам и рассмеялась.

Джейк тоже. Он обожал, когда она ругалась; говорил, что она единственная женщина, которая матерится шепотом. И был прав: Ренни не приобрела этот социальный навык в юности, так что ей приходилось буквально заставлять себя.

— Ох и грязный же у тебя рот, — сказал Джейк. — Нужно срочно отмыть его изнутри, языком.

— Что тебе снится? — спросила Ренни Дэниела.

— Не знаю, — сказал он. — Я никогда не помню

снов.

* * *

Ренни поставила будильник на семь утра. Она лежит в кровати, ожидая, пока он зазвенит. И в ту же секунду выбирается из-под сетки и нажимает кнопку «выкл.».

Если бы не Лора с этой больной старухой, ей вообще незачем было бы вставать. Она раздумывает, не остаться ли в постели, всегда можно сказать, что она проспала. Но Гризвольд сидит в ней крепко. *Если не можешь сдержать слово, не давай его. Поступай с другими так, как…* Она с трудом выбирается из кокона пахнущей плесенью марли, чувствуя себя вовсе не героиней, а старой каргой.

Ренни хочет позавтракать, прежде чем вызвать такси, но англичанка говорит, что завтрак еще не готов, надо ждать не меньше часа. У Ренни нет времени. Она решает, что выпьет кофе с пончиком в аэропорту. Она просит англичанку вызвать такси, но та, указывая на телефон, говорит:

— В этом нет нужды. Они всегда околачиваются у отеля.

Ренни все-таки звонит.

Салон машины обит бежевым плюшем, из такого бывают домашние тапочки или сиденья на унитазе. На зеркале заднего вида болтаются фигурка святого Христофора и пара резиновых игральных кубиков. На водителе бордовые шорты, футболка с оторванными рукавами и золотой крестик на цепочке. Молодой. Он врубает музыку на полную мощность. Это отвратная, какая-то педерастическая версия «Я видел, как мама целует Санту», и Ренни думает: «А что, скоро Рождество?» Она уже потеряла счет времени. Из страха она не решается попросить его уменьшить звук, только сжимает зубы от визга гнусавого сопрано, и вот они въезжают в город, на дикой скорости, нарочно. Они проносятся мимо кучки людей около магазина, явно без дела, и водитель дает гудок, длинный истошный вопль, привлекая их внимание, словно это свадьба.

В аэропорту Ренни недолго борется с ручкой, открывает дверцу и выходит. Водитель не двинулся с места, поэтому она сама подходит к нему.

— Сколько?

— Вы нас покидаете? — спросил он.

— Нет, я только заберу посылку, — говорит она, тут же соображая, что допустила промашку.

Он отвечает:

— Я подожду здесь.

— Не стоит, — говорит Ренни. — Я не знаю, когда вернусь.

— Все равно неча делать, — весело отвечает он.

Аэропорт практически пуст. Ренни озирается в поисках кафе, находит — но оно закрыто. Окошко таможни тоже. На стекле большой плакат, приклеенный скотчем: «ЭЛЛИС КОРОЛЬ».

Без пятнадцати восемь. Ренни садится на скамейку. Она решила поискать в сумочке карамельки, леденцы от кашля, что-нибудь пожевать, но ей не везет. Рядом со скамейкой — кабинка моментального фото со шторкой и прорезью для монет. Ренни думает, может щелкнуться, но автомат принимает только американские четвертаки. Она глядит на плакат, тот, с петухом. Кто-то нацарапал наискось «Принц Мира».

В восемь тридцать заслонка на окошке поднимается, внутри кто-то есть. Ренни роется в сумочке, находит смятую квитанцию и подходит.

— Мне нужен Хэролд, — говорит она, чувствуя себя глупо, но мужчина в окне ничуть не удивлен.

— Угу, — говорит он. И исчезает в задней ком-

нате. Ренни думает, что он пошел за Хэролдом, а он возвращается с большой продолговатой коробкой.

— Так вы Хэролд? — спрашивает она.

Видимо, он расценивает вопрос как бессмысленный и не отвечает.

— Видать, снова для той толстой старой дамы, — говорит он. — Уже шестая посылка за месяц, из Нью-Йорка. Написано «продукты». На кой ей столько жратвы?

Он лукаво смотрит на нее и улыбается, как будто сказал что-то смешное. Коробка не проходит в окошко, и он открывает боковую дверь.

Ренни думала, будет небольшой пакет.

— А это точно та коробка? — спрашивает она. — Мне вроде нужна поменьше, там лекарства.

— Там и лекарства тоже, — беспечно говорит он, как будто лично проверил содержимое. — Коробка та самая, другой я не вижу.

Ренни все еще сомневается. Она изучает бланк, действительно, номер совпадает.

— Вы забыли, — говорит она и протягивает таможеннику квитанцию. Он с презрением смотрит на нее, затем разрывает бумажку пополам.

— Мне нужно что-то подписать? — спрашивает Ренни, ее чувство уважения к бюрократической

процедуре оскорблено.

Он нахмурился.

— Хотите, чтобы у меня были неприятности? — говорит он. — Забирайте и уходите отсюда.

Он закрывается в своей каморке и отворачивается.

Коробка весит целую тонну. Ренни тащит ее волоком. До нее доходит, что она понятия не имеет, где живет Лора или старушка и как доставить коробку кому-то из них. Адрес вроде есть: *ЭЛВА, св. Агата*. Фамилии нет. И что дальше? У нее такое впечатление, как будто ее накачали наркотой или поимели, но она не помнит, ни чем, ни как. С грехом пополам она выбирается наружу и высматривает свое такси. Его нет, других тоже; наверное, они приезжают только к самолету. Через дорогу припаркована единственная машина, но это не такси, а джип. В ней сидит полицейский, он курит и болтает с водителем, и Ренни видит, с легким удивлением, что водитель — Пол. Он ее не видит, смотрит прямо перед собой и слушает собеседника. Ренни думает, может, попросить его подвезти? Он затащит коробку по лестнице к ней в номер, а потом они вместе позавтракают. Но ей неловко, она не может его попросить. После вчерашнего. Отказать в дружеском сексе

без видимых причин — это не комильфо, даже непростительно: как будто она заподозрила, что у него член в чирьях. Понятно, если он злится.

Придется ей тащить коробку обратно в терминал и вызвать по телефону такси; и ждать, пока оно приедет. Пока она ищет в кошельке мелочь для телефона, подъезжает такси, то самое. Водитель ест огромный роти[10], мясной соус капает ему на запястье. Аппетитный запах вновь напомнил Ренни, что она ничего не ела, но не просить же ей откусить. Это уже вторжение в личное пространство.

Коробка не влезает в багажник. Водитель выбрасывает остатки роти на обочину, тщательно вытирает руки о шорты — видимо, чтобы не запачкать обивку салона — и помогает Ренни задвинуть груз на заднее сиденье. Ренни садится вперед. Теперь поет Нат Кинг Коул, «Я мечтаю о белом Рождестве», другое дело.

— Сколько? — спрашивает Ренни у отеля.

— Двадцать карибских долларов, — быстро отвечает он.

Ренни понимает: это просто наглость.

— Такси из аэропорта стоит семь долларов! —

---

[10] Примечания: 10

Блюдо индийской и пакистанской кухни, пшеничная лепешка с мясной начинкой.

говорит она.

— Доплата за ожидание, — говорит он, улыбаясь во весь рот.

Раньше за границей она бы стала торговаться; когда-то она гордилась своим умением сбивать цену. Но сейчас у нее нет на это сил, и он это знает, все они знают, словно у нее на лбу написано. Она дает ему двадцать три и обходит машину, чтобы вытащить коробку.

К ее удивлению, водитель выходит из машины, хотя и не пытается ей помочь, только смотрит.

— Вы подруга мисс Лоры? — спрашивает он. — Я вас с ней видел. Все знают мисс Лору.

— Да, — говорит Ренни, чтобы избежать расспросов. Она сражается с коробкой. Одним концом та соскальзывает с сиденья и ударяется об асфальт.

— Она добрая леди, — произносит он тихо. — А вы тоже добрая, как она?

Еще двое мужчин, тоже в футболках без рукавов, останавливаются и прислоняются к стене.

Ренни решает не отвечать. Это какой-то намек, но она не понимает. Она улыбается, надеясь, что вежливо, и направляется во внутренний двор отеля, волоча коробку, надеясь, что с достоинством. Смех провожает ее.

У лестницы отеля свернулся калачиком тот самый глухонемой, он спит, похрапывая, скорее всего, пьяный. У него расстегнута ширинка, оттуда торчит серое тряпье; на щеке свежая царапина, седая щетина отросла уже на сантиметр. Так Ренни не может затащить коробку на лестницу, поэтому она отодвигает его ноги. Когда она их отпускает — ступни босые, огрубевшие, покрытые грязью, — он открывает глаза и улыбается ей невинной улыбкой, которая походила бы на ангельскую — если бы не отсутствие зубов. Она боится, что он снова захочет пожать ей руку, но, к счастью, он этого не делает. Возможно, он считает, что ей и так уже счастье привалило.

Ренни мучается на лестнице, она обнимает коробку с боков и волочит наверх, ступенька за ступенькой. Слишком жарко для такого напряжения; какая она дура, что ввязалась в это дело, что дала слово.

Когда она подходит к стойке администрации, англичанка сообщает ей, что завтрак уже закончился.

— А что можно поесть? — спрашивает Ренни.

— Чай с печеньем, — отвечает та.

— А хотя бы тост можно? — спрашивает Ренни, стараясь не завыть.

Англичанка бросила на нее презрительный взгляд.

— Вы можете найти все что угодно. *Там,* — намекая своим тоном, что все, съеденное там, может обернуться холерой и чем похуже.

Ренни заказывает чай с печеньем и толчками двигает коробку через холл к своей комнате. Она уже не чувствует собственного тела, оно словно партнер по танцам, который вдруг упал в глубокий обморок. Коробку некуда поставить, в комод она не поместится, а чулана здесь нет. Ренни запихивает ее под кровать и не успевает подняться с колен, как входит официантка, неся чай с печеньем на пластиковом подносе с изображением Виндзорского замка.

Ренни убирает с прикроватного столика Библию и будильник, освобождая место для подноса. Постель до сих пор не убрана. Когда официантка уходит, Ренни завязывает москитную сетку в свободный узел и усаживается на смятое одеяло.

Чай из пакетика «Тэтли», воду явно не докипятили. Печенье до возмущения английское — тонкое, бледное, овальное, с фигурными краями, напоминающими викторианские потолки, и с красным, похожим на клей, джемом в центре. Напоминает большие пластыри от мозолей. Рен-

ни откусывает. Без сомнения, печенье несвежее, на вкус как ссохшаяся кожа, пахнет подвалом, отсыревшей шерстью. Ренни хочется домой.

* * *

Ренни сидит у окна, уставясь в свой блокнот, в который умудрилась записать всего пять слов: «Там, где всегда светит солнце». Но смысл? Ведь редакторы всегда меняют ее заголовки.

Стук в дверь. Там мужчина, говорит официантка, он ждет ее внизу у стойки. Ренни думает, что это Пол; она быстро смотрит в маленькое зеркальце. Придется с ним объясниться.

Но оказывается, это доктор Пескарь. Он в рубашке-хаки и безупречно белых шортах, в этом наряде он выглядит еще элегантнее, чем в самолете.

— Ну, как вам у нас нравится? — спрашивает он со своей кривой усмешкой. — Знакомитесь с местными традициями?

— Да, — ответила Ренни, не понимая, что ему нужно.

— Я приехал, чтобы показать вам Ботанические сады. Как договаривались.

Ренни не помнит, чтобы они о чем-то подобном договаривались, но, возможно, здесь это происхо-

дит как-то проще. Не помнит она и что говорила ему, где остановится. Англичанка пристально смотрит на нее из-за стойки.

— Конечно! С большим удовольствием, — говорит Ренни.

Она берет с собой фотоаппарат, на всякий случай, и доктор провожает ее к машине. Это темно-розовый «Фиат» с заметной вмятиной на левом крыле. Когда Ренни уже пристегнулась, доктор Пескарь поворачивается к ней с улыбкой, за которой прячется коварство.

— Вообще-то здесь есть более интересные места, — сказал он. — Сначала съездим туда.

Они едут на пугающей скорости по центральной улице, уносясь прочь от квартала банков. Дорога становится все менее заасфальтированной и все больше немощеной; вот они на рынке. Растяжки с лозунгами все еще висят, но сцена из клетей уже разобрана.

Здесь доктор Пескарь почти не снизил скорость, во всяком случае недостаточно, по мнению Ренни. Люди глазеют на них, некоторые улыбаются. Доктор опускает стекло и машет рукой. Люди восторженно кричат, он кричит в ответ, кажется, все знают его в лицо.

К лобовому стеклу прижимаются ладони.

— Мы за вас! Да здравствует рыба!

Ренни начинает беспокоиться. Толпа вокруг машины уже слишком велика, она блокирует путь, и не все люди улыбаются.

— Вы скрыли, что все еще в политике, — сказала Ренни.

— Здесь все в политике, — сказал доктор. — И постоянно. Не то что славные канадцы.

Они едут вверх по холму, удаляясь от города. Ренни ухватилась за сиденье, у нее вспотели ладони, — машина накренилась, они едут буквально по краю обрыва. Она смотрит на океан, он прямо под ними, ужасно далеко внизу. Они поворачивают и под углом 45 градусов влетают под свод каменных ворот.

— Это форт Индастри, — говорит доктор Пескарь. — Очень исторический, англичане построили. Вам точно захочется поснимать.

Перед ними ничем не примечательное поле, местами это просто высохшая грязь, изрезанная колеями, с редкой травой, и ряды палаток — даже не палаток, а тентов, натянутых между шестами. Доктор паркует машину у одного из тентов и выходит, так что Ренни тоже приходится выйти.

Даже снаружи стоит тяжелый запах человеческих тел, испражнений, лайма и гниющей еды.

Под навесами лежат матрацы, большинство без простыней. Одежда сложена стопками на лежанках или сохнет на веревках, натянутых от шеста к шесту. Между тентами стоят жаровни; земля вокруг них усеяна всякой утварью, кастрюлями, жестяными тарелками, сковородами. В основном здесь обитают женщины и дети. Детвора играет в грязи между тентами, а женщины сидят в тени в своих легких платьях, разговаривают и чистят овощи.

— Жертвы урагана, — тихо сказал доктор. — У правительства есть деньги, чтобы построить им дома, — славные канадцы прислали, но воз и ныне там, вы понимаете.

К ним подходят старик, женщина, тоже старая, и несколько людей помоложе. Старик трогает его за руку.

— Мы за вас, — мягко говорит он и искоса взглядывает на Ренни.

Она стоит, испытывая неловкость, не зная, должна ли что-то сказать.

По дальней стороне поля движется, удаляясь от них, небольшая группа, все белые, хорошо одетые. Ренни вроде бы узнает среди них двух немок из отеля и пожилую пару с корабля, с биноклями наперевес. Наверное, она и сама так

выглядит: типичный турист. Наблюдатель. Подглядывающий.

Совсем рядом с ней на матрасе, вытащенном на солнце, лежит молоденькая девушка и кормит ребенка.

— Красивый малыш, — говорит Ренни.

Это неправда. Он весь в складках, сморщенный, словно слишком долго пробыл в воде. Девушка не отвечает. Она тупо смотрит на Ренни, как будто ей не привыкать, что на нее глазеют.

— Может, нам завести ребенка? — спросила Ренни Джейка лишь однажды.

— Ты же не хочешь так быстро ограничить свои перспективы, — ответил он, словно только ее перспективы будут ограничены, словно он ни при чем. — Думаю, лучше тебе на время отложить. Чтобы выбрать идеальный момент.

Это было логично.

— А ты?

— Если не любишь дорогу, не стоит идти дальше, — сказал Джейк, улыбаясь. — Я не умею ставить долгосрочные цели. Пока я люблю дорогу.

— Я могу родить ребенка? — спросила Ренни Дэниела, тоже лишь однажды.

— Только мальчики так спрашивают, — говорила бабушка. — Девочки должны быть вежливее. Они говорят: «Можно мне?»

— Вы имеете в виду сейчас? — спросил он.

— Я имею в виду — вообще когда-нибудь.

— Вообще… — сказал он. — Громкие слова.

— Знаю, знаю, громкие слова до добра не доведут, — сказала Ренни. — Так мне в школе говорили.

— Дело не в том, можете вы или нет, — сказал Дэниел. — Конечно, можете. В физическом плане нет никаких препятствий. Вполне вероятно, что у вас совершенно нормальный, здоровый организм.

— Но?..

— Возможно, стоит немного подождать, — сказал Дэниел. — Чтобы все успокоилось и вы могли разумно расставить приоритеты. Вы должны знать, что гормональные изменения могут ускорить наступление рецидива, хотя точно это неизвестно. Есть риск.

— Боже упаси, чтобы я рисковала, — ответила Ренни.

Девушка отрывает ребенка от одной груди и перекладывает к другой. Ренни думает, дать ей немного денег или нет. Может, это оскорбит ее?

Она тянет руку к сумочке, но тут ее окружает толпа ребятишек, то ли семь, то ли восемь, они в восторге прыгают вокруг нее и лопочут все одновременно.

— Они хотят, чтобы вы их поснимали, — говорит доктор Пескарь.

Ренни подчиняется. Но, кажется, им этого мало: они хотят увидеть снимки.

— Это не «Полароид», — говорит Ренни доктору. — Фотографии не вылезают, — говорит она детям.

Им сложно это понять.

* * *

Полдень. Ренни стоит под палящим солнцем и мажет лицо лосьоном от загара, досадуя, что не взяла с собой шляпу. Похоже, доктор Пескарь знает все об этом форте и намерен рассказать ей про каждый кирпичик, пока у нее не наступит обезвоживание и она не упадет в обморок или не воспламенится. Что ему от нее нужно? Видимо, что-то важное.

— Не стоит тратить ваше время! — пыталась она возражать, уже дважды.

Но он ее не слушает.

Неприятностей, которые, по убеждению Ренни, всегда поджидают ее за границей, не так много, но того, что может случиться и чего она опасается, куда больше. Она трусиха — и именно это, не раз повторяла она, было залогом практичности ее текстов о путешествиях. Ведь другие туристы точно захотят знать, после какого ресторана у вас будет несварение, а в каком отеле есть тараканы, — не одна она. Но, если так пойдет дальше, однажды она очутится у огромного котла в компании местного царька, который предложит ей отведать овечий глаз или обезьянью лапку, и она будет не в силах отказаться. Пока ситуация не столь критична. Тем не менее она здесь в заложницах; впрочем, если случится худшее, она всегда может уехать обратно с остальными туристами.

Тем временем доктор рассуждал о санитарных правилах, внедренных англичанами. Можно было подумать, что они вымерли или почти вымерли как вид, а он занимается раскопками и то находит винтажные чашки «Королева Анна», то натыкается на выгребные ямы, с изумлением и восторгом археолога рассказывая о любопытных привычках древнего народа.

Сам по себе форт — типично георгианская постройка, кирпичная кладка уже начала осы-

паться. Хотя в туристической брошюре он указан как одна из главных достопримечательностей, для его ремонта или хотя бы поддержания не делается ничего. У подножия крепости то самое поле с тентами, за которым находятся общественные туалеты, ветхие, деревянные, имеющие временный вид. Единственное современное строение — стеклянный куб с какой-то антенной.

— У них там телескоп с огромным увеличением, — рассказывает доктор. — Они видят все, что прибывает на кораблях. Когда нет дымки, даже Гренада видна.

Позади стеклянного куба — постройка квадратной формы, доктор говорит, что здесь находится тюремная пекарня, поскольку в форте расположена и тюрьма. Среди туалетов бродит коза.

Доктор Пескарь взобрался на парапет. Он поразительно активен для человека его возраста. Кажется, он хочет, чтобы и Ренни туда залезла, но это всего лишь узкий выступ в сотнях метров над морем. Ренни встает на мыски и смотрит через парапет. Вдали виднеется какая-то синяя масса, удлиненная, дымчатая. Остров.

Доктор спрыгивает и встает позади нее.

— Это Гренада? — спрашивает она.

— Нет. Это Сент-Агата. Все тамошние жители

— моряки.

— А здешние? — спрашивает Ренни.

— Дураки! — говорит доктор. — Но сам я с Сент-Агаты. В девятнадцатом веке британцы совершили крупную ошибку, объединив нас в одно государство. С тех пор у нас сплошная вражда, а теперь британцы избавились от нас, чтобы получать те же дешевые бананы, но уже не марая рук, и вражда только усилилась.

Теперь он наблюдал за происходящим внизу, склонив голову с орлиным носом набок, как крупная птица. Ренни тоже посмотрела. Между беженцами ходит мужчина, от одной группы к другой, за ним гуськом тянутся дети. Он что-то раздает, какие-то листки, Ренни видит мелькание белого. На нем сапоги на каблуках, ковбойские; когда он останавливается перед тремя женщинами, какой-то малыш опускается и гладит кожу голенищ.

Доктор ухмыляется.

— Это Марсдон, — говорит он. — Деловой парень, работает на Принца Мира. Они печатают листовки в Народной церкви, там есть станок. Они считают, что их религия — единственно истинная, а если ты не уверуешь, то убирайся к чертям, они и дорогу укажут. Но с этими несчаст-

ными ничего у них не выйдет. И знаете почему, мой друг?

— Почему же? — подыгрывает ему Ренни.

Она слушает вполуха, ее утомляют эти местные политические дрязги, все как в Гризвольде — застарелая злоба, зависть, нелепое соперничество. Скука.

— Они вечно раздают свои листовки, — говорит доктор. — Говорят, там все объясняется: почему светит солнце и чью задницу греет — точно не мою, уж поверьте. — Он хихикает, в восторге от своей остроты. — Только они забыли, что эти люди не умеют читать.

Дети пританцовывают при виде Марсдона, они держат квадратные листки высоко в воздухе за уголки, словно белых воздушных змеев.

Подъезжает еще одна машина и останавливается на грязном участке у пекарни; в ней двое мужчин, они не выходят. Ренни видит, что они глядят вверх, — безглазые лица, очки.

— Вся семейка в сборе, — говорит доктор Пескарь. — Эти ребята не по части бумажек.

— Кто они? — спрашивает Ренни. Интонация доктора ее настораживает.

— Мои друзья, — говорит он тихо. — Они везде за мной ездят. Хотят убедиться, что я в безопас-

ности. — Он улыбается и кладет ладонь на ее руку. — Пойдемте. Я покажу еще кое-что.

Он ведет ее вниз по лестнице, в галерею каменной кладки, что ж, по крайней мере, здесь прохладнее. Это бывшие офицерские казармы, пустые квадратные помещения, где от стен слоями отваливается штукатурка.

— Мы хотели устроить здесь экспозицию, — сказал доктор. — Повесить карты военных действий между англичанами и французами. И магазин сувениров — местное искусство и ремёсла. Но министру культуры это неинтересно. Он говорит: «Культурой не наешься». Ренни хотела было спросить, какие здесь народные промыслы, но решила подождать. Это один из вопросов, на который она по идее уже должна знать ответ.

Они спускаются по каменным ступеням еще ниже. Внизу висит веревка со стиркой, простыни и наволочки с цветочным рисунком сохнут на солнце. На плетеных пластиковых стульях сидят две женщины, они улыбаются при виде доктора. Одна мастерит что-то вроде настенного украшения из кусочков ткани пастельных оттенков, характерных для белья: персикового, нежно-голубого, розового; вторая вяжет крючком что-то белое. Возможно, это и есть местное искусство

и ремёсла.

В проеме двери появляется третья женщина, в коричневом платье и черной вязаной шапочке.

— Сколько? — спрашивает доктор Пескарь у вязальщицы, и Ренни понимает, что должна купить одно из изделий. И покупает.

— Сколько времени вы работали? — спрашивает ее Ренни.

— Три дня, — отвечает та. У нее полное лицо и приятная открытая улыбка.

— Это если твой парень не дома, — говорит доктор, и все смеются.

— Мы хотим осмотреть бараки, — говорит доктор. — Эта дама из Канады, она пишет о местной истории.

Он не так ее понял! Вот почему он все это ей показывает. Ренни не хватает духу огорчить его.

Женщина открывает облезлую дверь и приглашает их войти. Ренни замечает, что у нее на плече значок: «МАТРОНА».

— Эти женщины живут здесь? — спрашивает она.

— Они заключенные, — отвечает доктор. — Та, у которой вы купили сувенир, зарубила другую женщину. Вторая не знаю за что.

Позади них «матрона» стоит в дверях и смеется

вместе с товарками. Все выглядит умилительно.

Они вышли в коридор; с одной стороны тянется ряд дверей, с другой — окна со ставнями, отсюда открывается изумительный морской пейзаж. Они проходят в дверь; за ней еще один коридор, с рядом небольших комнат.

Внутри царит запустение; с потолка свисают летучие мыши, на стенах осиные гнезда, по углам плесневеют объедки. «НАЗАД В ВАВИЛОН», — нацарапано поперек стены. «ВСЕМ ЛЮБОВЬ». В комнатах, наиболее удаленных от моря, влажно и сумрачно, Ренни кажется, что она в подвале.

Они возвращаются в главный коридор, где на удивление прохладно, и идут до самого конца. Доктор говорит:

— Попытайтесь представить, каково было, когда здесь квартировало пятьсот человек.

«Тесновато», — думает Ренни. И спрашивает:

— А здесь натуральное дерево?

Доктор Пескарь открывает дверь в конце коридора, и они видят небольшой, частично мощеный дворик в окружении стен. Он весь порос сорняками; в одном углу копошатся три большие свиньи. В другом стоит непонятная конструкция из кое-как пригнанных друг к другу досок. К плоской верхушке ведет лестница, но стенок нет, лишь

перекладина. Доски свежие, но сооружение уже обветшало; Ренни подумала, что это, наверное, детский домик для игр, который забросили, недостроив; интересно, откуда он здесь.

— Туристы всегда хотят на это взглянуть, — говорит доктор.

И до Ренни вдруг доходит, что́ перед ней. Виселица.

— Вы должны ее сфотографировать, для статьи, — говорит доктор. — Для славных канадцев.

Ренни взглянула на него. Ни тени улыбки.

* * *

Доктор рассказывает ей про карибских индейцев.

— В некоторых древних племенах делали носовые маски, — говорит он. — Их использовали для приема жидких наркотиков. Они особенно интересуют наших гостей. А еще они принимали наркотики… сзади. В религиозных целях, конечно.

— Как это — сзади? — спросила Ренни.

Доктор рассмеялся.

— Ритуальная клизма, — сказал он. — Обязательно упомяните об этом в статье.

Ренни сомневается, правда ли это, но уж слиш-

ком нелепо звучит для выдумки. Она не уверена, что читатели «Вайзора» захотят услышать об этом, но кто знает. Возможно, это даже войдет в моду — среди курильщиков с хроническим кашлем.

Доктор Пескарь настойчиво приглашает ее пообедать, и Ренни, от голода готовая съесть слона, соглашается. Они заходят в китайский ресторан, он маленький, темный, в нем еще жарче, чем снаружи, на солнце. Два потолочных вентилятора разгоняют влажный воздух, но прохлады не дают; Ренни уже чувствует, что у нее вспотели подмышки и вниз по груди сбегают горячие капли. Они садятся за красный пластиковый стол с коричневыми пятнами от соуса.

Доктор, расположившись напротив, улыбается ей тепло, по-отечески, нижние зубы у него налезают на верхние, словно обнимая их.

— Везде есть китайский ресторан, — говорит он. — В любой точке мира. Они непобедимы, как шотландцы, выгоняешь их в дверь, они лезут в окно. Кстати, во мне есть шотландская кровь, я порой думаю, не поехать ли на Сбор кланов. Жена говорит, видно, поэтому я такой упрямец.

Ренни с облегчением воспринимает упоминание о жене. Он слишком предупредителен, за

этим должно что-то стоять.

Подходит официант, и Ренни разрешает доктору заказать и для себя.

— Иногда мне кажется, лучше бы я остался в Канаде, — говорит он. — Жил бы в квартире или в собственном доме, как все славные канадцы, лечил бы овец. Я даже люблю снег. Когда я впервые его увидел, то выбежал на улицу в носках, без куртки. Я танцевал и был просто счастлив. Но зачем-то вернулся сюда.

Приносят зеленый чай, Ренни наливает его в чашки. Доктор Пескарь берет свою, вертит в руках, вздыхает.

— Любовь к своей стране — истинное проклятье, друг мой, — говорит он. — Особенно к такой, как наша. Гораздо легче жить в другой стране. Тогда не будет соблазна.

— Какого соблазна? — говорит Ренни.

— Изменить порядок вещей.

Она чувствует, что разговор сворачивает на тему, которую у нее нет особого желания обсуждать. Она хочет найти другую. Дома всегда говорят о погоде, но здесь это не вариант, потому что погода как таковая отсутствует.

Доктор наклоняется к ней через стол.

— Буду с вами откровенен, друг мой. Я хочу вас

кое о чем попросить.

Ренни не удивляется. Наконец-то загадка разрешится.

— О чем же? — спрашивает она.

— Позвольте я объясню. Это наши первые выборы после ухода англичан. Возможно, они станут и последними, я лично сам убежден, что британская парламентская модель здесь не приживется. Она и в Англии-то работает только благодаря традиции, для них еще существуют «невозможные вещи». А здесь возможно все. — Он делает паузу, отпивая чай. — Я бы хотел, чтоб вы написали об этом.

Чего-чего, а такого поворота Ренни не ожидала. Впрочем, что тут такого? К ней постоянно обращаются люди по поводу своих наболевших проблем. В таких случаях ее взгляд становится прозрачным.

— Прекрасно, — обычно говорит она. — Замечательная идея.

И все довольны.

Вместо этого она говорит:

— Но что я могу об этом написать?

— Опишите то, что вы увидите, — говорит доктор, словно не замечая язвительности ее тона. — Я прошу вас об одном: смотрите в оба. Мы

будем называть вас наблюдателем, как наших друзей в ООН. — Короткий смешок. — Просто раскройте глаза, и вы увидите всю правду жизни. Вы ведь журналистка, и ваш долг — сообщать информацию.

Ренни очень не нравится слово «долг». Слишком часто она слышала его в Гризвольде.

— У меня другая специфика, — говорит она.

— Я понимаю, друг мой, — говорит доктор. — Вы пишете о путешествиях, попали сюда случайно, но в данный момент нам больше не к кому обратиться. Здесь просто больше никого нет. Будь вы политическим журналистом, власти не обрадовались бы вашему приезду, они тянули бы с визой или просто-напросто выслали бы вас. В любом случае, мы слишком маленькие, чтобы привлечь внимание извне, а к тому времени, как кто-то проявит интерес, будет слишком поздно. Ведь все ждут крови.

— Кто — все?

— Ну, в новостях.

Официант приносит блюдо с крошечными кукурузными початками и еще какими-то фигульками, похожими на вареные ластики. На другом блюде — кальмары с овощами. Ренни берет свои палочки. Минуту назад ей казалось,

что она голодна.

— У нас семьдесят процентов безработицы, — говорит доктор. — Шестьдесят процентов населения — моложе двадцати лет. Когда людям нечего терять, быть беде. Эллис это знает. Он расходует иностранные деньги из помощи после урагана, чтобы подкупать людей. Мол, ураган — это перст божий, Эллис и сам так считает. Он молился, заклиная Небо, чтобы кто-нибудь пришел и спас его, сукина сына, и — на тебе, славные канадцы тут как тут. Но это еще не все. Теперь он перешел к угрозам. Он говорит, что отнимет работу и сожжет дома у тех, кто проголосует не за него.

— Что, прямо в открытую? — спрашивает Ренни.

— По радио, друг мой, — отвечает доктор. — А люди — многие его боятся, а остальные восхищаются, но не его делами, вы же понимаете, а тем, что ему все сходит с рук. Они видят в этом признак могущества и восхищаются «большим человеком». Он тратит деньги на новые машины и тому подобное для себя и для своих друзей, и ему аплодируют. Они смотрят на меня и думают: а этот что может для нас сделать? Здесь если у тебя ничего нет, ты и сам — ничто. Принцип старый

как мир, друг мой. У нас будет свой папа Док[11], а потом какая-нибудь революция. И американцы будут удивляться, почему на улицах режут людей. Пусть они заставят славных канадцев прекратить финансировать этого типа.

Ренни понимает, что должна испытывать возмущение. Она помнит начало семидесятых, когда ты был просто обязан негодовать по любому поводу. Иначе ты был не в тренде. Однако она испытывает совсем иное чувство: что на нее давят. Негодование — устарело.

— Какая вам польза, если, допустим, я об этом напишу? — говорит она. — Я не смогу опубликовать здесь статью, я ведь никого не знаю.

Доктор Пескарь рассмеялся.

— Не здесь! У нас всего одна газета, и редактор куплен Эллисом. Кроме того, мало кто умеет читать. Нет, это нужно напечатать *там*. Вот тогда будет польза, на публикации за рубежом они реагируют, так как трясутся над иностранной помощью. Они поймут, что за ними наблюдают, что там знают про их делишки. Это остановит злоупотребления.

Ренни не понимает, что это значит.

---

[11] Примечания: 11

Бывший врач, бессменный президент-диктатор Гаити с 1957 по 1971 год.

— Мне жаль, но я не представляю, кому это предложить, — говорит она. — Пока это даже не сюжет, ведь ничего не случилось. Вряд ли это будет интересно широкой публике.

— Сейчас нет таких тем, которые не интересуют широкую публику, — отвечает доктор. — Но славные канадцы пока этого не поняли. Куба строит на Гренаде большой аэропорт. Там присутствуют ЦРУ, которое хочет сорвать свой куш в этой истории, и русские агенты. И это широкой публике очень даже интересно.

Ренни чуть не рассмеялась. Уж насколько ЦРУ дискредитировано; он, должно быть, шутит, ерунда какая-то.

— Вероятно, им нужны ваши природные ресурсы, — замечает она.

Доктор Пескарь смотрит на Ренни в упор. Он криво улыбается, от доброты и дружелюбия не осталось и следа.

— Вы прекрасно знаете, у нас полно песка, и это, пожалуй, все. Но посмотрите на карту, мой друг. — Он уже не просит, он наставляет. — На юг от Сент-Антуана находится Сент-Агата, на юг от Сент-Агаты — Гренада, а южнее — Венесуэла, то есть нефть, то есть треть американского импорта. А на север от нас Куба. Мы — звено в

цепи. Кто контролирует нас, тот контролирует поставки нефти в Штаты. Корабли из Гайаны на Кубу везут рис, а с Кубы на Гренаду — оружие. Тут не до шуток.

Ренни кладет свои палочки на стол. Слишком жарко, у нее нет аппетита. Она чувствует себя сотрудником жалкой леволиберальной газетенки с двухцветной обложкой — потому что трехцветной печати они не могут себе позволить. Этот разговор слишком затянулся, еще немного — и она уже не сможет отказаться.

— Это не мой профиль, — говорит она. — Я этим не занимаюсь. Я пишу про образ жизни.

— Образ жизни? — Он как будто озадачен.

— Ну, что люди носят, что едят, куда ездят в отпуск, как обставляют гостиные, в таком духе, — говорит Ренни с самым легкомысленным видом.

Доктор ненадолго задумался. А потом улыбнулся ангельской улыбкой.

— Можно сказать, я тоже спец по образу жизни, — говорит он. — Забота об этом — наш долг. Что люди едят, что носят — напишите об этом.

Он поймал ее.

— Хорошо, я подумаю, — сдаваясь, говорит она.

— Хорошо, — говорит доктор, сияя. — Это мое единственное желание. — Он снова берет свои

палочки и сгребает остатки кальмара в свою миску. — И последнее, я хочу дать вам один совет. Остерегайтесь американца.

— Какого американца? — спрашивает Ренни.

— Того мужчину. Он торговец.

Вероятно, он имеет в виду Пола.

— И что он продает? — говорит Ренни, ей смешно. Она ушам своим не верит.

— Друг мой, — говорит доктор Пескарь. — Какая же вы славная!

* * *

Напротив отеля есть магазинчик с прессой, Ренни идет туда, минует полки с историческими романами, сплошь английскими, и покупает местную газету — «Квинзтаун Таймс», за ней она и пришла. Она делает это из чувства вины, чтобы хоть чем-то отблагодарить доктора.

С другой стороны, она прекрасно знает, что не собирается делать того, о чем он ее просил. Даже если бы она хотела — не стала бы она бегать по всему острову и приставать к людям с расспросами; мужчины вообще не поняли бы ее намерений, решили бы, что она их кадрит. Всесторонне изучить ситуацию она тоже не может — в здешней библиотеке нет книг; здесь

нет библиотеки. Да, она просто ищет предлог, ну и что? Одна из мудростей Гризвольда: «Не можешь сказать ничего приятного — промолчи». *Я умираю*, вот что ей пришлось бы сказать. *Не рассчитывайте на меня*.

Она заказывает чай с печеньем и уходит вместе с газетой в гостиную из кожзама. На самом деле ей хочется лечь и отрубиться, и если она уйдет к себе в комнату, то так и будет. Поэтому она борется с собой; здесь было бы так просто только есть и спать.

Англичанка приносит поднос самолично и с грохотом ставит перед Ренни.

— Не знаю, куда они все подевались, — говорит она. Ренни ждет, что она удалится, но женщина медлит. — У нас нет воды. Дадут часа через два, — сообщает она. Снова пауза. Наконец она выпаливает: — Можно дать вам один совет? Не общайтесь вы с этим мужчиной.

— С каким именно? — спрашивает Ренни. Судя по интонации женщины, подразумевается некий сексуальный скандал.

— С тем самым, — говорит англичанка. — Которого доктором зовут.

— Он только хотел показать мне Ботанические сады, — говорит Ренни, сознавая, что лукавит.

Она ждет, что женщина сейчас расскажет ей, что доктор — всем известный совратитель, но та говорит:

— И на деревьях есть знаки. Вы сами можете их прочесть, если, конечно, захотите.

— А что в нем плохого? — спросила Ренни. Теперь она подозревает расовую дискриминацию.

— Сбивает людей с толку, а зря.

На этот раз печенье белое, словно присыпанное песком. Чай снова теплый. Ренни за ниточку вылавливает чайный пакетик. Ей не хочется оставлять его на блюдце — слишком он напоминает дохлую мышь — поэтому, немного поколебавшись, она сует его в горшок с крапчатым цветком.

Колонка редактора посвящена выборам. Доктор Пескарь выглядит в ней не лучше Кастро, Принц Макферсон и того хуже. Если за них хоть кто-то проголосует, то они, скорее всего, объединят силы и сформируют коалицию, и это положит конец столь долго и бережно хранимым демократическим традициям Сент-Антуана.

На первой полосе — репортаж о новом сахарном заводе, который собирается построить премьер-министр Эллис, и статья о ремонте дорог. В ней помещена фотография Эллиса — та

же самая, что на всех постерах. *Недавно Высший комиссар Канады нанес визит на остров с базы на Барбадосе, в честь него был устроен прием в Доме правительства; Канада выступила спонсором программы для ныряльщиков — охотников за омарами на Сент-Агате, где и проживает большинство участников. Жителям Сонжевиля будет приятно узнать, что Соединенные Штаты внесли дополнительные полмиллиона долларов в фонд устранения последствий урагана, которые будут потрачены на ремонт крыш и восстановление школы. Те, кто все еще живет во временных лагерях или церквях, смогут вернуться в свои дома.*

Снова появляется англичанка, с побелевшим лицом и сжатыми губами, она волочит по полу лязгающую алюминиевую стремянку. «Хочешь сделать дело — сделай сам», — сообщает она Ренни, расставляет лестницу, залезает на нее и начинает снимать новогодний «дождик»; ее беломраморные икры в полуметре от головы Ренни. Она ощущает запах женского туалета: раздетого тела, пудры, аммиака. Ренни пытается углубиться в статью о резко участившихся случаях мелкого воровства, но англичанка внушает ей комплекс ленивой эгоистки. Еще немного — и

Ренни предложит ей свою помощь и будет обреченно снимать пушистые искусственные цветы, а англичанка укладывать их в потрепанные картонные коробки. Ренни сворачивает газету и удаляется в свой номер, прихватив чашку с холодным чаем.

«ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ К ВАМ ЗАБРАЛСЯ ВОР», — читает она. «1. Держите у кровати фонарик. 2. Купите большой флакон „Байгона“ или любой жидкости против комаров. 3. Посветите фонариком ему в лицо. 4. Пустите струю спрея ему в лицо. 5. Позвоните в полицию и подайте заявление». Ренни интересно, что по их логике будет делать вор, пока вы брызгаете в него спреем, но решила не развивать эту мысль. Как и все советы на подобные темы, эти — одновременно прозрачны и туманны.

Она пропускает рубрику «Духовные поиски», размышляет, не порешать ли кроссворд, но передумывает; ответы даны на странице 10, и она знает, что обязательно подсмотрит. В «Уголке домохозяйки» напечатан лишь рецепт кукурузы во фритюре. Раздел «У вас проблема» ведет мадам Вуаля.

Дорогая мадам Вуаля,

я влюблена в одного парня. Мы оба христиане. Иногда он просит меня поцеловать его, но я читала, что целоваться до свадьбы неправильно, потому что это возбуждает страсть и приводит к сексу. Но он не считает, что секс до свадьбы – это плохо. В Библии сказано, что прелюбодеяние – грех, но он говорит, что секс – не прелюбодеяние. Пожалуйста, объясните мне, что к чему.

Взволнованная

Дорогая Взволнованная,

милочка, любовь – это полное проявление личности. Пока ты помнишь об этом, с тобой ничего не случится. Надеюсь, я помогла тебе.

Мадам Вуаля

Ренни закрывает глаза и натягивает одеяло на голову. У нее нет сил разворачивать москитную сетку.

«Только не это».

* * *

Ренни лежит в постели и думает о Дэниеле. Это бессмысленно, но ведь так всегда и было. Чем раньше она прекратит, тем лучше. Но она продолжает.

Было бы легче, если бы он был козлом, подонком, дураком, самовлюбленным или просто толстым; о, особенно толстым. Это бы придало ей сил. К несчастью, Дэниел худощав. И он любит Ренни, по крайней мере, он так сказал, но в этом нет никакого проку. (Что это меняло? Не так много, насколько понимала Ренни. Она вообще не уверена, что он имел в виду, точнее, что он принял за любовь; скорее всего, это разные вещи.)

Ренни долго думала, что вообще имеет в виду Дэниел. Понять было нелегко, потому что он был не похож на знакомых ей людей. Они говорили про себя, что достигли дна, потом решились на изменения и у них все наладилось. Когда она впервые произнесла при нем эти фразы в разговоре, ей пришлось «переводить» их ему. Дэниел никогда не был «на дне», насколько она могла знать, и, очевидно, ему нечего было «налаживать». И он не думал о себе как о прошедшем через «изменения». На самом деле казалось, что

он вообще не слишком думает о себе в обычном понимании. В этом и заключалась разница между ним и всеми остальными: он не думал о себе.

Поэтому Ренни порой было трудно с ним разговаривать; когда она спрашивала его о нем самом, он как будто не знал, что ответить. Напротив, он вел себя так, словно не слышал вопроса. Где ты пропадал последние двадцать лет? На Луне? Возможно, просто в пригороде. Но, похоже, Дэниелу было все равно, где жить. Все равно, что есть и что носить: он выглядел так, словно одежду подбирала ему жена; вероятно, так и было. Он был специалистом, был погружен в свое дело, разбирался только в этом.

Он думал, что Ренни знает то, чего он не знает, а должен бы; он думал, что она живет в реальном мире. Ему было приятно так думать, а Ренни хотела делать ему приятное, ей нравилось удивлять его, хотя она и боялась, что рано или поздно он решит, что все эти вещи, по большому счету, знать не стоит. А пока он был как патагонец в «Вулворте», его восхищали разные мелочи жизни. Может, у него кризис среднего возраста, думала Ренни. По возрасту подходит. Может, он пустился во все тяжкие?

Иногда они обедали вместе, нечасто, потому

что жизнь Дэниела ему почти не принадлежала. За обедом Ренни развлекала его: это было легко, Дэниела искренне изумляли вещи, вполне тривиальные для всех остальных. Она вычисляла посетителей по их одежде, а потом «переодевала» у него на глазах. Вот эта, например, явно администратор, скажем, в юридической конторе, но хочет казаться рангом повыше. Переборщила с тенями для век. А вот мужчина с ней, несомненно, адвокат. За соседним столиком менеджер среднего звена, скорее всего банковский служащий. Я бы заменила запонки — не ему, адвокату. А этому надо сменить прическу.

— Мне кажется, у него нормальная прическа, — сказал Дэниел.

— Ты не понимаешь, — возразила Ренни. — Люди обожают, когда их переделывают. Смотри, ты же не считаешь, что ты отработанный материал? Разве ты не хочешь меняться и расти как личность? А хочешь, я переделаю тебя?

Это был коронный номер Ренни, в идеальном журнале он получил бы заголовок «Сексуальное преображение». Многие считают, что их жизнь — что-то вроде экзамена, который нужно пройти или завалить, а за каждый верный ответ ты получаешь баллы. Скажи им, что не так, желательно

— с ними, потом расскажи, как это можно исправить. Это дает надежду: Дэниел должен одобрить такой подход.

— Как бы ты меня переделала? — спросил он, смеясь.

— Если бы могла заполучить тебя? Да никак, ты совершенно идеален такой, как есть. Вот как я могла бы потешить твое эго, будь оно у тебя.

Дэниел протестовал — конечно, есть, на самом деле он жуткий эгоист. Но Ренни ему не верила. У него просто не было времени на «эго». За обедом он постоянно поглядывал на часы, воровато, но тем не менее. Она надеялась, что, если они станут часто встречаться, он ей наскучит; разговор с ним сильно смахивал на танец со столбом, она это прекрасно понимала. Но Ренни ошибалась, возможно, потому, что встречаться часто им не удавалось. Когда он не был в больнице, то выполнял семейные обязанности, по его выражению. У него была жена, дети, родители. Ренни никак не могла представить их всех, разве что родителей, в ее воображении они были воплощением американской готики, только «финского разлива» — потому что они были финнами. Они были небогаты и гордились Дэниелом, который был финном не больше, чем она — за исключением

абриса скул. По воскресеньям он ездил к ним; субботы проводил с детьми, а вечера — с женой. Дэниел был верный супруг, добросовестный сын и отец, и Ренни, которая уже давно послала добропорядочность подальше, с трудом сдерживалась, чтобы не съязвить, — и презирала себя за это желание.

Впрочем, она не ревновала к его жене. Только к другим пациентам. «А что, если я не одна, — думала она. — Может, нас таких — целая вереница и у каждой он отрезал по куску, одну или другую грудь. Он спас нам жизнь и теперь обедает с нами по очереди и говорит, что любит нас. Он считает, что это его долг, что так он дает нам надежду. И конечно, ему это в кайф, это же как гарем. А для нас, как ни крути, он единственный мужчина на свете, знающий всю правду, он заглянул в каждую из нас и видел смерть. Он знает, что мы воскресли, что мы не так уж крепко запаяны и в любую секунду можем дать трещину. Ведь тела — лишь временная оболочка».

Вначале, когда она еще верила, что снова станет прежней, Ренни думала, что они встретятся несколько раз и потом у них начнется связь. Так бывает; ничего особенного. Но даже этого не произошло. Вместо этого Дэниел на протяжении

всего обеда объяснял ей — с серьезным и несчастным видом, — почему он не может лечь с ней в постель.

— Это было бы неэтично. Будто я воспользовался твоей ситуацией. Ты эмоционально нестабильна.

«Вот тебе раз! — подумала Ренни. — Это кто? Рекс Морган, доблестный доктор из комиксов?» Все, кого она знала, гордились своей эмоциональной нестабильностью. Она не могла решить, то ли Дэниел мудр, то ли принципиален, то ли просто трус.

— Почему для тебя это так важно? — спросила она. — Один раз ничего не значит. В кустиках, пять минут, не больше.

— Одним разом не ограничится, — сказал он.

Ренни была как на иголках; она все время ждала, что вот-вот что-то произойдет. Может, я зациклена на результате? Ее знакомые, например Иокаста, отнеслись бы к этому как к приключению. Их можно коллекционировать. А потом обмениваться с друзьями. Показывать, рассказывать. Но Ренни не могла думать о Дэниеле как о приключении; да и что тут можно было рассказать?

— Для чего тебе все это? — спрашивала она. —

Чего ты хочешь?

— Разве обязательно для чего-то? — говорил он. — Я просто хочу, чтобы все шло, как идет.

— Но что — все? — говорила она. — Ничего же нет. Это бред какой-то.

Он явно обиделся, и она устыдилась. Возможно, ему нужен был воздух, как и всем остальным; немного, не чересчур; форточка, а не дверь.

— Я бы мог спросить тебя о том же, — проговорил он.

«Я хочу, чтобы ты спас мне жизнь, — подумала Ренни. — Однажды ты это сделал и сумеешь снова». Она хотела, чтобы он сказал ей, что все будет хорошо, и хотела ему верить.

— Я не знаю, — сказала она.

Она не знала. Может, она на самом деле не хотела спать с ним или чтобы он вообще ее трогал; может, она любила его, потому что не было никакого риска, он ничего не мог у нее требовать.

Иногда они держались за руки, украдкой, например через стол в ресторанах; в течение недель, а то и месяцев это было максимум, что она могла вынести. Потом она еще долго ощущала форму его ладоней.

* * *

Кто-то стучит в дверь. В комнате темно. Птаха, что поет по ночам прямо за окном, поет и сейчас, и музыка играет все та же.

Стук повторяется. Может, это горничная, опоздавшая на полдня, пришла застелить ее постель? Ренни отбрасывает взмокшую простыню, идет босиком к двери и отпирает ее. Там стоит Пол, опираясь плечом о стену, и он вовсе не похож на торговца.

— Зря вы так сразу отпираете дверь, — говорит он. — Это мог быть кто угодно.

Ей немного неловко из-за того, что она босая.

— Сегодня мне повезло, — говорит она.

Ренни рада его видеть: он больше всего напоминает ей кого-то из знакомых людей. Может быть, им стоит зачеркнуть вчерашний день и начать заново, словно ничего не произошло? Что правда — в самом деле, ничего не произошло.

— Я подумал, вы не прочь поужинать, — сказал он, — там, где готовят нормальную еду.

— Я только обуюсь, — говорит Ренни.

Она включает лампу с русалкой. Пол заходит в номер и закрывает за собой дверь, но не садится. Он стоит осматриваясь, будто пришел в

арт-галерею; Ренни берет с пола сандалии и идет в ванную посмотреть на себя в зеркало. Она причесывается, подводит глаза синим карандашом совсем чуть-чуть. Думает, не переодеться ли, решает, что не надо: будет выглядеть слишком нарочито. Вернувшись в комнату, она видит, что Пол сидит на краю ее кровати.

— Я немного вздремнула, — говорит она, чувствуя, что должна объяснить неубранную постель.

— Вижу, вы сумели забрать посылку Лоры, — говорит Пол. — Без сложностей?

— Да. Только она оказалась больше, чем я думала, и теперь я не знаю, что с ней делать. — Ей хочется спихнуть коробку на Пола, ведь он знает Лору. — Я даже не знаю, где живет эта женщина! — говорит она своим самым беспомощным тоном.

— Элва? Вам нужно просто добраться до Сент-Агаты, туда ежедневно ходит катер, в полдень. А уж там любой вам покажет.

Он не предлагает сам отвезти коробку.

Ренни выключает лампу, запирает дверь, и они идут мимо стойки регистрации и острого, словно лазер, взгляда англичанки, у Ренни полное ощущение, что она сбегает из студенческой общаги.

— Ужин — часть плана, — слышит она за спиной.

— Что, простите?

— Даже если не будете есть, все равно заплатите. Таков его план.

— Я учту, — отвечает Ренни.

— Мы закрываемся в полночь, — сообщает англичанка.

Наконец Ренни понимает, почему ей так несимпатична эта женщина. Все дело в ее изначальном неодобрении, автоматическом, самоуверенном, в ее враждебности. Что бы ни случилось с Ренни, англичанка скажет, что она сама виновата. Конечно, если речь о чем-то плохом.

Они с Полом спускаются по каменным ступеням, идут через сырой внутренний дворик и выходят в наполненную музыкой ночь. Пол берет Ренни за руку повыше локтя и сжимает пальцы.

— Просто идите, — говорит он. И буквально тащит ее вперед.

Она сразу видит, что он имел в виду. Немного позади в тусклом свете магазинчика двое полицейских в синих рубашках избивают мужчину. Мужчина стоит на коленях на изрытой выбоинами дороге, а они пинают его — по животу, по спине. Ренни почему-то думает только об

одном: полицейские в ботинках, а этот мужчина — босой. Она никогда раньше не видела, чтобы кого-то избивали, только на снимках. Стоит сфотографировать сценку — и это уже искусство. Это живописно. Но в реальности — нет.

Ренни остановилась, хотя Пол подталкивает ее, чтобы она шла дальше.

— Им не понравится, что вы смотрите, — говорит он.

Ренни не совсем понимает. Кого он имеет в виду — копов или людей, которых избивают? Наверное, стыдно, когда другие видят тебя в таком беспомощном положении? На улице немало людей, кучки, целые компании, но никто не смотрит, только бросают взгляд, а потом отворачиваются. Они просто гуляют, никто никуда не спешит, идущим, правда, приходится сходить с пути, и они аккуратно обходят мужчину, который уже согнулся пополам.

— Пошли, — говорит Пол, и Ренни двигается с места.

Мужчина пытается встать на колени; полицейские стоя наблюдают за ним с легким любопытством, как двое детишек за жуком, которому вырвали лапки. «Может, теперь они станут кидать в него камни», — подумала Ренни, вспомнив

школьные забавы. Чтобы посмотреть, в какую сторону он поползет. Ей противно собственное любопытство. Мужчина поднимает лицо, по нему стекает кровь, должно быть они разбили ему голову; он смотрит прямо на Ренни. Она помнит алкашей на Йонг-стрит, пьяных настолько, что они не могли стоять на ногах, вот они смотрели точно так же. Был ли это призыв, мольба о помощи или ненависть? Он смотрит на нее, видит ее ясно, насквозь и уже не забудет.

Это тот самый старик. И вряд ли глухонемой, потому что он издает какой-то звук ли, стон ли, и эта сдавленная попытка что-то сказать хуже любого молчания.

Они подходят к джипу, на этот раз Пол открывает перед ней дверь и помогает забраться, он подгоняет ее. Он сам закрывает дверцу и дергает еще раз, для уверенности.

— Почему они так с ним? — спрашивает Ренни. Она сжала ладони вместе, чтобы унять дрожь.

— О чем вы? — говорит Пол немного резко. Он все еще раздражен: она его ослушалась.

— Ладно вам, — говорит Ренни.

Пол пожимает плечами.

— Он был пьян. А может, его поймали на краже. Он околачивался у отеля, когда я пришел, а здесь

не любят, когда пристают к туристам. Это мешает бизнесу.

— Какой ужас, — проговорила Ренни.

— Дальше на север за такое арестовывают. А здесь только немного проучат. Я бы выбрал второе, — говорит Пол.

— Ничего себе, немного.

Пол взглянул на нее и улыбнулся.

— Смотря что вы имеете в виду.

Ренни не отвечает. Она жила в своем маленьком мирке, вот что он хочет сказать. Теперь ей и самой стыдно за свой шок. Увидела мышку и давай визжать, задрав юбки. Как девчонка.

Пол ведет машину в темноте нарочито медленно — из-за нее.

— Можете ехать быстрее, сегодня меня не тошнит, — говорит она.

Он улыбается, но не меняет скорости.

* * *

Ночной «Дрифтвуд» отличается от дневного: он залит светом прожекторов. Играет вялый оркестрик, под него танцуют две пары. На обеих женщинах рубахи «под мешковину»; блондинка фотографирует на камеру со вспышкой, на голове у брюнетки бейсболка козырьком назад. На

одном из мужчин зеленая рубашка с попугаями. Другой — пониже и покряжистее, у него так сильно обгорела передняя часть ног, что кожа сходит клочьями. На нем красная футболка с надписью «ДАЙ ПЕТУХА!». «Типичные туристы, вероятно, из Висконсина, — решает Ренни, — дантисты со своими женами, только что прилетели, их тела похожи на сырую камбалу, жаждущую как можно быстрее поджариться на гриле. Дантисты едут сюда, их ассистентки — на Барбадос, в этом вся разница».

Ренни с Полом садятся за металлический столик. Ренни заказывает имбирный эль. Она не хочет снова расклеиться в его джипе, одного раза предостаточно. Она снова вспоминает беспомощного старика… Но что тут вспоминать? Однако она совсем не голодна. Она наблюдает неуклюжие движения танцоров, музыканты оркестра, гибкие, почти гуттаперчевые, тоже смотрят на них, с легким презрением, но не без интереса.

— Дантисты из Висконсина? — говорит Ренни.

— Вообще-то это шведы, — говорит Пол. — В последнее время здесь прямо нашествие. Вернувшись, шведы рассказывают другим шведам, и вот теперь их на острове пруд пруди.

— Как вы узнали? — говорит Ренни под впе-

чатлением.

Пол улыбнулся.

— Просто выяснил. Это несложно. Здесь все про всех всё знают, любопытный народ. Город небольшой, всё новое или необычное замечают тут же. Например, многим любопытно, кто вы такая.

— Я вполне заурядная, — говорит Ренни.

— А вот и нет, — говорит Пол. — Во-первых, остановились не в том отеле. Там живут в основном туристы по путевке или одинокие старые дамы. Ваше место в «Дрифтвуде».

Он делает паузу, и Ренни чувствует, что от нее ждут ответа.

— Простая экономия, — говорит она. — У меня небогатый журнал.

Пол кивает, словно очко засчитано.

— Во-вторых, все удивляются, почему вы без мужчины, — говорит он. — Если бы вы приплыли на корабле, это понятно, все бы поняли, вы путешествуете автостопом. Таким способом часто сюда заплывают туристки, что-то вроде местного спорта. Но вы на них не похожи. Кроме того, все знают, что вы прилетели самолетом.

Снова улыбка, снова пауза. До Ренни вдруг доходит, что всё это, возможно, никому не интересно — кроме самого Пола. Легкая дрожь пробегает у

нее по спине.

— Ну если они так всеведущи, то уж точно знают, зачем я здесь, — говорит она невинным тоном. — По работе. Я пишу статью. И не нуждаюсь для этого в компаньоне.

Пол улыбнулся.

— У белых женщин здесь дурная репутация, — говорит он. — Во-первых, они слишком богаты, а во-вторых, понижают местную мораль.

— Чушь какая! — говорит Ренни.

— Я просто рассказываю, что думают люди, — говорит Пол. — Женщины считают, что белые портят местных мужчин. А еще им не нравится, как те одеваются. Вы никогда не увидите местную женщину в шортах или, еще хуже, в плавках. Это считается непристойным. Если они только посмеют, их мужчины изобьют их до полусмерти. Вот продвиньте здесь идею женского освобождения — да вас поднимут на смех. Они говорят, это про белых женщин. Все знают, что белые женщины по природе ленивы и не хотят «делать настоящую женскую работу», поэтому нанимают черных женщин работать за них.

Он смотрит на нее одновременно вызывающе и насмешливо, что вызывает у Ренни протест.

— Поэтому вам здесь так нравится? — говорит

она. — Всё для белого господина?

— В этом нет моей вины, — отвечает Пол. — Не я это придумал.

И наблюдает за ее реакцией, так что Ренни старается не выдать чувств.

— А еще они не верят, что вы всего лишь журналистка. И что просто пишете статью для журнала.

— Но это так! — восклицает Ренни. — Почему в это нельзя поверить?

— Тут мало кто слышал про журналы, — говорит Пол. — И вообще, здесь почти каждый — не тот, кем кажется на первый взгляд. И даже не тот, кем их считают. Здесь существует как минимум три версии любого события, и, если вам повезет, одна из них будет верной. Если повезет.

— К вам это тоже относится? — спрашивает Ренни, и Пол смеется.

— Скажем так, — говорит он. — За десять тысяч долларов можно купить паспорт Сент-Антуана; это официальная цена — нелегально стоит дороже. И то если у тебя есть связи. Если захотите, можете открыть здесь частный банк. Власти даже помогут вам, за небольшую мзду. Есть люди, которые находят это весьма выгодным.

— Что вы хотите сказать? — спрашивает Ренни,

которой все больше кажется, что ее пригласили с определенной целью, и вовсе не с той, ради которой она поехала. Она глядит в его светло-голубые глаза, в них слишком много света, слишком много голубизны. «Они слишком долго смотрели на море и выцвели», — думает она.

Пол улыбается. Весело, с угрозой.

— Вы мне нравитесь, — говорит он. — И вот что я хочу вам сказать: не лезьте в местную политику. Если, конечно, вы приехали, чтобы написать туристическую статью.

— В местную политику? — говорит Ренни с искренним удивлением.

Пол вздыхает.

— Вы мне ужасно напоминаете таких девушек-американок, — говорит он, — которые приезжают в Нью-Йорк со Среднего Запада и получают работу в журналах.

— Чем же? — говорит Ренни в полной растерянности.

— С одной стороны, вы добрая, — говорит Пол. — Вы бы и хотели измениться, быть пожестче, покруче, но ничего не можете поделать. Вы наивны. Но вам кажется, что вы должны доказать, что это не так, поэтому влезаете туда, куда не следует. Вы хотите знать больше, чем другие.

Я прав?

— Я представления не имею, о чем вы говорите, — говорит Ренни, которая чувствует себя как под микроскопом. Она думает: «Может, он прав?» Когда-то так и было, и она хотела узнать про все на свете. Но теперь она устала от этого.

Пол вздыхает.

— Ну хорошо. Только помните, ничто происходящее здесь не имеет к вам никакого отношения. И я бы держался подальше от Пескаря.

— Доктора? Почему? — спросила Ренни.

— Его не любит Эллис. И кое-кто еще.

— Я его едва знаю, — сказала Ренни.

— Вы с ним обедали, — сказал Пол почти обвиняюще.

Ренни рассмеялась.

— Меня что, застрелят из-за какого-то обеда?

Полу, похоже, не до смеха.

— Может, и не расстреляют, — говорит он. — В основном они убивают своих. Ладно, давайте поедим.

Под навесом из искусственного тростника, открытым с обеих сторон, устроен «шведский стол»: миски с салатами, подносы с ростбифом, торты с лаймом, шоколадные пирожные с воткнутыми цветками гибискуса. Бери сколько влезет. Людей

заметно прибавилось, все наполняют тарелки доверху. Ренни кажется, все они шведы.

Она возвращается с тарелкой к столу. Пол стал молчаливым и задумчивым. Кажется даже, он торопится поскорее уйти. Ренни, сидя напротив, ест свои креветки и чувствует себя как на неудачном свидании вслепую — у парня торчат зубы, у девушки прыщи. В таких ситуациях она обычно предпочитает сказать человеку приятное, успокоить. Может, он из ЦРУ? Тогда бы все встало на место: это предупреждение, стрижка в стиле неохиппи, камуфляж, работа в Камбодже и яхты, которые ему явно не по карману. Чем больше она думает об этой версии, тем более правдоподобной она ей кажется. Она ни в чем не виновата и не хочет, чтобы у него создалось ложное впечатление, еще подсыплет ей в гуавовый джем какой-нибудь гадости. Неужели только из-за обеда с доктором она превратилась в опасного провокатора? Она не знает, как ей убедить его, что она именно та, за кого себя выдает. Может, рассказать ему про бижутерию из цепочек?

В конце концов она спрашивает Пола про теннисные корты. Она хочет, чтобы все наладилось, чтобы, как говорят в новостях, ситуация нормализовалась.

— Какие еще корты? — говорит Пол, словно никогда о них не слышал.

У Ренни такое ощущение, что ее допросили и отпустили, признали неважным свидетелем, то ли потому что Пол поверил ей, то ли наоборот. Что хуже: когда тебя считают малозначительной или когда *лживой*? Как бы то ни было, она больше неинтересна, во всяком случае Полу. И теперь она думает только об одном — как вернуть его интерес, раз он испарился. Она как будто забыла, что у нее кое-чего не хватает. Она понимает, что предвкушала нечто, но что, не уверена. Она хотела, чтобы что-то произошло. Наконец случилось. Довольно пустоты было в ее жизни в последнее время, ей надолго хватит.

* * *

Ренни с Иокастой примеряют подержанные шубы в «Сэлли Энн» в центре Торонто. Иокаста считает, что это лучшая комиссионка в городе. Собственно, мерила шубы Иокаста, Ренни не слишком интересовали поношенные шубы. Ее вполне устраивал классический пуховик от «Эдди Бауэр». Вообще-то это было задумано как шопинг для Ренни: Иокаста решила, что обновка улучшит Ренни настроение. Что ж, сама винова-

та. С Иокастой всегда в результате оказываешься в «Сэлли Энн».

— Норку я носить не стану, — сказал Иокаста. — У меня есть принципы. Смотри, ну как тебе?

— Крашеный кролик, — сказала Ренни. — Принципы спасены.

Иокаста вывернула шубке карманы. В одном обнаружился заскорузлый носовой платок.

— На самом деле я ищу черную шляпу с фазаньим пером, знаешь, с изогнутыми полями. Как у Глории Свонсон. Как ты вообще?

— У меня намечается кое-что с одним мужчиной, — сказала Ренни, хотя много раз клялась себе не обсуждать это ни с кем, особенно с Иокастой.

Подруга взглянула на нее. Она молчала довольно долго, и Ренни буквально слышала ее мысли: интересно, сколько от нее отняли, оттяпали; под всеми этими тряпками не поймешь. «Кое-что с мужчиной». Бред какой-то. Или даже отстой.

— Улёт, — сказала Иокаста, которой иногда нравилось воскрешать старомодный сленг. — Любовь или секс?

— Не знаю, — сказала Ренни.

— Ага, любовь, — сказала Иокаста. — Везет. А я, кажется, разучилась «по любви». Это так утомительно.

Она попросила Ренни помочь, и ее руки скользнули в напускные рукава ондатровой шубы в стиле сороковых.

— Немного потрепан воротник, но в целом ничего, — сказала Иокаста. — Значит, сейчас вся летаешь, сердечко бьется, как птица в клетке, сны горячие, а страсть зашкаливает? Шея в засосах, ладошки потеют… Приданое-то начала собирать?

— Да не совсем, — сказала Ренни. — Он женат.

До Дэниела Ренни не обращала внимания на женатиков. Само наличие жены автоматически исключало их из игры — не потому, что это было неприемлемо, а потому, что они таким образом расписались в своей банальности. Иметь связь с женатиком — все равно что повесить в гостиной репродукцию одной из картин «Группы семи»[12] на моющейся ткани. Какие разве что в банках висят, да и то не в лучших.

Однако позже она стала смотреть на это с другой стороны. Возможно, Дэниел был не отблеском прошлого, а напротив — приветом из будущего. Как говорила Иокаста про свой гардероб, не торопись. Ничего не выбрасывай, ибо время

---

[12] Примечания: 12

Группа канадских пейзажистов, существовавшая с 1920 по 1933 год.

циклично и рано или поздно все повторяется на новом витке. Возможно, эксперименты с образом жизни, когда люди только «пробуют» и готовы к постоянному пересмотру отношений, быстро сойдут на нет. И Дэниел скоро будет в тренде, вернется мода на «ограниченность вариантов». И на «безвыходность ситуации». И картины «Группы семи» снова станут популярны, на некой ультрановой волне — но только непременно на моющейся ткани. А сейчас их только в банках вешают, да и то не в лучших.

— Иногда с женатыми лучше, — сказала Иокаста. — У них своя жизнь, им некогда раскурочивать твою. Можно встречаться днем, трахаться, выслушивать признания о том, как ты важна в его жизни, узнавать про его мелкие неприятности — про ипотеку, про то, как он постоянно находит на ковре карамельки, что нужно заменить ремень в их «Вольво», а вечером можно оторваться с кем-нибудь поприкольнее. Мне нравились брючные костюмы, помнишь такие укороченные пиджачки, которые носили с деловыми брюками? С кармашком для носового платка. Они классные.

— Ты не вполне понимаешь, — сказала Ренни. — Он «женатый» женатик. Он сам так счи-

тает.

— А, вся эта ерунда про то, что «жена меня не понимает»? Да, это может быть занудно. И, как правило, жена таки понимает его, задним числом. Я прошла через такое десять лет назад, когда еще работала младшим байером в «Кридс». Мы встречались в Нью-Йорке каждый раз, когда я прилетала; это был наш супервайзер. Он считал меня ужасно порочной, представляешь? Видимо, я была в отчаянном состоянии, еще не открыла для себя вибраторы. В конечном счете все сводится к тому, что жена отказывается делать бедняге минет, насколько я понимаю. Да, и дети — дай угадаю. У него двое.

— Трое с половиной, — сказала Ренни.

— Что, один неполноценный? — спросила Иокаста, глядя через плечо в зеркало. — Вальсовая длина. Помнишь, сколько это?

— Нет, — сказала Ренни. — Его жена опять беременна.

— И конечно, он любит ее, а она любит его. Так?

— Боюсь, что так, — сказала Ренни. (Дэниел не сказал «боюсь». Он сказал «наверное». «*То есть ты не знаешь?» — спросила Ренни. «Мы не говорим об этом», — ответил он.*) — Но, думаю, любит.

Да, любит.

— Ну так расслабься и получай удовольствие, — сказала Иокаста. — О чем тут волноваться-то? Разве что о Джейке. Но он все поймет.

Ренни не была уверена в понятливости Джейка. Она не рассказала ему про Дэниела. А вот Дэниел как раз спрашивал о Джейке почти на каждой их встрече. «А как Джейк?» — с оживлением спрашивал он. И Ренни отвечала: «Хорошо». Она знала, чем заканчиваются книжки, знала, что одно не работает без другого. Если Джейка вдруг не станет, Дэниел улетучится со скоростью ветра. Он не захочет принять этот роскошный подарок. Может быть, она для него любимый десерт, но уж точно не основное блюдо.

— Джейк взрослый мальчик, — сказала она. — «Открытые возможности» — вот его девиз.

— Ну вот и приехали, — сказала Иокаста. — В конце концов, двое лучше, чем один, во всяком случае если у тебя нет в планах распустить нюни и устроить всем «отель разбитых сердец».

— Ты все-таки не понимаешь. Ничего нет.

— Как — ничего?

— Если не считать невозможно трепетных рукопожатий, — сказала Ренни.

Ей было немного стыдно в этом признаваться,

она знала, что это полное извращение — но не так стыдно, как было бы когда-то раньше. Правда заключалась в том, что она не была уверена, что хочет романа с Дэниелом. С ним не светило легких или, скажем, прикольных отношений. Все равно что разом выпустить накопившийся пар. Или броситься в Ниагарский водопад в центрифуге, можно кости себе переломать.

— А почему?

— Я же говорю, он *слишком* женат.

Они посмотрели друг на друга.

— Ничего… Странно конечно. — Она положила руку Ренни на плечо. — Послушай, ведь все могло быть хуже. Посмотри с другой стороны. Ну, романчик — он и есть романчик, ничего особенного. А то как будто переедаешь пирожных; начинаешь мечтать, как бы хорошо уйти в монашки. И это приятные мысли. А «ничего» — это так романтично; уверена, он все время о тебе думает. «Ничего» — это очень даже нечто.

* * *

После шоколадного торта на десерт они едут обратно, без задержек, на этот раз обходится без остановки на обочине. Ренни сидит, подскакивая, на переднем сиденье, стараясь не поддаваться

разочарованию. Да зачем ей это нужно? «Просто глупость», — сказала бы ее бабушка. И мать тоже. Все мужики действуют по одной схеме, у них это как сундук с наследством передается, только каждый докладывает что-то свое.

Вот они у отеля, Пол так и не прикоснулся к ней, даже в щеку не чмокнул. Он выходит из машины, насвистывая сквозь зубы. Не предлагает ей руку, чтобы помочь выйти; берет ее за руку повыше локтя, но до номера не провожает. Ждет внизу, пока она поднимается по каменной лестнице, и все.

Ренни идет по зеленому коридору, чувствуя огромную усталость. Что все это должно означать? Если вообще должно? Он пригласил ее на ужин, и она получила ужин. Ренни вспомнила фильм, который видела когда-то давно, о том, как радиоактивное излучение действует на ритуалы ухаживания у животных: птицы не обращали внимания или нападали друг на друга, рыбы плавали вокруг неровными кругами, вместо того чтобы метать икру, черепахи бросали яйца, впрочем, не оплодотворенные, превращающиеся в омлет на солнце. Быть может, в этом суть возникновения «Нового целомудрия»: слишком много смертоносных лучей пронзает наши шиш-

ковидные железы: сигналы не доходят до цели и больше никто не понимает, что они означали когда-то.

Но больше всего в этот вечер она запомнила даже не Пола. А того глухонемого человека на четвереньках посреди улицы: двое избивают его, а потом наблюдают, спокойно так, с интересом, почти дружелюбно.

Давным-давно, может год назад, Иокаста сказала: по-моему, совершенно роскошная идея — если бы все мужчины превратились в женщин, а все женщины в мужчин, хотя бы на один день. Тогда все бы точно поняли, как нужно обращаться друг с другом. Когда превратились бы обратно, конечно. Как считаешь, идея великая?

— Безусловно, — сказала Ренни.

— Но ты бы порвала за нее? — спросила Иокаста.

— Пожалуй, нет.

— Это судьба всех великих идей, — сказала Иокаста. — Никто не готов за них драться.

— Иокаста считает, что придумала роскошную идею: чтобы все мужчины превратились в женщин, а все женщины в мужчин, на неделю. И тогда все будут знать, как нужно обращаться друг с другом, когда превратятся обратно, — сказала

Ренни Джейку.

— У Иокасты куриные мозги, — сказал Джейк. — И она слишком тощая. Тощим женщинам не стоит носить треугольный вырез.

— Что за реакция? — сказала Ренни. — Разве ты бы не хотел узнать, чего хотят женщины? Ведь тогда ты бы стал неотразимым.

— Нет — если это будут знать и все остальные, — сказал Джейк. — Но, самое главное, все будет совсем не так. Женщины скажут: ну что, попался, козел. Теперь моя очередь. Массовые изнасилования. Поспорим?

— А что скажут мужчины?

— Кто знает? Может, просто: все, хана. А может: мне не хочется сегодня, у меня месячные. А может, захотят ребеночка. Я бы лично вообще без этого обошелся, фу.

— Это займет куда больше недели, — заметила Ренни.

— И вот еще что, ты действительно знаешь, как с тобой нужно обращаться? Ты встречала хоть одного человека, который знает?

— Ты женщин имеешь в виду, не так ли?

— Не цепляйся к словам, — сказал Джейк. — Давай, расскажи, как ты хочешь, чтобы с тобой обращались. Не больше двадцати пяти слов. Ска-

жи, и я сделаю.

Ренни рассмеялась.

— Ну ладно. Даешь слово?

Потом она добавила: *смотря кто*.

* * *

Ренни отпирает дверь своего номера. Лампа-русалка горит, и какой-то миг Ренни не может вспомнить, выключала ли ее. Да! Она поклясться готова. И запах в комнате какой-то странный, непривычный.

На кровати лежит ее блокнот, а рядышком аккуратно сложены все материалы, которые она собрала, карты и брошюры. Кто-то здесь был. Ренни кожей чувствует чужака. Кошелек она брала с собой, камеры и объективы хранятся за стойкой администрации, брать здесь нечего. Или есть? Она открывает бюро и лихорадочно ищет косяки — вот они, на своем месте.

В ванной она видит, что содержимое ее косметички вывалено в раковину: зубная щетка, паста, дезодорант «Любовь», ополаскиватель для рта, флакончик с аспирином. Две пластины стеклянных жалюзи, вставленных в металлическую раму, отсутствуют. Их нигде не видать, наверное, валяются снаружи — на балконе, на пожарной

лестнице или прямо на земле, да кто знает, обратно их уже не вставить. Вот как он пробрался внутрь — проскользнул к ней в ванную, словно анонимное письмо. Мужчина в плавках. Она представила, как стоит с фонариком и спреем против насекомых в руках… Один Бог знает, что бы он сделал, но, к счастью, в номере ее не было.

Впрочем, это был всего лишь вор, бывают вещи и похуже. Что бы он ни искал — скорее всего, деньги, — он не нашел. Она отодвигает блокнот — «Там, где всегда светит солнце» — и садится на кровать. А потом заглядывает под нее.

Коробка на месте, но она открыта, клейкая лента аккуратно разрезана. Пенопластовые шарики рассыпаны по полу. Возможно, он смылся, прихватив лекарство. Ренни выдвигает коробку, снимает крышку и сует руку глубоко в наполнитель.

Сначала она ничего не находит. Потом нащупывает две консервные банки копченых устриц, Ренни ставит их на пол, а дальше натыкается на предмет, не имеющий ничего общего с консервами, кроме того, что он твердый и металлический. Ренни дергает его, он поддается и движется к ней сквозь малюсенькие шарики; она вытаскивает то, что раньше видела только в кино. Дуло

небольшого автомата.

Ренни быстро сует его обратно, кладет сверху копченые устрицы, засыпает наполнителем и задвигает крышку. Интересно, найдется ли у англичанки моток скотча. Она заталкивает коробку как можно дальше под кровать и расправляет покрывало так, чтобы оно касалось пола.

«Да, — думает она, — как говорится, неловкий момент». Что же ей делать дальше? Такой историей даже не развлечешь друзей за обедом, потому вся соль в ее, Ренни, дурости. Тупица, наивная идиотка, верящая всем подряд; а все потому, что пить надо меньше. А сейчас она должна постараться не впадать в панику.

Всё, особенно ее номер, теперь таит опасность; но на дворе глубокая ночь, и деваться ей некуда. Она не может заявить о проникновении ни в полицию, ни даже англичанке: возможно, она наивна, но не безнадежна. Никто не поверит, что она не знала, что в посылке, когда забирала ее в аэропорту. Лора-то знает, иначе зачем ей было посылать Ренни вместо себя. Кто еще знает? Тот, кто отправил посылку. Возможно, Хэролд, таможенник. И еще один мужчина, который появляется в одних плавках. Безликий незнакомец. Мистер Икс в спальне, с ножом.

Ренни идет к двери в ванную, пытается закрыть ее на замок. Ей не хочется, чтобы кто-то влез через окно, пока она будет спать. Но замок сломан. Ренни снова роется в комоде, достает косяки Лоры, крошит их в унитаз и спускает воду. Она складывает свой тщательно подобранный комплект одежды в сумку. Потом забирает всё из ванной. После чего ложится на кровать прямо в одежде и выключает свет. Она так хочет, чтобы с ней кто-то был. Она хочет быть с кем-то. Теплое живое тело, не так важно, чье именно.

IV

Летом, вскоре после выписки из больницы, Ренни позвонила Иокасте и пригласила ее вместе пообедать. Ей нужна была поддержка. Она знала, именно это слово говорят женщины подругам, что всегда вызывало в ее воображении поддерживающие колготки для варикозных вен. *Надежная поддержка в жизненном кризисе или в любой сложной ситуации.* Когда-то Ренни решила, что не намерена переживать жизненные кризисы, и не ощущала необходимости в поддержке. Но теперь ощутила. Иокаста была чересчур удивлена ее звонку, чересчур обрадована.

Ренни шла в ресторан как обычно: ставила одну ногу перед другой, хотя практически не замечала тротуара; но важно было стараться держать равновесие, важно было вести себя *нормально.* «Если вы будете стараться, то рано или поздно и сами почувствуете себя нормально», — говорил Дэниел.

Иокаста пила красное вино, воду «Перье» и в два счета расправилась со своим салатом из шпината. Потом она принялась за хлеб. Она не

спрашивала Ренни, как та себя чувствует, вообще ни о чем не спрашивала. Вежливо и целеустремленно Иокаста обходила тему «Ренни». Если кто ее и поднимет, то точно не она.

Ренни ковырялась в своем кише, рассматривала скуластое лицо подруги с огромными глазами клоуна и думала, будет ли она сама в возрасте за сорок такой чудачкой. Да и будет ли ей «за сорок». Она хотела, чтобы Иокаста протянула руку над корзинкой с хлебом, накрыла ее ладонь и сказала, что все будет хорошо. Она хотела сказать ей, что умирает.

Иокаста только что переехала к новому мужчине. Или нет, наоборот, с кем-то разъехалась? Она так часто переезжала. Она говорила ужасно быстро, Ренни вгоняла ее в жуткую панику. Надо сосредоточиться на нормальном поведении. «Если выпить достаточно, но не чересчур, — думала Ренни, — то у меня получится».

— Кто вообще знает, что происходит у них в головах? — сказала Иокаста. Они прикончили уже больше половины второго кувшина вина. — Я — точно не знаю, даже пытаться отчаялась. Раньше женщины были все из себя загадочные, помнишь? Так вот, все изменилось, теперь эта роль принадлежит мужикам. Лично я — от-

крытая книга. Все, что мне нужно, это приятно провести время, без головняка, посмеяться, пофлиртовать, выражаясь твоими словами, я бы и от скрипки не отказалась, если есть возможность, приглушенный свет, розы, потрясающий секс, пусть поутру эти, как-их-там, отскребают с ковра, что осталось. Разве я о многом прошу? Или их отпугивает мое имя, не пойму? Помнишь, как мы хлопали глазками, делая вид, что не понимаем, что означают их грязные шутки, и как все время сидели нога на ногу, а они увивались вокруг, как свиньи в поисках трюфеля, и пытались уломать нас. Помнишь таких девчонок? Фригидных, обломщиц, «профессиональных» целок? А пояса для чулок, подкладки, лифчики на косточках, как они врезались ему в грудь на переднем сиденье машины после танцев?

Ренни помнила все это по рассказам. Но вслух не сказала, она не хотела намекать Иокасте на ее возраст.

— Возможно, есть еще мужчины, которые думают, что настоящая женщина всегда горяча, как печка, в крайнем случае — как включенный тостер; но нельзя и сразу уступать — не дай бог пойдет слушок, что ты «всегда готова».

— Короче, два месяца назад один чувак — сим-

патичный, плечи вот такие, — говорит: давай сходим поужинать. Мы были знакомы, он вполне нормальный, не супермен, но и не какой-то маньяк, и я всегда думала, мол, я бы не против, ну знаешь. Если представится случай. И вот мужчина представился — прости за каламбур, — а я слегка расфуфырилась, ничего броского, просто купила то роскошное вязаное платье в обтяжку, для магазина — помнишь, с рукавами «летучая мышь»?

В общем, мы встречаемся, он вроде за все платит, хотя я предложила пополам, это новый ресторан на Чёрч-стрит, к счастью, не так много папоротника в горшках, он вечно щекочет спину. Я заказала перепелок, это была ошибка — было непросто выковыривать эти малюсенькие косточки, одновременно изображая светскую львицу. Но все прошло прекрасно, глаза в глаза почти все время, мы говорили о его карьере, он риелтор, занимается частными домами в центре. Его главная забота — отбиваться от всяких леваков, они больше арендуют, чем покупают. А собственникам наплевать — лишь бы цена недвижимости росла.

Ну вот, я выразила восхищение в меру, он пригласил меня к себе домой, и вот сидим мы на

ковре, пьем белое вино, он ставит пластинку, Бартока, немного пафосно в такой ситуации, но ладно, и он опять говорит о себе. Хорошо, я не прочь послушать, но… за все время он ни разу ко мне не прикоснулся. В чем дело-то, думаешь, у меня там чирьи, хочется мне спросить, но я продолжаю слушать с серьезным видом, какая-то хрень про двух его бизнес-партнеров и как они не умеют проявлять гнев. Лично я считаю, и распрекрасно, если не могут — в мире его и без того предостаточно.

Короче, ничего не происходит, и наконец я говорю, я очень устала, чудесный вечер, но мне пора домой, и тут он говорит: «А почему бы тебе не остаться?» «Интересный вопрос», — думаю я, но вслух не говорю, и мы идем в спальню, и — клянусь — он поворачивается ко мне спиной и раздевается догола. Я глазам своим не верю, стою раскрыв варежку, и не успела я ахнуть, как он уже свернулся клубочком на своей половине кровати в полосатой фланелевой пижаме — ты представляешь! Он спрашивает, оставить свет или нет. К этому моменту я настолько прифигела, что говорю, не надо, он выключает свет, и я, как идиотка, раздеваюсь в темноте, сама. Была бы поумнее, не стала бы раздеваться, а помчалась

бы, сверкая пятками, к лифту, но ты же меня знаешь, я такая дурочка-с-переулочка, все надеюсь на что-то, и вот я забираюсь в постель, ожидая страстных объятий, может, он просто боится при свете — но он говорит мне: «Спокойной ночи» — и засыпает!

А ты говоришь, чувства. Придурок. Если бы девушка такое выкинула, как бы ее назвали, а? И вот лежу я, вся горячая, как печка, весь вечер так страстно смотрела на его плечи, а он отрубился, как младенец. Я встала и ушла спать на диван в гостиной.

Утром он прибегает, как зайчик, весь такой бодрячком, в коричневом велюровом халате с монограммой на кармашке, с двумя стаканами апельсинового сока и выдает: «Куда это ты убежала ночью? Когда я проснулся, тебя не было».

Он даже не заметил! За целую ночь не заметил, что я ушла. Пардон, говорю, но мне кажется, у нас возникли семантические проблемы. Ну, коммуникативные, а может, лингвистические. Скажи, что для тебя вообще значит «провести ночь вместе»?

И что же оказывается? У него сейчас кризис. О, меня тошнит от этого! Раньше он спал только с молоденькими да глупенькими, на кого легко

произвести впечатление, он никогда еще не пробовал с кем-то вроде меня — заметь, он имел в виду «старше и мудрее», ну как сова, что ли.

Вот ты кем бы скорее стала из птиц — цыпочкой или совой? Он, видишь ли, сомневается, что для женщины вроде меня он интересен чем-то, кроме секса, а он хочет, чтобы его ценили ради него самого — что бы это ни значило. Мать моя женщина! Он хочет «глубоких, длительных отношений». Говорю тебе, он точно писал в постель в детстве. А может, и сейчас ссыт, я бы не удивилась.

И вот сижу я, со спутанными волосами, и в туалет ужасно хочется, но не хочу его прерывать, потому что для него это все ужасно важно, и думаю: все это я уже слышала… Только это женщины так говорят мужчинам. С ума сойти! И я спрашиваю себя, хочу ли я глубоких длительных отношений с этим чуваком? И еще: а есть ли у него, что предложить, кроме секса?

Конечно, ответ — «нет». Но ведь раньше это не имело значения, правда же? Так с чего вдруг все как помешались? Почему теперь мы должны уважать еще и их «личность»? Кто постоянно меняет правила, мы или они? Знаешь, сколько еще раз со мной происходила такая хрень? Трижды!

Эпидемия прямо! Да что вообще им надо?

Моя теория такова: в те времена, когда секс был запретной темой, все эти границы, выше пояса, ниже пояса, их постепенное преодоление — словно столбик ртути ползет вверх на градуснике — их ужасно возбуждали, они так хотели этого, потому что успех можно было измерить, можно было одержать победу, «забить», понимаешь? Их команда против нашей. И им ничего не будет. Еще один трофей в зубах для мамочки. А мы сказали: раз вы хотите — ладно, мы тоже хотим, так давайте объединимся, — и тут миллионы придурков ка-ак обломились! По всей стране! Ну, такова моя теория. Новая победа заключается в отказе от нее. Конечно, если ты способен настолько себя контролировать. Не нужны им ни любовь, ни понимание, ни глубокие отношения, секс им нужен, но так, чтобы его нужно было добыть. Только если тебе есть что терять, если ты хоть немного сопротивляешься. Ну, в восемь лет это еще можно понять… Ты понимаешь, к чему я?

Иокаста заплатила за обед. Это означало, что она считала, что Ренни в жутком состоянии, что вообще-то она умирает, потому что, как правило, она никогда ни за что не платила, если была возможность.

«Я пока вроде как жива», — хотела сказать Ренни. Но ее тронул поступок Иокасты. В конце концов, подруга сделала все, что в ее силах. Во-первых, заплатила за обед, что само по себе немало, и изо всех сил развлекала ее, такой жизнерадостный визит в отделение для безнадежных. Рассказывайте о своей жизни — в конце концов, жизнь продолжается, мрачных тем избегайте. Позитив творит чудеса, что касается произвольного деления клеток.

Ренни вернулась домой самостоятельно, просто переставляя ноги, стараясь не терять равновесия. Дома был Джейк, он сидел в гостиной. На полу возле пухлого розового кресла стояли две пустые бутылки из-под «Карлсберга». Обычно он никогда не пил из бутылки. Когда она вошла, он остался сидеть.

Было время, когда Ренни точно знала, зачем он явился домой посреди дня. Но он бы не сидел в кресле, он бы прятался за дверью и сразу схватил бы ее за задницу.

— Что случилось? — спросила она.

Он взглянул на нее. Глаза у него были припухшие, в последнее время он плохо спал. Ренни тоже, если уж на то пошло, но стоило ей заговорить об этом, тут же выяснялось, что он спал

еще хуже. Они состязались, выжимая жалость друг из друга, и напрасно, потому что, похоже, ни один не обладал большим запасом, а что было, то тратил на себя.

Ренни подошла и поцеловала Джейка в макушку. Он выглядел ужасно.

Он взял ее руку и не отпускал. Потом сказал:

— Давай попробуем сначала.

* * *

— Если бы я могла начать все сначала, я бы все изменила, — сказала Лора. — Бог его знает. Хотя, может, и не стала бы, понимаешь? «Смотри, куда прыгаешь», — говорила моя матушка, не то чтобы она сама так делала, у нее вечно не было времени. Но когда за тобой погоня, ты не смотришь, а сразу прыгаешь, и лучше не мешкать, потому что, если не прыгнешь, тебе каюк, нахрен. Только вперед, вот мой девиз.

Когда мне стукнуло шестнадцать, мать стала работать в фирме «Эйвон» и ходила с товаром по домам, так что днем, когда я возвращалась, дома ее не было. Я не любила сидеть дома на пару с Бобом, он жуть на меня наводил, так что в основном я тусовалась с Гарри, моим парнем. Иногда мы смывались из школы после обеда, распивали

по паре бутылок пива в его машине, он ее просто обожал, а потом там же обжимались. Но никогда не переходили черту. Все думали, что именно такие, как я и Мари, позволяют парням все, но на самом деле этим отличались «приличные» девочки. У них считалось, что так и надо, если ты встречаешься с парнем и у вас любовь. Иногда их ловили с поличным, а тогда таблетки были редкостью, аборты тоже, и мы с Мари животики надрывали от смеха — ведь обычно в подобном обвиняли нас.

В старших классах нас считали оторвами, да и мы сами так считали. Размалеванные глаза, белая помада — выглядели мы отпадно. Но я никогда не напивалась до отключки, не теряла головы, ничего такого. Когда в беду попадали приличные девочки, родители отправляли их в Штаты, но я-то знала: если это случится со мной, рассчитывать не на кого. Перспектива — чей-то кухонный стол. Одна девушка на пару классов старше попыталась справиться сама, с помощью спицы, но ничего не вышло. Учителя сказали нам, что у нее была какая-то редкая болезнь, но все знали правду, слухи разошлись быстро. Кроме того, я знала: если что, Боб тут же вышвырнет меня, и я окажусь на улице, в полной жопе. Тогда конец.

Гарри нравилось, что я его останавливаю, он уважал меня за это. Он был не из этих «волков» на байках и даже работал по выходным. Опасаться надо было других, тех, что при деньгах. Миллионеров у нас в школе не было, но у некоторых было больше денег, чем у остальных, и они считали, что у них хрен до неба. С такими я не встречалась, да они меня никуда и не звали, разве что в какую-нибудь заброшенную хижину. Все зависело от того, сколько у тебя бабла. Если хватало, тебе сходило с рук все что угодно.

Когда я возвращалась поздно, Боб всегда сидел там за кухонным столом, со своими драными рукавами и смотрел на меня, как на кусок грязи. Он больше не бил меня исподтишка; я была слишком взрослая. Я часто просила Гарри припарковаться прямо перед окном кухни, оно было как раз на уровне улицы, мы же жили в полуподвале, и мы начинали обжиматься как ненормальные, так что он мог нас слышать, а если бы выглянул — то и видеть.

Потом я бросила школу и стала работать на полную ставку в пиццерии, не бог весть что, но у меня завелись деньги. Я сообразила, что вскоре накоплю достаточно, чтобы переехать, да и Гарри говорил: почему бы нам не пожениться? Именно

этого я тогда и хотела — выйти замуж, завести детей; но только по-людски, а не как мать.

Вскоре после этого я позволила ему дойти до конца, мы же все равно собирались пожениться. Просто так получилось, у нас даже резинки не было. Все произошло на заднем сиденье машины, средь бела дня за водохранилищем, куда мы часто ездили. Было ужасно неудобно, я все боялась, что кто-нибудь подойдет и заглянет в окно. Да и ничего потрясного в этом не было, только больно, хотя не слишком, и я не могла понять, почему вокруг этого поднимают столько шума. В общем, как с первой сигаретой, — сначала было жутко противно, но в результате я стала курить, как паровоз.

У нас не было салфеток, ничего, так что пришлось вытирать все старой майкой из багажника, которой Гарри обычно полировал бока машины, он даже пошутил, мол, неплохо бы и тебя прогнать через мойку. Но когда увидел кровь, то сразу прекратил ржать, сказал, что все будет хорошо и он обо мне позаботится. То есть мы все равно поженимся.

А вечером мне надо было на работу, я работала три вечера подряд с двумя выходными, так что я попросила Гарри высадить меня у дома, чтобы

переодеться в форму. После этого я пошла на кухню приготовить что-то на обед; я могла съесть бесплатную пиццу на работе, но к тому времени меня от них уже тошнило. Когда знаешь, что туда кладут, аппетит отбивает напрочь. Боб, как всегда, сидел там, курил, пил пиво. Думаю, тогда уже мать содержала его, потому что он уже давно забросил продажу теликов.

Его чертовы кошки тут же явились и начали тереться о мои ноги, наверное, почуяли, может, я была для них как свежий стейк или рыба. То же самое было, когда у меня начались месячные и я начала пользоваться тампаксом, так они вытаскивали тампоны из мусора и таскали их по дому, так что ниточки торчали из пасти. В первый раз Боб ужасно обрадовался: думал, они наконец-то стали ловить мышей. А когда понял, что это, чуть не лопнул от злости.

Я пнула одну из тварей, чтобы отстала, а он говорит: «А ну кончай». Я не обращаю внимания и начинаю открывать банку с супом «Кэмпбелл», курица с лапшой, но чувствую, что он смотрит на меня, и вдруг ни с того ни с сего на меня нападает такой же жуткий страх, как в детстве.

Он резко встал, схватил меня за руку и сильно толкнул; он давно перестал размахивать ремнем,

уже годами не распускал руки, так что я совсем не ожидала. Я врезалась спиной в холодильник, и миска, что всегда стояла на нем, грохнулась на пол. Мать туда старые лампочки складывала, у нее была идея раскрашивать их и мастерить елочные украшения на продажу, но до дела так и не дошло, повторилась та же история, что со всеми другими «идеями». В общем, лампочки разбились, миска тоже. Я думала, он мне врежет, но он не стал. Только скалился на меня своими гнусными серыми зубами с огромными дуплами и черной каймой вдоль десен. Что я терпеть не могу, так это запущенные зубы. И вдруг он схватил меня второй рукой за одну грудь. И говорит: «Твоей матери не будет дома до шести». И лыбится. Я дико испугалась, ведь он все равно был гораздо сильнее меня.

Я хотела заорать, но в наших местах люди постоянно кричали, и соседи давно научились не лезть не в свое дело. Я пошарила за спиной и нащупала на столе открывалку, знаешь, такую с зубцом? И засадила ее в него изо всех сил, одновременно наподдав коленом прямо по яйцам. Так что кричать пришлось не мне. Он рухнул на пол, прямо на осколки и миски с кошачьей едой, я услышала звук бьющейся посуды уже на бегу,

я удирала со всех ног, и мне было похрен, убила я его или нет.

Я позвонила матери назавтра и сказала, что домой не вернусь. Она была в ярости, но не на него — на меня. Дело не в том, что она мне не поверила, она поверила, в том-то вся и штука. Ты сама напросилась, вертишь задницей направо и налево, странно, что другие мужики в городе в очередь не выстроились. Потом я думала, наверное, зря ей рассказала. Не так много ей выпало в жизни, и он — далеко не сокровище, но, по крайней мере, он был при ней. Ты не поверишь, но она небось думала, что я хочу увести его. Она хотела, чтобы я извинилась за то, что воткнула в него консервный нож, но я об этом не жалела.

* * *

Ренни становится все труднее и труднее преодолевать зыбкую грань между сном и пробуждением. Сейчас она висит почти под потолком, в углу белого помещения, рядом с кондиционером, который издает непрерывный гул. Она видит все ясно и четко, как сквозь стекло: собственное тело на столе покрыто зеленой тканью, вокруг снуют какие-то фигуры в масках, процедура, операция,

представление в самом разгаре; и не пустяковое: им нужно ее сердце, оно там, внутри, учащенно бьется, словно кулак, который сжимается-разжимается вокруг сгустка крови. Возможно, они спасают ей жизнь, но кто знает, чем они на самом деле заняты, она им не доверяет, она хочет вернуться в свое тело, но не может спуститься.

Она выбирается из серых пут москитной сетки, как из норы. В глазах песок, свет режет, сбивает с толку. Еще совсем рано. Она идет в душ, немного приходит в себя, потом одевается. Привычные действия успокаивают.

Коробка под кроватью ужасно ее нервирует. Она не хочет выпускать ее из виду, но не тащить же ее с собой на завтрак. Она закрывает свой номер в уверенности, что, как только она уйдет, ящик распахнется и оттуда вылезет какая-то дрянь. В течение всего завтрака — сегодня дают водянистый омлет — она не перестает волноваться. Можно уехать отсюда, оставив коробку в номере, и попробовать улететь ближайшим рейсом, но это слишком рискованно. Англичанка прошмыгнет сюда, не успеет Ренни спуститься по лестнице, в этом нет сомнений — слишком уж смахивает на осведомительницу. Уж она постарается, чтобы Ренни арестовали еще в аэропорту.

Единственный выход — доставить ящик Элве как можно быстрее и забыть о нем.

После завтрака она идет в магазинчик через дорогу и покупает моток скотча. В номере она накрепко обматывает коробку скотчем, чтобы она выглядела так же, как при получении. Если будет похоже, что коробка не вскрыта, Ренни может сказать, что ничего не знала. Она просит принести чай с печеньем в номер и засекает время, поглядывая на часы. Потом она выходит к стойке и говорит англичанке, что сегодня заночует на Сент-Агате, но пусть номер оставят за ней.

— Платить все равно придется, даже если будете отсутствовать, — отвечает та.

Ренни говорит, что она в курсе. Она думает, не пожаловаться ли на еду, но решает, что не стоит. Англичанка только этого и ждет, стоит, постукивая карандашом по стойке, в нетерпении. Ренни не по себе от ее колючих глаз.

Она выволакивает коробку из комнаты, оставляет у стойки. Потом возвращается в номер за остальными сумками и забирает из сейфа фотоаппарат; но паспорт оставляет, здесь надежнее. Потом она спускается на улицу, чтобы поймать такси.

Машин не видно, но стоит мальчишка с тележ-

кой. На вид ему лет восемь, хотя, скорее всего, он старше. Недолго думая, Ренни нанимает его. Она посылает его наверх за коробкой — сама она больше не желает к ней прикасаться без надобности. Мальчик застенчив, не болтает. Он грузит в тележку все ее вещи, даже сумочку, и устремляется вперед, босиком по выщербленной дороге, почти бегом.

Сначала Ренни подумала, он так мчится, потому что задумал умыкнуть ее вещи. Она спешит, чтобы не отстать, сразу вспотев и чувствуя себя нелепо. Но потом замечает, какие тонкие у него ручки, и понимает, что он — как рикши, которым приходится быстро нестись, чтобы удержать равновесие. Он ведет ее задами, между двух обшарпанных деревянных строений, по узкой дороге, изрытой колеями и чересчур грязной для машин, заваленной по обочинам пустыми картонными коробками. Они пробегают мимо домика, вокруг которого суетится выводок цыплят, потом мимо склада, доверху набитого мешками, и выходят к причалу.

Мальчик, который оглянулся на нее лишь раз, выруливает на верхний уровень и направляется к кораблю, видимо, к самому дальнему. Ренни кажется, что она должна добежать до места

одновременно с ним, — даже если он честный малый, другие могут быть похитрее, вон уже целая компания малолеток увязалась за тележкой, они выкрикивают не понятные ей слова и улыбаются, глядя, как она бежит сзади, уже пыхтя, с хлопающей, как крылья, шляпой, за собственной сумочкой, которая уносится от нее по причалу мимо штабелей из деревянных клетей, накрытых брезентом грузовиков, горок фруктов и неизвестных ей овощей, просто гниющих под солнцем. Мальчик останавливается у корабля и ждет ее с неопределенной улыбкой на лице, другие мальчишки встают в кружок, оставив место для нее. Он что, потешается над ней?

— Сколько? — спрашивает она.

— Сколько дадите, — отвечает он.

Ренни платит ему слишком много, она понимает это по его улыбке и гоготу мальчишек, которые радуются и паясничают. Они хотят перегрузить ее вещи на корабль, пытаются схватить ее сумочку, сумку с фотоаппаратом, но она прогоняет их, хватит с нее. Она складывает вещи вместе и садится сверху, как несушка. Теперь уже никак невозможно оставить пожитки и пойти узнать стоимость билета и время отправления, а мальчишки с тележкой уже и след простыл.

Она поняла, почему он так быстро бежал: хочет успеть совершить как можно больше ходок до отплытия корабля.

Ренни отдышалась. Никто на нее не смотрит, значит, она не вызвала подозрений. Она помнит, как Джейка несколько раз останавливали за превышение скорости, а в бардачке у него лежала травка. «Веди себя естественно», — быстро бросал он ей, прежде чем опустить стекло. Ренни задумалась об этом. Естественным с ее точки зрения было бы выскочить из машины и броситься на всех парах куда глаза глядят, лишь бы подальше. Но она сидела на месте, ничего не говоря, что было вполне приемлемо, хотя ей казалось, что чувство вины ореолом осеняет ее.

Как и сейчас. Она решает изображать журналистку, и ради наблюдающих, и ради самой себя. Если она постарается сделать вид, поснимает тут и там, будет делать записи, то, может, и сама в это поверит. Это как корчить рожицы. Мать любила повторять: «Если не прекратишь, лицо таким и останется». «Так вот что случилось с тобой?» — спросила однажды Ренни, ей было уже тринадцать — возраст «выступлений», как называла его мать. Правда, Ренни спросила шепотом.

Она осматривается в поисках подходящего

объекта, достает фотоаппарат и возится с объективом. Вот, например, этот кораблик, привязанный к причалу канатами толщиной с запястье взрослого, со специальными узлами. Когда-то он был выкрашен в черный, но теперь весь рябой, с ржавыми пятнами там, где непогода постаралась. На носу полустершееся название: «Память». У Ренни возникают такие же мысли, как при виде самолета, на котором она прилетела: «Он вообще поплывет?» Но, очевидно, посудина совершает рейс дважды в день к синеватому сгущению вдалеке и обратно. Не стали бы люди на нем плавать, будь оно небезопасно.

На палубе хаотично валяются рюкзаки, чемоданы и тюки. Несколько мужчин перебрасывают картонные коробки на борт и дальше отправляют в трюм или запихивают под скамьи вдоль борта. Ренни фотографирует их, против солнца, ловя кадр, чтобы коробка была в воздухе, а руки кидающего и ловящего словно обрамляли ее. Она надеется, что снимки получатся выразительными, но знает, что обычно, когда она старается снять что-то эдакое, ничего не выходит. Перебор, как говорит Джейк. На Сент-Агате она будет снимать рестораны, если они там есть, и пожилых женщин, сидящих на солнце за чисткой омаров

или чего бы то ни было. Она знает, что женщины там обнаружатся непременно, а вот насчет омаров не так уверена.

Кто-то кладет руку ей на плечо, и Ренни вся сжимается. За ней следили, они все знают и все видели. Потом она слышит голос:

— Приветик!

Это Лора. Сегодня она в вишневом саронге с синими орхидеями и сияет улыбкой, словно они как раз договаривались о встрече.

Ренни поднимается.

— Я думала, вы на Сент-Агате, — говорит она. Еще чуть-чуть, и она разозлится не на шутку.

— Ну да, пришлось тут задержаться, — отвечает Лора. Она оглядывает все, смотрит вниз и сразу замечает коробку, но виду не подает. — Я пропустила корабль. Впрочем, Элве стало лучше.

Обе знают, что это ложь. Но что теперь делать Ренни? Лишние вопросы могут завести ее туда, куда ей вовсе не хочется. И Лора ни в коем случае не должна догадаться, что Ренни знает, что находится в коробке, знает, что ее использовали. Чем меньше она выдаст, тем лучше. Когда люди играют с оружием, рано или поздно оно выстрелит, и чем дальше она уберется к этому моменту, тем лучше.

Теперь Лора осматривает причал, подмечая, кто и где.

— Вижу, посылку Элвы ты получила.

— Да, все в порядке, — говорит Ренни — этак естественно, по-дружески. — Наверное, можно теперь отправить ее в грузовое отделение?

— Держи ее при себе, — говорит Лора. — Тут вещи пропадают бесследно. Да и Элва всегда приходит за своим барахлом, она будет недовольна, если придется ждать, пока все разгрузят, — ненавидит подолгу выстаивать на солнце.

Лора не предложила передать ей коробку. Но она велит перенести ее на борт и положить под деревянную скамью, идущую вдоль борта — под сиденье Ренни.

— Садись с наветренной стороны, снаружи, — говорит Лора. — Тогда не промокнешь, да и воняет куда меньше. — И продолжает: — Никогда не забирайся в кабину — задохнешься к чертям. Если повезет, сегодня поплывем на парусах.

— А где платить? — спрашивает Ренни.

— Прямо на борту собирают, — говорит Лора. И снова поворачивается к причалу.

Безо всякого сигнала люди начинают карабкаться на корабль. Они ждут, когда волна подтолкнет его поближе, и перепрыгивают на

борт, а внизу плещется вода, вымывая из-под причала водоросли, словно пряди жестких волос. Подходит очередь Ренни, и какой-то мужчина без слов хватает ее сумочку, потом ее саму за локоть и втаскивает на корабль.

Палуба битком набита, пассажиры в основном мулаты или чернокожие. Они сидят на скамейках, на клетях, на мешках, накрытых парусиной, — повсюду. Ренни сразу вспоминаются истории про корабли, которые переворачиваются от перегруза. Вот появляются две немки из отеля, ищут, где бы присесть. Пара супругов-пенсионеров тоже поднимаются на борт, все в тех же широких шортах, но садиться не хотят. Они сразу уставились в небо.

— Здесь всегда такая толпа? — спрашивает Ренни.

— Нет, сегодня аншлаг, — говорит Лора. — Они едут голосовать. Завтра же выборы.

Мужчины устраиваются поудобнее, рядом с головой Ренни мельтешат ноги, ступни. На борт затаскивают канаты. Затем из трюма появился полный розоволицый мужчина в белой шляпе и темно-синем пиджаке, и трюм закрывают, натягивая сверху брезент; он пробирается в толпе, переступая через ноги, через тела, собирая плату.

Никто не отдавал приказы, в том числе и толстяк, но откуда ни возьмись явилось человек десять и стали отвязывать канаты. На краю причала собрался народ, все орут… Но вот полоска воды между кораблем и берегом увеличивается, затем щель превращается в провал.

Позади кучки людей на пристани медленно появляется темно-розовая машина. Она останавливается, оттуда выходит мужчина, за ним второй; зеркальные очки обоих смотрят на корабль. Лора наклоняется, чтобы почесать щиколотку.

— Проклятые блохи!

Тут включается двигатель, и кабина мгновенно наполняется дымом.

— Вот видишь!

* * *

Сент-Агата возникает из пены морской или из неба, медленно поднимаясь или погружаясь, сначала лишь как неясный сгусток, затем все яснее, гряда узких вертикальных скал с плоской верхушкой, поросшей кустарником на фоне роскошных глянцевых волн. С виду — кусок пустыни, в отличие от Сент-Антуана, который на расстоянии выглядит как ярко-зеленый оазис, а его силуэт — как ряд закругленных конусов.

Квинстаун издали — ослепительная белизна. «Тот смутный удлиненный объект на холме, должно быть, Форт Индастри», — думает Ренни. Отсюда весь остров похож на открытку.

Двигатель выключили, и корабль дрейфует вдоль берега, три паруса надулись, словно беременные, словно простыни на веревке, они все латаные, в пятнах, все их тайны как на ладони — тайны ночей, болезней, вечной нужды. Они напомнили Ренни веревки с сохнущим бельем, которые она видела из поезда — поезда, на котором она ездила из универа в Гризвольд на Рождество, ибо самолеты в Гризвольд не летают. Сушки для белья придумали не потому, что они удобнее, а потому, что индивидуальны. Она думает о вечно красных костяшках материнских рук и о ее выражении по поводу скандальных историй: «грязное белье». Нечто, что обычно не выставляют на всеобщее обозрение. У матери были красные костяшки из-за постоянной стирки, и она развешивала белье на улице даже зимой. «Пусть на солнышке проветрится», — говорила она, но ее простыни, разумеется, были безупречно чистые.

Лора говорит: «Какое тихое море», — но Ренни все равно немного мутит; она думает, жаль я не

взяла с собой что-нибудь, таблетку, что ли. Тех, кто сидит на противоположной стороне, периодически окатывает брызгами, когда корабль, поскрипывая, тяжело ныряет в ямку между волнами.

Лора сидит рядом. Она достает из своей бордовой сумки небольшой кусок хлеба, принимается отщипывать от него кусочки и жевать. Четверо мужчин, лежащие на палубе около них, опираясь на чемоданы под парусиной, передают друг другу бутылку рома. Они уже пьяны, но пьянеют еще больше и непрестанно смеются. Бутылка пролетает рядом с головой Ренни в море, и они уже достают другую. Лора предлагает хлеб Ренни, но та отвечает: «Нет, спасибо».

— Я тебе помогу, — говорит Лора. — Если начнет тошнить, ты не смотри вниз — смотри на горизонт.

Почти впритык к ним держится катер, как кажется Ренни, не больше весельной лодки, с ярко-красным парусом; там двое мужчин рыбачат. Катер прыгает на волнах, все выглядит крайне ненадежно.

— На этих посудинах охотятся на китов, — говорит Лора.

— Да вы шутите, — удивляется Ренни.

— Нет. — Лора отрывает кусочек хлеба. — У них есть смотровой, и когда они завидят кита, то забираются в такие вот лодчонки и гребут к нему, как черти. Иногда и ловят, и тогда закатывают пир на весь мир.

Ренни мутит от одной мысли, что кто-то что-то ест.

У их ног снова раздается взрыв смеха. Ренни вдруг видит, что один из мужчин — тот самый глухонемой, которого били на улице. На лбу у него порез, но в остальном он не особенно отличается от своих товарищей, тоже пьян в стельку и улыбается во весь рот, в котором уже не осталось ни одного зуба. Пожилая пара опасливо переступает через тела, прокладывая путь к корме.

— Осторожно, мать, — говорит муж, поддерживая тощий веснушчатый локоть.

Вокруг их ног, тонких, цыплячьих, поднимается гогот. Ренни тщательно натягивает подол платья на колени.

И тут из кабины выходит Пол. Ему тоже приходится проталкиваться среди лежащих ног, перешагивать через распростертые тела. Он кивает Ренни с Лорой, но не останавливается, он идет не спеша, направляясь к корме, подныривая под реи. Ренни не видела, когда он поднялся на

борт. Наверное, он сидел внутри все время, пока корабль был пришвартован.

Она вдруг чувствует голод, хотя, возможно, это лишь ощущение пустоты, когда потерян центр тяжести. Впрочем, тряску, как на аттракционах, она никогда не любила.

— Не откажусь от кусочка хлеба, — сказала она.

— Доедай все, — ответила Лора. — А то живот крутит, да?

Она достала сигареты и закурила, небрежно отбросив спичку.

— Можно задать вам один вопрос? — говорит Ренни. Она почти доела хлеб, и ей уже заметно лучше.

— Валяй, — говорит Лора. («Судя по выражению лица, ей даже интересно», — думает Ренни.) — Хочешь узнать, кручу ли я с Полом, так? Вот тебе ответ: уже нет. Так что, пожалуйста, пользуйся.

Это было совсем не то, что хотела узнать Ренни, и откровенность Лоры ей неприятна. Да и Пол — не кастрюля и не номер в гостинице, который может быть занят или свободен.

— Спасибо, — говорит она, — но вообще-то я хотела спросить совсем о другом. Он работает на ЦРУ?

— Что? Он?! — Лору разбирает смех, она откидывает голову назад и хохочет, показывая все свои белые зубы. — Вообще улёт! Представляю его реакцию! Что, это он сам тебе сказал?

— Не совсем.

Ренни чувствует себя глупо и злится из-за этого.

Она отвернулась и стала рассматривать скалы, которые слишком медленно проплывали мимо.

— Послушай, если он так тебе сказал, то какое мне дело? — сказала Лора. — Да, может, он думает, что это тебя заводит! — она снова захохотала, и Ренни хочется встряхнуть ее за плечи. Но Лора замолкает. — Хочешь знать, кто здесь на самом деле церэушники? Посмотри туда. — Она показывает на парочку американцев, застывших на корме, таких беззащитных и совершенно не подозрительных в этих трогательных шортах. Они как раз листают свой птичий справочник, головы прижаты друг к другу, словно увлеченные детки. — Они. Оба.

— Не может быть, — говорит Ренни искренне.

Эти старички — идеальное воплощение духа Среднего Запада, совсем не тот типаж; хотя Ренни уже не уверена, каков нужный типаж. В конце концов, она себя убедила, что Пол оттуда; а если

так, то чем другие хуже?

Лора снова рассмеялась. Она в таком восторге, будто вся эта история — чистый анекдот.

— Потрясно! — говорит она. — Просто класс. Не сомневайся, это они. Да все знают. Принц всегда знает, кто из ЦРУ. Когда ты в местной политике, не можешь не знать.

— А они не староваты? — говорит Ренни.

— Понимаешь, здесь у них бюджет не ахти, — отвечает Лора. — Слушай, никто же не жалуется! Все рассказывают им что ни попадя, чтобы они были довольны; ведь если им будет не о чем писать свои отчеты, то там решат, что они уже в маразме или что-то такое, и пришлют кого-нибудь покрепче. Конечно, легенда такая, что они поддерживают Эллиса, это официальная версия, так что Эллис их любит, Принц тоже их любит, ведь они такие глупые. Да и Пескарь, похоже, не имеет ничего против. Время от времени он приглашает их на обед и вешает лапшу про то, что Штаты должны сделать, чтобы предотвратить революцию, и они все записывают и отсылают, вроде как при деле. Они же никогда так не наслаждались жизнью с тех пор, как им приходилось проверять содержимое мусорных баков в Исландии, — там было их предыдущее назначение.

Они всем говорят, что муж — служащий банка на пенсии.

«Может, так и есть, — думает Ренни. — Что-то Лора чересчур развеселилась».

— Так кто он на самом деле? — спрашивает Ренни, имея в виду Пола.

Лора сразу смекает, она ждала этого вопроса, и у нее наготове небрежный ответ.

— Некто с четырьмя яхтами и деньгами, — говорит она. — Таких как он, с яхтами и монетой, здесь пруд пруди. Ты лучше будь поосторожнее с теми, у кого есть яхты, а денег ни шиша.

Ренни доедает хлеб задумчиво, чувствуя себя полной идиоткой. Может, вопросы она задала и правильные, но явно не тому человеку. Она знает, ей следует притвориться, что она поверила, но она просто не может себе этого представить.

Лора, видно, почувствовала это; она прикуривает новую сигарету от бычка первой и наклоняется к Ренни, уперев локти в раздвинутые колени.

— Извини, что я ржу, — говорит она. — Но ужасно смешно, если знаешь всю правду.

Корабль держит путь в бухту, и снова заводят вонючий двигатель. Люди вокруг начинают суетиться, подхватывают мелкие пожитки, разминают ноги. Вся пристань занята: небольшие

рыбачьи лодки, полицейский катер, яхты на приколе, паруса свернуты, на верхушках мачт развеваются разноцветные флаги. «Память» лавирует между ними, волоча хвост серого дыма. Причал забит людьми, они машут руками и кричат.

— Пришли за яйцами. И хлебом, — говорит Лора. — Здесь не хватает ни того ни другого. Думаешь, когда же кого-нибудь осенит и здесь устроят пекарню, что ли.

— Какую правду? — спрашивает Ренни.

Лора смотрит на нее с улыбкой превосходства, затем снова наклоняется, уперев локти в колени, приняв идеальную позу для доверительного признания.

— О том, кто он такой. На самом деле он — *курьер*.

* * *

«Память» мягко ударяется о причал. С внешней стороны к ограждению прибиты тракторные шины, чтобы не царапать борта. Несколько мужчин уже привязывают корабль канатами. Ренни вдруг в самой гуще, опять близко мелькают ноги, ей кажется, она оказалась прямо на пути

футбольной команды. Все громко кричат, она надеется, что так и надо. В порыве самозащиты она было вскакивает, но тут же понимает, что сидеть безопаснее. Тут Лора тянет ее за локоть, а у скамейки уже опустился на колени какой-то мужчина и тащит на себя коробку. Ренни встает, к ней тянутся руки, она прыгает — и вот уже стоит на твердой земле.

Прямо перед ней невысокая женщина, от силы метра полтора. На ней хлопковая розовая юбка с красными фламинго, а на голове черная жокейская шапочка; на красной футболке белая надпись: «ПРИНЦ МИРА». Теперь Ренни ее вспомнила.

— Привезла мою еду? — спрашивает она, обращаясь не к Лоре, а только к Ренни. Лекарство от сердца она не упоминает. Лицо у нее в морщинах, но черные волосы сегодня забраны в девчачьи хвостики, которые задорно торчат из-под жокейки.

— Всё здесь, — отвечает Лора, и действительно, она придерживает рукой коробку, поставленную на попа.

Старушка словно не слышит.

— Прекрасно, — говорит она Ренни.

Она берет коробку с двух сторон, водружает се-

бе на макушку, прямо на кепку — куда с меньшим трудом, чем сделала бы Ренни, — и устраивает поудобнее. Придерживая груз с одного боку, она удаляется, не удостаивая больше ни одну из них ни словом. Ренни, ожидавшая увидеть толстуху-развалину, если не откровенного инвалида, молча смотрит ей вслед. Вот откроет она ящик и что? Ренни не верится, что старушка знает, что там внутри. Но если она верит в престарелых церэушников, то способна поверить во что угодно. Кто знает, может, эта женщина — местная оружейная баронесса.

И все же Ренни не может представить, как она открывает коробку, достает автомат, собирает его, если нужно, — а дальше? Если она продает, то кто покупает? И с какой целью? Но Ренни на самом деле не хочет знать ответы на эти вопросы. Еще вчера она бы задала их; но сегодня знает, что лучше воздержаться. От ящика она избавилась, и это самое главное.

Она оглядывается в поисках Пола, но он уже далеко: она видит, как он садится в джип, у самой дороги, за рулем какой-то мужчина. А Элва дефилирует по пляжу с автоматом на голове, словно это самое естественное занятие в мире.

— Вот это женщина, — говорит Ренни Лоре. —

Ящик-то тяжеленный. А мне послышалось, ты сказала, что у нее больное сердце, — теперь, когда она вне опасности, Ренни может быть смелее.

— Так то́ другая бабушка, — говорит Лора, врет как дышит.

— И обеих зовут Элва, — продолжает Ренни.

— Ага, — отвечает Лора. — Тут этих бабушек завались. Вот старая карга! Видела, она даже разговаривать со мной не хочет! Ненавидит меня за то, что я живу с Принцем, и за то, что у нас нет детей. «Здесь бездетная женщина — пустое место», — твердит она мне. Хочет, чтобы я родила для Принца сына, чтобы у нее был внук. «*Для Принца,* — говорит. — Слишком умная, чтобы ребеночка заделать, да?» — говорит. Она ненавидит меня и за то, что я белая. В то же время она считает себя практически родней королевской семьи: «Моя принцесса Маргарет», «Мой принц Чарльз». Насколько я знаю, они вроде как еще вчера были белые, нет? Вот и пойми ее.

— Может, все дело в возрасте, — говорит Ренни.

— Конечно. Видно, так и есть, — говорит Лора. — Ты где остановилась?

Ренни об этом не думала. Просто решила, что найдет отель.

— Но ведь сейчас выборы! — говорит Лора. — Все забито под завязку. Ну ладно, что-нибудь для тебя придумаю.

Когда они спускаются на берег, Лора скидывает сандалии. Ренни тоже. Лора предложила понести ее сумку с фотоаппаратом. Они идут по плотному песку, под деревьями и пальмами. Полоса пляжа шире, чем на Сент-Антуане, и совсем чистая. На берег вытащены лодки, дном вверх. Выше уже начинается город — центральная улица, пара иностранных банков, пара супермаркетов, все здания двухэтажные и белые; дальше церковь, за ней раскиданы по холму дома, белые и пастельных оттенков.

Они подходят к утесу, выступающему в море, и, подобрав подолы, обходят его по воде. За утесом снова отрезок пляжа с пальмами, и наконец они приближаются к каменной стене, по краю идет лестница, а на стене висит табличка — ракушки на куске доски, наклеенные в виде слов «Лаймовое дерево». Отель чуть больше обычного дома.

— Здесь неплохо кормят, — говорит Лора. — Только Эллис хочет выжить их отсюда. Хочет купить заведение и посадить своего человека. Забавно, электричество у них все время пляшет.

— Но почему? — спрашивает Ренни. — Зачем

ему это надо?

— Говорят, политика, — отвечает Лора. — Они здесь за Пескаря. Сдается мне, Эллис просто не выносит, когда кто-то хорошо зарабатывает. Мимо его кармана.

— Но если этот человек такой ужасный, почему его продолжают переизбирать? — говорит Ренни.

— Подожди меня, — говорит Лора. — Я спрошу насчет номера, — и она направляется к зданию администрации.

Ренни остается в пляжном баре, посреди низких деревянных столиков и стульев, посетителей немало. Она тоже садится, складывает вещи на соседний стул и заказывает ром с лаймом. Потягивая его, рассматривает яхты в бухте, флаги: Норвегия, кажется, Германия, Франция, это точно; и еще несколько.

Ром мгновенно проникает в нее, шелково стелясь изнутри. Теперь можно расслабиться, как говорится, гора с плеч. По крайней мере, одна.

За соседним столиком молодая парочка, у девушки темные волосы и легкий загар, она в белом платье, а молодой человек в коротких шортах и у него облезает нос. Он возится с фотокамерой, она дорогая, но с одного бока помята.

— Ясно, экспонометр, — говорит парень.

Они — люди вроде нее, туристы; могут глазеть на что хотят, их никто не заставляет *видеть*, им можно снимать все, что приглянется.

* * *

Рядом с отелем небольшой причал, там стоит какой-то мужчина, размахивает руками и что-то кричит. Ренни всматривается и понимает, что он учит трех девушек виндсерфингу.

— Стоим прямо! — кричит он, взмахнув обеими руками, словно дирижер. — Согнули колени!

Но все бесполезно, парус заваливается, и девушки в унисон падают в воду. Подальше две немки из отеля тоже обходят утес, подобрав юбки. У одной из них унесло в море шляпу.

Ренни не знает, где Лора. Она заказывает у бара сэндвич из бананового хлеба с мягким сыром и еще один ром с лаймом. Вернувшись, пододвигает свой стул, чтобы сидеть в тени.

— Вы не возражаете? — слышит она женский голос. Подняв голову, она видит ту самую пожилую пару в их фирменных шортах и с биноклями, которые свисают им на грудь, словно гротескно большие талисманы. В руках у них по бокалу им-

бирного эля. — Кажется, больше нет свободных стульев.

— Конечно! — отвечает Ренни. — Сейчас я уберу вещи.

Но муж не дает и делает это сам.

— Меня зовут Эббот, — говорит он. — А это миссис Эббот.

Он отодвигает для жены стул, та садится и глядит прямо на Ренни круглыми, как у младенца, глазами.

— Вы так добры, моя милая, — говорит она. — Мы вас помним с той морской прогулки к рифу. Мы были разочарованы. Вы же канадка, верно? Все канадцы, которых мы встречали, очень славные — мы словно члены одной семьи. У вас же почти нулевой уровень преступности! Когда мы у вас бываем, мы чувствуем себя в полной безопасности. Мы ездим в Пойнт-Пили[13], на птиц смотреть. Как только выдается свободное время.

— Как вы узнали? — спросила Ренни.

Миссис Эббот рассмеялась.

— На этом пятачке про всех все слышно.

— Но тут хорошо, — добавил муж.

— Да! Люди здесь такие хорошие, дружелюб-

---

[13] Примечания: 13

Национальный парк Канады на юго-западе провинции Онтарио.

ные. Не то что в других местах. — Жена отпила эля. — И независимые. Мы скоро уезжаем, видимо, стареем. Жизнь тут все-таки немного примитивна, особенно на Сент-Агате, нет многих привычных удобств. Для молодежи подходит, но нам это уже трудно.

— Туалетной бумаги не достать, — вставляет муж.

— И мешков для мусора, — сказала жена. — Но нам грустно отсюда уезжать.

— Нищих почти не видно, — сказал муж, рассматривающий в бинокль что-то в бухте. — Не то что в Индии.

— Вы много путешествуете? — из вежливости спросила Ренни.

— О, мы это очень любим, — ответила миссис Эббот. — В основном из-за птиц, но людей мы тоже любим. Но с нынешним курсом валют это уже не так легко, как прежде.

— Ты абсолютно права, — сказал ее супруг. — Штаты набрали слишком много денег. В этом вся суть проблемы, если кратко. Мы должны прекратить жить не по средствам.

— Он знает, что говорит, — сказала миссис Эббот гордо, с чувством. — До пенсии он работал в банке.

Ее муж в этот момент сидит с откинутой назад головой и смотрит вверх.

Ренни решила, что Лора что-то напутала. Как могут эти невинные, милые, скучные люди быть агентами ЦРУ? Вопрос в другом: как ей от них избавиться? Похоже, они намерены провести здесь весь день. Ренни ждет, что миссис Эббот вот-вот выудит из своей «сознательной» холщовой сумки фотографии внуков.

— Видите мужчину, во-он там? — спрашивает миссис Эббот, указывая в сторону бара. Народу там намного больше, чем когда Ренни только пришла, она не уверена, кто имеется в виду, но кивает. — Он из попугайской мафии.

— Попугайской? — слабым голосом сказала Ренни.

— Не смейтесь. Это огромный бизнес. В Германии за взрослую пару дают порядка тридцати пяти тысяч долларов.

— У немцев слишком много денег, — сказал Эббот. — Уже из ушей лезут. Не знают, куда девать.

— Речь о попугаях Сент-Антуана. Они очень редкие, — продолжала миссис Эббот. — И водятся только здесь, нигде больше.

— Омерзительно, — добавил супруг. — Они их наркотиком накачивают. Если бы я поймал его с

бедной птицей, шею бы негодяю свернул.

Оба говорили с таким негодованием, будто речь шла о международной проституции.

Ренни изо всех сил старается сохранить серьезный вид.

— И как они их перевозят? — спрашивает Ренни.

— На яхтах, как и всё в этих местах, — ответил Эббот. — Для нас дело чести разузнать о нем всё. Он не отсюда — из Тринидада.

— Мы доложили о нем в Ассоциацию, — продолжала миссис Эббот с довольным видом. — Это его не остановило — но темп он сбавил. Конечно, он не знает, что это были мы. Это опасные люди, а мы на самом деле не обладаем необходимой подготовкой.

— В нашем-то возрасте, — добавляет Эббот.

— Что за Ассоциация? — спрашивает Ренни.

— Международная ассоциация любителей попугаев, — поясняет миссис Эббот. — Отлично работают, но не могут же они находиться везде сразу.

Ренни понимает, что ей необходимо повторить. Если мир захватили сюрреалисты, ей остается только получать удовольствие. Она спрашивает супругов, принести ли им еще по элю, но они

говорят: «Нет, спасибо». Как бы то ни было, скоро уже стемнеет.

— По гнездам! — воодушевленно говорит Эббот, поднимаясь.

* * *

Для Ренни это уже третий ром. Она захмелела, но не опьянела. Несколько раз к ней приходила мысль, что обратно катера не будет, а ей негде ночевать. «Ладно, всегда есть пляж», — думает она.

Еще не стемнело, но официантки уже начали накрывать столики к ужину на террасе под широким навесом и зажигают свечи в маленьких красных стеклянных плошках. Все столики снаружи заняты в основном яхтсменами, а вокруг бара толпятся мужчины, почти сплошь темнокожие. Некоторых она как будто уже видела, но не уверена. Знакомые сапоги: да, этого мужчину она точно помнит, у него еще усики, как у латиноса. Но он ее словно не замечает. Есть и несколько белых, с огрубевшей бледной кожей и сухими выбеленными волосами, характерными для тех, кто постоянно находится под палящим солнцем.

Она возвращается от бара, когда на террасе появляется доктор Пескарь. Он пришел не со

стороны пляжа, а вышел из сада, что за отелем. Его сопровождают трое мужчин; на двух футболки с надписью «РЫБЕ — ЖИЗНЬ», под надписью — изображение кита, а под ним еще надпись: «ГОЛОСУЙ ЗА ПАРТИЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ». А третий — белый, худощавый. На нем куртка-сафари и очки с затемненными стеклами. Он держится чуть позади.

Доктор заметил Ренни и тут же подходит к ней. Двое его спутников устремляются к бару, а третий вроде колеблется, но тоже присоединяется к остальным.

— Ну что же, друг мой, — говорит он. — Вижу, вы в конце концов решили освещать наши выборы. — И криво улыбается.

Ренни улыбается в ответ. Ей кажется, он с ней шутит, и она готова подыграть.

— Ну да — из бара. Все лучшие журналисты ведут репортажи, сидя в баре.

— Говорят, это вообще самое лучшее место, — отвечает доктор. Его акцент сейчас заметнее, он явно расслабился. Ренни кажется, он тоже уже принял пару-тройку аперитивов. — Здесь все. В частности, наш министр юстиции. Готовится к поражению. — Он рассмеялся. — Прошу прощения за политическое высказывание, —

обращается он к белому мужчине. — Это ваш соотечественник, друг мой. Он Высший комиссар Канады на Барбадосе; приехал узнать, почему ни один человек не принял участия в программе по подготовке ныряльщиков при поддержке славных канадцев.

Ренни не расслышала его имя. «Что-то центральноевропейское», — думает она. Посол мультикультурализма. Мужчина пожимает ей руку.

— Вы журналист, как я понимаю, — говорит он. Очень нервничает.

— Да, пишу про еду и всякое такое, — говорит Ренни небрежно, чтобы он не нервничал.

— Что может быть важнее? — вежливо отвечает он.

Они садятся.

— А я скажу почему, — продолжает доктор. — Дело в том, что славные канадцы хотят научить рыбаков нырять так, чтобы у тех не случалась кессонная болезнь и они не становились инвалидами. И что они придумали? Нашли специалиста, который явился сюда в разгар сезона ловли омаров, когда все рыбаки в море на добыче. На эти деньги они живут. Никакого заговора, все просто. Скажите им, чтобы в следующий раз они сначала

спросили. Того, кто в курсе.

Мужчина улыбается, достает сигарету, коричневую, и вставляет ее в черный мундштук. Ренни кажется, это слишком манерно. Ей неловко от того, что ее земляк носит куртку-сафари. Он что думает, они в Африке? Мог хотя бы выбрать другой цвет: бежевым не идет бежевое.

— Вы же знаете, как это устроено, — говорит он. — Наше правительство имеет дело с действующими правительствами, которые не всегда владеют самой достоверной информацией.

— Вы выиграете? — спрашивает Ренни доктора.

Тот отвечает небрежно, не сводя глаз с комиссара:

— Вчера правительство предложило мне большую сумму денег, чтобы я снялся с выборов. Министр туризма — вот их предложение.

— Я так понимаю, вы отказались, — сказала Ренни.

— А зачем рубить сук, на котором сидишь? — отвечает доктор с довольным видом. — Я не зря читал Макиавелли. Раз они делают предложение, значит, испугались и боятся, что проиграют. Я отказался, и тогда они решили устранить меня другим способом. Раньше их мишенью был

Кастро, а теперь, оказывается, я — пешка американцев и владельцев плантаций. Но им бы лучше напрячь мозги и выбрать, чья именно. Иначе люди совсем запутаются и решат, что я вообще не пешка, — что правда. Если мы все начнем, наконец, видеть правду, то Эллису крышка, как и Принцу мира, как он себя называет. Он думает, только у него — истинная религия, друг мой. — Он поднимается. — Завтра я произношу речь, в том числе о проблеме уборки мусора, — сообщает он. — Вы должны прийти, друг мой.

Он одаряет Ренни прощальной улыбкой и удаляется в сторону бара, за ним хвостиком пастельного цвета бредет канадец.

* * *

Когда Ренни в очередной раз возвращается от бара, то видит, что по каменным ступеням поднимаются две немки. С подолов их платьев течет вода, волосы растрепаны и свисают беспорядочными прядями. Чемоданы они, похоже, где-то оставили. Одна поддерживает свою подругу, та хромает и мерно стонет от боли. Обе в слезах, но, войдя на террасу и оказавшись в кольце любопытных лиц, стараются взять себя в руки. Кто-то предлагает свой стул.

— Что за?.. — произносит Ренни, ни к кому не обращаясь.

Все присутствующие как один уставились на ступню одной из женщин — с розовым маникюром, уплотненную, словно чем-то набитую. Вторая женщина держит ступню подруги на весу, словно трофей.

— Она наступила на морского ежа, — сообщила Лора. Оказывается, она вернулась. — Вечно одно и то же, надо же смотреть, куда идешь! Сначала побаливает, да, но вообще не страшно.

Пострадавшая сидит на стуле с закрытыми глазами; нога торчит, как палка. Вскоре из дверей, ведущих на кухню, появляется Элва; коробки при ней нет, она в фартуке в красно-белую клетку, в руках у нее нарезанный лайм и свеча. Она опускается возле больной ноги на колени, пододвигает ее поудобнее, разглядывает пальцы. Затем начинает втирать в ступню лайм. Немка закричала.

— Сиди спокойно, — говорит Элла. — Пустяки. Завтра все пройдет.

— Вы могли бы не вынимать иглы? — спрашивает вторая женщина. Она нервничает, почти в панике — все происходит вразрез с планом.

— Они ломаться, а в них яд, — говорит Элва. — Спички есть?

Всем очевидно, кто сейчас управляет ситуацией. Кто-то из зевак подает коробок, и Элва зажигает свечу. Потом наклоняет, горячий воск капает ей на пальцы, и Элва начинает его втирать.

— Хорошо бы вы пописать ей на ноги, — говорит она второй немке. — Когда такое случается, мальчик писать на ногу девочке или наоборот. Это снимать боль.

Пострадавшая открывает глаза и смотрит на Элву. Ренни знаком этот взгляд — так смотрит только иностранец, с надеждой, с отчаянной уверенностью в том, что это просто недоразумение из-за перевода и на самом деле сказано не то, что ты услышал.

Несколько человек смеются, но Элва серьезна. Она берется за вторую, здоровую ногу и начинает вдавливать в ступню большие пальцы. Немка издает возглас удивления и оглядывается, словно просит помощи: ее права нарушены, это не та нога! У нее на лице холодное, брезгливое выражение герцогини, приехавшей с визитом в дикую страну, которая знает, что не должна открыто демонстрировать свое осуждение местных обычаев, какими бы мучительными и отвратными они ни казались.

Элва массирует сильнее. Она излучает самодовольство — у нее есть публика, она прямо вошла в раж.

— У тебя вены застойные, — говорит она. — Я их раскрою, и кровь выведет яд.

— Я бы близко ее не подпустила, — говорит Лора. — У нее не пальцы, а кувалды. Стоит ей взглянуть на тебя, и все, спина, считай, убита. Она утверждает, что может вылечить практически все, но я лучше похвораю, спасибочки.

Раздается отчетливый треск; сухожилия, думает Ренни. На лице немки гримаса боли, глаза чуть не лезут из орбит, но она ни за что не вскрикнет, не застонет, она намерена до конца соблюдать достоинство.

— Слышишь, как запели твои вены? — говорит Элва. — Наконец по ним пошел воздух. Чувствуешь, как тебе стало легче?

— Номеров нет, — говорит Лора Ренни. — Все забито, выборы же.

— Может, позвонить в другие отели? — говорит Ренни, все еще не сводя глаз с Элвы.

— Позвонить? В какие отели? — Лору разбирает смех.

— Что, других отелей здесь нет?

— Когда-то были — но они закрылись. Есть один

для местных, но я бы туда не совалась. Одинокую девушку могут неправильно понять. Я попробую для тебя что-нибудь устроить.

— В моих руках дар, — приговаривает Элва. — Да-да, он достаться мне от бабки, она передать мне его, когда я девочкой была. Как наследство. Ты чувствуешь сгусток?

Немка кивает. Она все еще кривится от боли, но уже меньше.

— Мама ударить тебя когда-то давно, — продолжает Элва. — Ты маленькая тогда, не помнишь. Кровь опуститься, образоваться сгусток. Надо его убрать, иначе яд вызвать рак. — Она снова массирует обоими пальцами. — Боль — это твоя молодость, она вернется.

— Старая уловка, — говорит ей Лора. — Только попадись ей в лапы турист, и она радуется, как свинья навозу. Даже если они ей не верят, им приходится делать вид. Здесь все равно нет врачей, так что выбор у них невелик; если вывихнешь лодыжку — тебе к ней, больше не к кому.

— Пожалуй, этого достаточно, — произносит подруга больной, которая порхает вокруг, словно беспокойная мамаша.

Элва бросает на нее презрительный взгляд.

— Я говорить, когда закончить. — В ноге раз-

дается треск, в руках Элвы она пластична, как пластилин. — Ну вот, — говорит она, опускаясь на корточки. — Теперь иди.

Немка осторожно опускает обе ноги на землю. И встает.

— Боль ушла, — говорит Элва, оглядывая круг зевак.

Немка улыбается.

— Это поразительно! — говорит она.

Видя это, Ренни тоже хочет вытянуть ногу, хотя у нее ничего не болит, а будет, наоборот, больно. Ей хочется узнать, каково это, ей и самой хочется оказаться в чьих-нибудь волшебных руках. И излечиться, чудесным образом, от всего, чего угодно.

* * *

Пол стоит в дверях кухни и просто смотрит; Ренни видит его, но рукой не машет. Он все равно подходит.

— Ну, все прекрасно? — говорит он Ренни. — Лора сказала, вам негде ночевать. Можете остановиться у меня, если желаете.

— На яхте? — с сомнением спрашивает Ренни. Могла бы сначала и спасибо сказать.

— У меня есть и дом, — говорит Пол улыба-

ясь. — Две комнаты. Две кровати.

Ренни не уверена, что именно он предлагает, но, похоже, ничего такого. Пожалуй, она еще верит в «номинальную стоимость» сказанного.

— Что ж, если только это правда удобно, — отвечает она.

— А что такого? — говорит он.

Они возвращаются через сад. Там множество деревьев, все в цвету, разросшиеся — лаймы, лимоны и другие, чудные раскрытые красно-оранжевые скорлупы, обнажающие белое чрево с тремя гигантскими черными семенами, подобными глазам насекомого. Здесь растет много такого, чьих имен Ренни не ведает.

Сад упирается в каменную стену высотой метра в два. Пол перебрасывает ее сумку с камерой наверх, вторую тоже, подтягивается сам, потом наклоняется к ней. Она хватается за его руки; она представления не имеет, куда они лезут.

* * *

Ренни с Дэниелом сидели в его машине, весьма необычное для них занятие. Был поздний вечер, тоже необычное обстоятельство, и лил дождь, что было как раз типично. Кажется, когда они встречались, всегда шел дождь.

Они поужинали — не пообедали, именно поужинали. Ренни было интересно, способен ли Дэниел на несвойственный ему поступок.

— Ну что, рискнем? — сказала она. — Немного безумных рукопожатий? Или подрыгаемся прямо на коробке передач?

— Я знаю, что не могу предложить тебе многого, — ответил он.

Он выглядит таким несчастным, она чувствует, что должна проявить сочувствие, утешить его, сказать, что все хорошо. Но она говорит:

— Вот именно. Не можешь.

Дэниел посмотрел на свои часы, затем на дождь за окном. Мимо проезжали машины, но прохожих не было. Он взял Ренни за плечи и нежно поцеловал в губы. Потом провел по губам кончиками пальцев.

— Как ты мне нравишься, — сказал он.

— Дерзкие речи тебя погубят, — сказала Ренни; не могла удержаться.

— Я знаю, что не умею красиво говорить, — сказал Дэниел.

Ренни понимает, что не в силах вынести столько откровенности сразу. Он снова целует ее, на этот раз с гораздо большей страстью. Ренни прижимает лицо к его шее, к воротнику рубашки.

От него пахнет прачечной. Риска никакого. Вряд ли он может раздеться и раздеть ее в машине на обочине улицы с двусторонним движением.

А ей бы хотелось, ей так хотелось лежать с ним рядом и прикасаться к нему, и чтобы он к ней прикасался; на какой-то миг она поверила в это, в прикосновение руки, которая может изменить ее, изменить все, поверила в чудо. Она хотела увидеть, как он лежит с закрытыми глазами, хотела видеть его, но оставаться невидимой, хотела, чтобы ей доверяли. Она хотела заниматься с ним любовью, очень медленно, чтобы это длилось долго-предолго, хотела поймать момент перед экстазом, беспомощность, растянутую во времени, хотела открыть его. Между ее желанием и реальным положением дел была такая бездна, что она просто не могла этого вынести.

Ренни отстранилась.

— Поехали домой, — сказала она.

— Ты же знаешь — не то что я этого не хочу.

Его лицо в этот момент было как у потерявшегося ребенка, он был так неотразим, просто больно делалось, и Ренни почувствовала себя стервой. Он не имел права так с ней обращаться, отдавать себя на ее милость. Она не Господь Бог и не обязана «все понимать», и это прекрасно, потому что

она с каждым мигом понимает в происходящем все меньше и меньше и скоро вообще потеряет всякую нить. Ренни нравилось называть вещи своими именами, а имени этого не было и быть не могло.

— И что ты делаешь потом, приезжаешь домой и дрочишь? Или приезжаешь и сразу лезешь в список дел на неделю? Только не говори, что у тебя его нет. Знаю, что есть. Что еще тебе делать в свободное время?

Он ласково приобнял ее рукой за шею.

— Ну что ты хочешь? — спросил он. — Если ты действительно этого хочешь, мы поедем в какой-нибудь отель. У меня есть час, и это все. И что потом? Это и впрямь будет любовь? Ты этого хочешь?

— Нет, — сказала Ренни. Как всегда, она хотела именно того, чего было катастрофически мало.

— Я не очень подхожу для этого, — сказал он. — Я бы чувствовал себя скверно по отношению к тебе, а я этого не хочу. Ты важна для меня, мне важно, что с тобой будет. Мне кажется, я принесу тебе больше пользы как доктор. Это я умею.

Он смотрел на свои руки, лежащие на руле.

— Но одно другому не мешает, — заметила Ренни.

— Такой уж я человек, — ответил Дэниел. — Есть вещи, на которые я просто неспособен.

Ренни вдруг приходит в голову, что Дэниел — просто квинтэссенция Гризвольда, не реального, а идеального. Воплощение всего нормального и приличного; прекрасный человек, сказали бы про него, с целым списком вещей, на которые он неспособен. И это прозрение совсем не радует ее. Он был нормальным, вот во что она влюбилась, в чистую норму, возведенную в абсолют. Он такой, каким следует быть. Да, он зарабатывал на жизнь тем, что вырезал у людей части тела и похлопывал по плечу тех, кто умирал, причем теми же самыми руками, но никто не находил это необычным. Он был хороший, настоящая загадка, и Ренни хотела понять, как это у него выходит. Возможно, просто по привычке.

— Во что ты веришь? — спросила она его. — То есть что придает тебе сил? Заставляет вставать по утрам? Как ты понимаешь, что на какие-то вещи ты способен, а на какие-то нет? Только не говори, что всё от Бога. А может, это просто есть в твоем списке, наравне со всем прочим?

Сказав это, она чувствует себя злобным троллем. Но Дэниел воспринимает все буквально.

— Я не знаю, — отвечает он. — Я никогда осо-

бенно об этом не думал.

Ренни стало холодно, она чувствовала, что умирает и что Дэниел это знает, только не хочет ей говорить. Но любовь на час с ним в гостиничном номере — это не то, теперь она и сама понимала. Вот войдут они туда, снимут влажные куртки, и он сядет на край кровати. Она представила, как он наклоняет голову, аккуратно развязывая шнурки: нет, это было бы слишком, это было бы слишком грустно. «Ты не обязан», — сказала бы она. Она бы сжала его руки в своих и плакала, и плакала.

Она больше не ждала, что Дэниел спасет ей жизнь. Она больше не ждала Дэниела. Может, это и было наилучшее решение — никогда ничего не ждать.

— Поехали домой, — сказала она.

* * *

Ренни лежала на кровати — на их кровати — застывшая, словно кусок гипса, ожидая, пока Джейк выйдет из ванной. Они слишком долго это обсуждали. Дело было в том, что она не хотела, чтобы он к ней прикасался, она не знала почему, да и он не хотел ее трогать, но не признавался в этом.

— Ну попытайся, — говорил он.

— Ты мне не даешь. Ты как в мультике «Маленький Паровозик, который все мог», — сказала она. *Я могу. Я точно знаю.*

— Ты правда жестокая, — ответил он.

И вот они решили наконец попробовать. Она стояла перед распахнутым шкафом, думая, что же ей надеть на этот суд. «Кто кого». Она хотела что-нибудь надеть и знала, что так надо; она теперь никогда не ложилась в кровать обнаженной; не хотела, чтобы ее видели как она есть — ущербной, ампутанткой.

Как-то он подарил ей цельный лиловый комплект, который застегивался в промежности, они тогда здорово накурились отличной колумбийской травы и в самый ответственный момент не смогли справиться с застежкой. Они обнимались, катались по кровати и так хохотали, что чуть не свалились на пол. «Ну все, хватит с меня эротического белья», — сказала она.

Она остановилась на черном комплекте, который Джейк подарил ей недавно. Он может не снимать лиф, если захочет. Она зажгла свечи и легла на спину, приподняв одно колено, приготовилась. Ничего не помогало.

Ренни представила, что рядом с ней лежит

Дэниел, думала, может, это поможет ей расслабиться, успокоиться, но не получилось. Она с трудом могла представить его без одежды. Ей удалось представить только его руки — с длинными пальцами и темными пятнами, проступающими на тыльной стороне. В Средние века было написано множество изображений души — душ, покидающих тела умирающих, и споры о том, в какой именно части тела у живого человека обитает душа, не стихали долгое время. Насчет Дэниела не было никаких сомнений: его душа обитала в его руках. Отруби их — и он превратится в зомби.

К одному мужчине мне прикасаться нельзя, другому я не хочу этого позволить. Я могла бы написать статью на тему «Креативный целибат». Или: «Сексуальное воздержание как будущее человечества». Одно но: все уже написано. Так что же впереди? Сублимация? Кружок керамики? Благотворительность?

Иокаста посоветовала бы ей мастурбировать. Когда-то это тоже считалось провозвестником будущего. «Слушай, когда все остальное отпало, просто доверься своим пальцам!»

Но Ренни это не привлекало, это все равно что разговаривать с самой собой или вести дневник.

Она никогда не понимала женщин, которые вели дневник. Она и так знала, что может сказать по тому или иному поводу. А что-то неожиданное могут сказать только другие.

Джейк вышел из душа, вокруг бедер синее полотенце. Он сел на кровать со стороны Ренни и мягко поцеловал в губы.

— Пожалуйста, погаси свечи, — сказала она.

— Нет, — сказал он.

— Почему? — спросила она.

— Ты меня возбуждаешь, — ответил он.

Она промолчала. Он провел ладонью по ее правой ноге, по животу, потом по левой, по согнутому колену. Потом снова и на этот раз плавно стянул кусок черной ткани. Выше рука не пошла. Как в школе, только наоборот, подумала Ренни. Он провел рукой ей между ног и наклонился, чтобы поцеловать пупок.

— Может, нам покурить? — сказал он.

— Чтобы я расслабилась? — спросила она, глядя на него как бы сверху вниз, ее голова лежала на подушке у изголовья кровати.

Она чувствовала, что ее глаза сверкают, как у маленького злобного зверька, ласки или крысы. Красные, сообразительные, на маленькой узкой мордочке с крошечными зубками. Зверька, за-

гнанного в угол, коварного.

— Вот именно, — сказал он.

Он принес из кухни контейнер для чая, свернул косячок, прикурил и передал ей.

— Может, у тебя чувство вины? Ты всегда говорил, что это важный пункт в кодексе еврейских матерей.

— Ну, ты мне не мать, — сказал он. — И это радует.

— Это понятно — я же не еврейка, — сказала она.

— Нет в мире совершенства, — сказал он. — Ты — моя золотая шикса. У каждого из нас должна быть хотя бы одна такая, это закон.

— Так вот кто я такая, — сказала Ренни. — Теперь я знаю, что думать, когда грянет личностный кризис. Приятно узнать, кто ты такая. Но золотая — это не про меня.

— Моя облигация с золотым обрезом, — сказал он.

— Это каламбур такой?

— Не знаю, не спрашивай. Я совершенно неграмотный и горжусь этим.

— Но подающий надежды, — сказала Ренни.

— Стараюсь, как могу, — сказал Джейк. — Черт, мы словно либретто вслух читаем!

— Увы, это не мюзикл сороковых, — сказала она.

— А я почти было поверил, — ответил он.

Ренни почувствовала, что сейчас заплачет. Ей было совсем невыносимо видеть, как он старается делать вид, что ничего не изменилось, и как она сама старается ему подыграть. Она хотела сказать: «Я умираю», но это слишком мелодраматично, кроме того, возможно, это не так.

Джейк начал гладить ее левое бедро, медленно вверх, потом вниз.

— Такое странное чувство, что ты не хочешь, чтобы я это делал, — сказал он.

Она смотрит на него и не знает, как ему помочь. «Не могу поверить, — подумала она. — Почему?» Слова приходили ей в голову постепенно, словно их произносил кто-то другой. Она прямо видела, как они возникают, надуваются, потом лопаются. Да, мощная трава.

— Ты не должна быть идеальной, — сказал он.

Приблизившись, он снова поцеловал ее, привстав на руках, чтобы не касаться ее грудью. «Он старается для меня, — подумала она, — не для себя. Он не хочет».

Джейк остановился, взял ее за запястья и завел их за голову.

— Ну, поборись со мной, — сказал он. — Скажи, что хочешь меня.

Это был их ритуал, один из многих, раньше она включалась в игру, но больше просто не могла притворяться. Она не двигалась, и он отпустил ее. Уткнулся лицом ей в плечо. И весь как-то обмяк.

— Черт, — сказал он.

Ему надо было верить, что она все еще закрыта, он хотел, чтобы она боролась, играла с ним, была соперницей, он просто не мог видеть ее столь уязвимой.

Ренни понимала, что это значит. Он боялся ее, ведь ее поцеловала смерть, оставила свою отметину. Смерть проникла в нее, теперь она носитель, она заразна. Она лежит, чувствуя его лицо у себя на шее, и вспоминает надпись, увиденную однажды в мужском туалете, когда она проводила исследование для статьи о граффити: «Жизнь — лишь одна из социальных болезней, передающихся половым путем». Она не винила его. Зачем ему зацикливаться на этом? То есть на ней.

Через какое-то время он поднял голову.

— Прости.

— И ты меня, — сказала она. И после паузы: — У тебя кто-то есть, правда?

— Это не имеет значения, — сказал он.

— Ты *ей* так говоришь, обо мне? — спросила Ренни.

— Послушай, либо это, либо теплая влажная салфетка. Ты же не даешь до себя дотронуться.

— Ясно, — сказала Ренни. — И это все? Неужели это так много значит? Неужели нет ничего важнее этого?

Она гладит его сзади по шее, а сама представляет, как душа покидает тело в виде слов в маленьких свитках, как в средневековой живописи.

«Только не это».

* * *

Они идут в глубь острова, вверх по холму. Он несет ее сумку с камерой и вторую тоже. Она взяла с собой минимум, но жалеет, что слишком много.

Сейчас около половины шестого, асфальт еще горячий, но уже не обжигает, а деревья отбрасывают тень. По обеим сторонам дороги разбросаны домики, люди сидят на верандах, женщины в цветастых платьях, на тех, что постарше, шляпы; Пол кивает им, ему отвечают, они не глазеют, но внимательно смотрят, запоминают. Мимо проходит стайка девчонок, лет по пятнадцать-

шестнадцать, у некоторых на голове обручи и цветы, вплетенные или просто приколотые; у них такой наивно-старомодный вид, немного карнавальный. Они поют в три голоса какой-то хорал. Ренни думает, может, они в церковь собрались.

— Нам туда, — сказал Пол.

Дом выглядит как бетонная коробка, такая же, как соседские дома, только немного побольше, светло-зеленого цвета, он стоит на сваях над резервуаром с дождевой водой. На склоне холма у дома — сад камней, с кактусами и толстолистыми, словно резиновыми, растениями. Кустарник у ворот, однако, погибает, его почти полностью покрывает пожелтевший плющ, словно сеть, словно копна волос.

— Видите? — сказал Пол. — В этих местах принято бросать отросток такого плюща в сад человека, которого недолюбливаешь. Он разрастается, как ненормальный, и душит все остальное. Любовник, как его называют.

— А что, есть люди, которые недолюбливают вас?

— Трудно поверить, да?

В самом доме очень опрятно, практически пусто, как будто здесь по-настоящему никто не живет. Мебель нейтральная, стулья с дере-

вянным каркасом, примерно такие, какие она видела в баре. Рядом с одним из них — телескоп на треноге.

— И что вы в него рассматриваете? — спросила Ренни.

— Звезды, — ответил Пол.

Над диваном висит карта, на противоположной стене — еще одна; навигационные карты с отмеченными уровнями глубин. Картин нет. На кухне — открытый стол для готовки, на стене — всякая утварь, все в идеальном порядке. Пол достает из морозильника кубики льда и наливает две порции рома с лаймом. Ренни рассматривает карты; потом проходит через двустворчатые двери на балкон с гамаком и опирается на перила, глядя вниз на верхушки деревьев и дальше на гавань. Там закат, как обычно.

Кровать застлана профессионально, углы туго, по-больничному заправлены. «Интересно, — думает Ренни, — он сам этому научился или к нему кто-то приходит помогать?» Возможно, это гостевая спальня, обычно пустующая. На кровати две подушки, хотя он живет один. Пол разматывает москитную сетку и натягивает ее над кроватью.

— Можем пойти поужинать, если хотите, — говорит он.

На Ренни белая рубашка и юбка с запáхом, тоже белая. Ренни думает, чтó снять сначала. И что будет? Может, вообще нет смысла что-либо снимать, может, она должна сказать, что будет спать на другой кровати. Он лишь сказал, что у него есть место.

Но все-таки она боится — неудачи. Может, надо быть честной и предупредить его? Но что она должна сказать? «Я тут не целиком»? «Мне кое-что отрезали»? Впрочем, ей не нужно ничего говорить, неудачи легко избежать. Если просто взять и уйти.

Потом она понимает, что ей все равно. Все равно, что он о ней подумает, она вообще может с ним больше не видеться, если не захочет. Она вообще ни с кем не обязана видеться, если не захочет. Она надеялась, что они покурят, он же в этом бизнесе, наверняка у него есть; она думала, это поможет ей расслабиться. Но Ренни чувствует, что сейчас не нужно; она и без того чувствует какую-то легкость, воздушность, словно и впрямь умерла, вознеслась на небо и вернулась обратно без тела. Ей не о чем беспокоиться, ничто не может повредить ей. Она туристка. Она исключение.

Он стоит перед ней в полумраке, с легкой улыб-

кой, ждет с интересом, что она сделает. Говорит:

— Я думал, ты не хочешь.

Он не прикасается к ней. Ренни расстегивает пуговицы блузки, он смотрит. Видит шрам, видит пустоту там, где ее поцеловала смерть, этакая предварительная ласка. Он не отводит глаза и не опускает, он видел людей и помертвее.

— Мне повезло, — говорит она.

Он протягивает к ней руки, и Ренни вдруг позабыла, чтобы к ней когда-нибудь кто-то прикасался. Никто не вечен, так с чего ты решила, что ты особенная? И этого достаточно, и столько — вполне хватит. Она раскрыта, ее открыли, она снова здесь и входит в свое тело, краткий миг боли, инкарнация, может быть, это отчаянная попытка, последняя вспышка, последняя попытка ухватиться за этот мир перед долгим сползанием в окончательную хворь и смерть; но сейчас она наконец вновь одно целое, она здесь, на Земле, она благодарна, он трогает ее, ее еще можно трогать.

V

Джейк любил держать ее за кисти рук, держать так, чтобы она не могла пошевелиться. Нравилось ему это, он считал секс борьбой, в которой он может победить. Иногда ей было довольно больно, а однажды он так сильно сжал ей шею, что она перестала дышать. «Опасность тебя возбуждает, — сказал он. — Ну признайся». Это была игра, они оба это знали. Он бы никогда не сделал так, будь она и впрямь прекрасной незнакомкой, или рабыней, или кем угодно, что там приходило ему в голову. Так что ей не стоило бояться.

За месяц до операции Ренни позвонили из «Вайзора». Главному редактору, Кейту, пришло в голову, что было бы забавно написать материал о порнографии как форме искусства. В относительно радикальных женских журналах недавно выходили статьи против порнографии, но Кейту они показались тяжеловесными и лишенными юмора. «Не хватает нотки игривости», — сказал он. И он хотел поручить эту задачу женщине, потому что они разделают под орех любого мужика, который осмелится на такое. Ренни попыталась

уточнить кто эти «они», но Кейт был уклончив. «Можешь связать это с тайными женскими фантазиями», — сказал он. И возьми легкий тон. Ренни сказала, что эта тема скорее связана с мужскими фантазиями, но Кейт возразил, что ему нужна женская точка зрения.

Кейт назначил ей встречу с художником, который жил и работал в помещении склада на задах Кинг-стрит, он создавал скульптуры из манекенов в человеческий рост. Он делал из них столы и кресла; они выглядели как обычные витринные манекены с той разницей, что их части были не полыми, а цельными и покрыты слоем гипса для придания гладкости. На женских фигурах лифчики с получашками и стринги, они стоят на карачках, если это стол, или застыли сидя в виде кресел. Есть такое кресло: женщина стоит на коленях, ее спина выгнута, запястья привязаны к бедрам. Руки и веревки — это подлокотники, а зад — сиденье.

— Визуальная игра слов, — сказал скульптор, звали его Фрэнк. Одна женщина у него в собачьей упряжке, на лице у нее намордник. Называлась скульптура «Национализм опасен». А вот другая — полностью обнаженный манекен на коленях, прикованный цепями к унитазу, держит в зубах

щетку, словно это роза. Называется «Разделение труда».

— Если бы автор была женщина, сказали бы, что это «воинствующий феминизм», — произнесла Ренни.

— В этом вся соль! — сказал Фрэнк. — Кстати, у меня есть не только женщины.

Он показал ей мужскую фигуру на вращающемся стуле в классическом деловом костюме в полоску. К голове манекена мастер приклеил с десяток пластмассовых вибраторов, которые смотрелись, как поросячьи хвостики или лучи нимба. «Клонированные отростки эрогенной зоны».

— Возможно, я покажусь ханжой, — проговорила Ренни, — но ваши работы меня как-то не возбуждают.

— А это и не предполагается, — ответил Фрэнк, ничуть не обидевшись. — Искусство не должно возбуждать, его нужно созерцать. В чем задача искусства? Взять явление, волнующее общество, и визуализировать его, так? Что вы и видите. Я имею в виду, есть темы, есть их вариации. А кому милее букеты цветов — пусть в галерею идут.

Ренни уже читала эти высказывания в досье на Фрэнка, полученном в редакции.

— Кажется, я понимаю, — сказала она.

— Скажите, в чем разница между мной и Сальвадором Дали, если уж на то пошло? — спросил Фрэнк.

— Трудно сказать, — ответила Ренни.

— Если мое творчество вам не нравится, взгляните на сырой материал, — сказал он.

Это и был второй пункт плана Кейта. *Сырой материал.* «В полицейском управлении хранится целая коллекция конфиската, — сказал он, — называется она „Проект П“, то есть порнография. И теперь ее открыли для публики». Ренни позвала с собой Иокасту — не потому, что не отважилась бы смотреть на все это; она чувствовала, что готова вынести практически все. Просто ей казалось, что на таких мероприятиях лучше появляться не одной, если есть возможность. Кто-нибудь увидит тебя на выходе и неправильно поймет. И вообще, это во вкусе Иокасты. Всякие фрики. «Человеческая изобретательность — вот на что сделай упор, — сказал ей Кейт. — Бесконечное разнообразие, все такое».

Коллекция размещалась в двух обычных комнатах полицейского участка, и это было первое, что поразило Ренни: заурядность помещения. Квадратные, без отличительных черт, казенные

серые стены; как на почте. Полицейский, который сопровождал их, был молодой, с блестящими глазами, увлеченный работой, пока. Он все повторял: «Как вы думаете, вот что с этим можно было делать? А это, взгляните, — как это можно использовать?»

Ренни прошла мимо стендов с плетками и резиновыми наручниками без трепета. Она вела записи.

— Как пишется «вибратор»? — спросила она полицейского. — С двумя «т» или одной?

Тот ответил:

— Не знаю.

— Наверное, с одной, как мотор, — решила Ренни.

Иокаста сказала, что все это выглядит как-то технически и что теперь она понимает, почему первые БДСМ-журналы-в-пленке, до появления секс-шопов, продавались в строительных мастерских. Полицейский ответил, что не подозревал об этом. Он открыл один из шкафов и достал оттуда предмет, назначение которого осталось неясным даже полиции. Устройство напоминало игрушечного робота — полировщика пола, только с прикрепленным к ручке простейшим фаллоимитатором. При включении в розетку штуковина

начинала носиться по полу, а ручка-член яростно моталась вверх-вниз.

— А это для чего? — с интересом спросила Иокаста.

— Спросите что-нибудь полегче, — ответил их «гид». — Слишком короткий для позиции стоя, сесть сверху — места не хватает. И он носится с такой скоростью, что фиг-два догонишь. У нас тут пари с ребятами. Тот, кто предложит самую правдоподобную версию его применения — только чтобы от смеха не лопнуть, — получит сотню.

— Может, это для озабоченных карликов, — предположила Иокаста.

— А может, полиция перемудрила? — сказала Ренни. — Может, это и правда полировщик, просто ручка странная. Смотрите, в следующем рейде не арестуйте тостеры, а заодно и всю «Дженерал электрик».

— Пятьдесят процентов смертельных случаев происходит дома, и мы знаем почему, — сказала Иокаста.

Полицейскому явно не нравилось, что они потешаются. Он посмотрел на них осуждающе. Потом повел их в третью комнату, с полной светоизоляцией и проектором в углу. Сначала он показал им несколько коротких видео — женщи-

на с собакой, женщина со свиньей, женщина с ослом. Ренни смотрела отстраненно. Была пара сцен насилия, одну женщину душили во время акта, другой партнер в нацистской форме отреза́л соски, но Ренни не верила, что это по-настоящему, наверняка кетчуп и прочее.

— А это наш роскошный десерт, — произнес полицейский.

На видео женская промежность и часть бедер. Это негритянка. Ноги чуть раздвинуты, между ними обычные волосы, обычная набухшая красно-розовая плоть. Все неподвижно. Потом между ног показывается что-то маленькое, серое, влажное, смешно тыкается. Это голова крысы. Ренни чувствует, как то, что она принимала за реальность, расползается, обнажая бездну. Она думает, может, и это нормально, просто нам раньше не говорили?

Она не успевает выбежать из комнаты. Ее вырывает прямо на ботинки парня.

— Простите, — говорит она, но он, кажется, не сердится.

Оно похлопал ее по спине, словно она с честью прошла испытание, взял за руку и вывел из темной комнаты. Он не взглянул на свои ботинки, из деликатности.

— Я знал, что это штука вас проймет, — сказал он. — Многие женщины так реагируют. Но посмотрите с другой стороны — по крайней мере, педикам это не грозит.

— Мозги бы тебе прополоскать, — сказала Иокаста, а Ренни заметила, что, пожалуй, им пора идти. Она поблагодарила полицейского за сотрудничество. Он был недоволен — не из-за ботинок, а из-за слов Иокасты.

— Я не буду писать статью, — сказала Ренни Кейту.

— Это почему? — спросил он, явно с досадой.

— Не мое это, — сказала она. — Я лучше продолжу про стиль жизни.

— Может, это тоже стиль жизни!

Ренни решила, что есть вещи, о которых не стоит узнавать больше, чем знал до сих пор. В большинстве случаев поверхность приятнее глубины. Она написала статью о возвращении моды на ангорские свитера, потом другую, о производстве трикотажа «под ручную вязку». Это ее умиротворило. Она бы даже написала речь в защиту тривиальных вещей.

Несколько недель после этого ей было неприятно заниматься любовью с Джейком. Она не

хотела, чтобы он неожиданно хватал ее сзади, ей не нравилось, когда он бросал ее на кровать или держал так, что она не могла пошевелиться. Ей не удавалось убедить себя, что это лишь игра. Теперь она чувствовала, что в определенном смысле, хотя они никогда об этом не упоминали, он думал о ней, как о противнике.

— Пожалуйста, не надо больше так делать, — сказала она. — Хотя бы какое-то время.

Ренни не хотела бояться мужчин и хотела, чтобы Джейк объяснил ей, почему не надо их бояться.

— Ты вроде сказала, что все нормально, пока ты мне доверяешь, — сказал он. — Или ты мне не доверяешь?

— Дело не в тебе, — ответила Ренни. — И не в доверии к тебе.

— Тогда в чем же?

— Не знаю. В последнее время у меня такое ощущение, что меня используют. Впрочем, я не тебя имею в виду.

— В качестве чего? — спросил он.

Ренни подумала и ответила:

— Сырого материала.

Позже она спросила Джейка:

— Если бы у меня во влагалище была крыса, ты

бы возбудился?

— Мертвая или живая?

— Кто, я или крыса?

— Фу, — сказал он. — Ты говоришь, как моя мать. Ей не дает покоя мысль о пыли у меня под кроватью.

— Я серьезно, — сказала Ренни.

— Слушай, хватит приставать ко мне со всякими психозами. Я что, по-твоему, извращенец какой-то? Думаешь, большинство мужиков такие?

Она сказала, нет.

* * *

— Я познакомилась с Полом в Майами, — сказала Лора. — Сначала он сказал, что торгует недвижимостью. Я была там с одним чуваком, с Гарри мы уже расстались, и когда в выходные была возможность куда-то прокатиться, я не отказывалась. Не из-за секса, я бы с радостью сделала так, чтобы ни один мужик ко мне больше не притронулся, так я себя тогда чувствовала. С Гарри особых восторгов я не ощущала, больше походило на хождение через вращающуюся дверь, по кругу, пока наконец не поймешь в чем хитрость, и стоит чихнуть, как все заканчивается,

только простыни надо постирать.

Может, мне этого и хотелось, чтобы я сама выбирала, да или нет. Может, я думала, что если слишком полюблю это дело, то уже не выберусь. Мне нравилось думать: пошел ты, козел, на кой хрен ты мне сдался, захочу — повернусь на 180 градусов и поминай как звали, а в дураках останешься ты. Мне казалось, женщина просто позволяет мужчинам делать это с тобой. Причем, сдается мне, большинству мужчин это тоже не особо нравится. Просто так полагается, вот и все.

Знаешь, наверное, мне просто хотелось с кем-то быть. Ночи были еще ничего, утро — вот настоящий кошмар. Я ужасно не любила просыпаться утром, когда рядом никого. Со временем тебе просто хочется быть кому-то нужной. Чтобы было с кем позавтракать, сходить в кино и так далее. Я говорила тогда, что играют роль две вещи — насколько он добрый и насколько богатый. Добрый лучше, чем богатый, но как по мне, если не можешь заполучить два в одном и если не достался добрый, выбирай богатого. А иногда мне казалось, что наоборот. И не то чтобы они пачками на деревьях висят, и те и другие, верно?

Сначала Пол показался мне только добрым. Он не был подлецом, как большинство, не доставал

всякой хренью, ну ты понимаешь. Потом я поняла, что он еще и богатый. У него была яхта (тогда еще только одна), и он сказал: «Слушай, приезжай на пару недель, позагораешь, отдохнешь», — и у меня не было аргументов против. Приехав, я не могла найти причин уезжать обратно. Примерно в это время я и узнала, чем он занимается.

Некоторое время я работала на яхтах. На большинстве из них два-три человека команды и кок. Конечно, здесь яхты возят контрабанду, странно, если бы этого не было, и команда прекрасно знала про его делишки, им отстегивали процент, ему ведь были нужны доверенные люди. Я выступала в роли кока; не стоит и говорить, что я ни черта не знала об этом, только то, что это не похоже на обычную готовку, но как-то научилась. Сначала я дико страдала от морской болезни, думала, все кишки выблюю, но, сдается мне, если приспичит, привыкаешь ко всему, особенно если ты посреди океана и выход только один — за борт.

На яхтах работало много девочек, на обычных тоже, хотя заранее никогда не знаешь, какая попадется. Быстро приучаешься не спрашивать, что у них в трюме. Владелец яхты рассчитывает, что ты будешь с ним спать; не нравится — можешь отчаливать. Правда, с арендаторами я никогда не

соглашалась, это не входило в контракт. И это их дико бесило, кстати. Они думают, раз у них яхта напрокат, то и все, что на ней, — тоже. Может, я и продаюсь, но точно не сдаюсь в аренду. «Ладно, сколько?» — спросил один, тот еще козлина. Какой-то там супер-пупер юрист. «У тебя столько нет», — говорю. «Странно, а выглядишь красивой дешевкой», — говорит он. «Может, я красивая, но не дешевая», — отвечаю. Как юрист: платишь ему за новый опыт.

В общем, несколько ходок в месяц, даже одна — и на это можно было жить. В остальное время я жила с Полом. Или как это называется. Да, мы спали в одной постели, но чего-то в нем не хватало, я чувствовала, что живу с тем, кто вечно отсутствует, понимаешь? Ему было все равно, чем я занимаюсь, он не возражал, что бы я ни делала, — другие мужчины, что угодно, лишь бы его это не касалось. В глубине души ему было просто наплевать. Знаешь, как о нем говорят местные? «Он в сделке». Имеется в виду — с дьяволом, бизнес тут ни при чем. Они так говорят обо всех одиночках.

Единственное, что его возбуждало, это риск, насколько я успела заметить. Время от времени он пускался в весьма опасные авантюры.

Например, через пару месяцев после моего приезда сюда случилась та жуткая история с Марсдоном. До того, как он сбежал в Штаты. Он тогда жил с одной бабой, и вот как-то возвращается он домой, а она в койке с одним из его кузенов, не помню, с кем именно. Да не важно, если хорошенько покопать, все тут оказываются родней.

Короче, Марсдон ее избил. А как иначе, над ним бы потешались все мужчины острова, да и женщины тоже. Это ожидаемые последствия за «плохое поведение». Но он слишком далеко зашел, заставил ее раздеться догола — не то чтобы она была одета, когда он ее застукал, — и укутал с ног до головы коровьим вьюнком. Он вроде крапивы, такое можно сделать только с тем, которого ненавидишь до печенок. А потом привязал к дереву на заднем дворе, рядом с муравейником — с кусачими муравьями. Он сидел в доме, пил ром и слушал, как она кричит. Оставил ее там на пять часов, пока она вся не раздулась, как шар. Ее много народу слышало, но никто не попытался помочь, потому что, во-первых, у него была репутация безбашенного, а во-вторых, дело-то семейное, а тут считается, что никто не должен в это влезать.

Пол узнал об этом, заявился к нему во двор и

перерезал веревки. Так здесь не принято. Все ждали, что сделает Марсдон, но тот бездействовал. И с тех пор он ненавидит Пола. Немного позже он уехал в Штаты и попал в армию, во всяком случае по его словам. Лучше бы там и остался.

Пол не знал эту женщину, и благородство тут ни при чем, насколько я понимаю. Он поступил так, потому что это было рискованно. И забавно. Забавно, ничего не скажешь. Никогда не угадаешь, когда он выкинет очередной номер. Бывает, моешь волосы, посмотришь в окно — а он качается на дереве, мать его, Тарзан хренов. В этом отношении Пол сущий мальчишка. Он всегда твердил, мол, я знаю, что делаю, но, сдается мне, когда-нибудь он заиграется, и это плохо кончится.

В том числе поэтому я перестала работать на его яхтах. Слишком отчаянно он рисковал.

Товар идет из Колумбии, на большегрузах. Для правительства это лишь один из многих источников притока денег. И никто ничего не может сделать, а когда корабль уже в открытом море — тем более, разве что захватить его. Некоторые и пытались, но теперь это стало опасно: они отстреливаются. Штаты знают, на каком корабле товар, они отслеживают все по спутнику и могут

проследить путь большегруза по звуку двигателя; так что прямым путем попасть в Штаты они не могут. Так они везут все сюда, на один из островов, перефасовывают, закладывают в яхты или частные самолеты, которых все больше и больше, и отправляют в Майами или, может, через Виргинские острова. Трафик пытаются контролировать не только Штаты и Куба. Есть третий участник — мафия, и они тратят на это больше денег. Это же гарантированный многомиллионный бизнес, так что они могут купить себе стопроцентное лобби в Вашингтоне, лишь бы его не легализовали. Никто этого не хочет, иначе каждый будет выращивать траву у себя во дворе, и рынок обвалится.

Эллис никогда их не останавливал, они ему отстегивали, но, может, все изменится, и он захочет войти в долю. Недавно он устроил большую облаву в порту Сент-Антуана. Вроде как некоторые местные выращивали траву в своих садах, за банановыми деревьями, и отправляли по назначению на рыбных трейлерах. Конечно, масштабы не те, но большой бизнес не терпит конкуренции, и Эллис не хочет, чтобы крестьяне сами пристраивали товар. Иначе плакала его доля. Думаю, это мафия велела ему устроить шухер. Спорим на что

хочешь — он сам все и загонит.

Сначала они только брали напрокат яхты Пола, по сдельной оплате, чтобы совершать рейсы до Майами. Но потом он сам приехал сюда и купил себе… действующего генерала. Решил: зачем ему быть каким-то посредником, когда он может сам покупать оптом и торговать в розницу? Все бы хорошо, но теперь у него на хвосте висит вся шайка-лейка — ЦРУ, мафия, Эллис, все тридцать три удовольствия. Нет уж, спасибо, сказала я. Мне нравится мое тело таким, каким его создал Бог, — и дополнительных отверстий я не хочу. Я сказала, что могу заняться туристами, они будут доверять мне, потому что я белая и потому что женщина — если он подкупит пару местных копов. Тогда, так и быть, возьму на себя розницу, но остальное — ни за что.

Вторая причина, почему я соскочила, — это Принц. Мы встретились в пляжном баре. И это была любовь с первого взгляда, чего раньше со мной не бывало. Я знаю, это выглядит нелепо, ведь он настолько младше, но я говорю как есть. Не знаю, как — возможно, все дело в его глазах. Он смотрит прямо на тебя, и ты чувствуешь: все, что он говорит, — правда. Это не всегда так, как выяснилось позже, но всегда — от чистого сердца.

Он верил даже в коммунистический бред, правда верил, что может спасти мир. Он просто не умеет говорить о том, во что не верит сам. Он был так неотразим! Я пропала.

Он не хотел, чтобы я плавала куда-то на яхтах с Полом, не хотел, чтобы я вообще продолжала с ним общаться, ни по какому поводу, ревновал, как мавр. Думаю, и это меня покорило. Он хотел меня только для себя. Хотел, чтобы у нас был ребенок. Раньше я не придавала этому значения.

А Пол, знаешь, что он сделал? Пожал мне руку! И все. Я думала, что заплачу, а на деле рассмеялась. И подумала, вот как называется то, что между нами было — и секс, и все остальное — рукопожатие; не более того.

* * *

Ренни просыпается посреди ночи — Пол здесь, она с трудом в это верит; и он не спит, он лежит в темноте, темный силуэт, приподнявшийся на локте; он что, наблюдает за ней?

— Это ты? — говорит она.

— А кто же еще? — отвечает он.

А она не знает. Она протягивает руку — да, он материален, он не исчезает.

Раннее утро. Ренни слышит звуки за окном. Это блеяние. Она вылезает из постели и подходит к окну: коза, прямо у стены дома, на шее у нее цепь, прикрепленная к камню, чтобы не ушла. Как заставить ее замолкнуть… Неподалеку двое мужчин рубят кусты мачете. Садовники.

У одного из них радиотранзистор, откуда доносится хорал, приглушенно. Пол все еще спит, так привык, наверное. Ей снилось, что с ними в постели еще один мужчина; голова у него чем-то обмотана — чем-то белым, это то ли чулок, то ли марлевая повязка.

Когда она снова просыпается, Пола уже нет. Ренни встает, одевается и начинает ходить по дому, ищет его. Никого нет; дом похож на мотель, здесь почти пусто, он не оставил никаких следов. Она вдруг осознает, что провела ночь с мужчиной, о котором абсолютно ничегошеньки не знает. Надо же докатиться до такого!

Она выходит наружу. У крыльца растет дерево, все в розовых цветах, вокруг роятся колибри. Оно словно принарядилось. Ослепительный солнечный свет, сад камней, по дороге позади него идут две женщины, одна несет на голове здоровенную ветку, ниже — густая растительность и крохотно-открыточные кораблики в бухте, грандиозный

вид кажется сегодня плоским, нарисованным. В любой миг порыв ветра приподнимает его в воздух, и тогда откроется неприглядная правда.

Из-за рощицы слева доносится какой-то звук, отчаянный мерный плач, это ребенок. Он воет и воет, словно это обычная форма коммуникации, почти как дыхание. Слышится резкий женский голос, раздаются шлепки; плач ребенка становится надрывнее, но ритм сохраняется.

Ренни смотрит в телескоп, тот направлен прямо на яхты. Женщина в красном бикини заходит в воду; телескоп настолько резкий, что можно разглядеть складку жира над трусиками и следы растяжек на животе. Это что, его хобби, разглядывать тела на расстоянии? Непохоже. И все же телескоп дает ощущение власти, ты можешь видеть, а тебя — нельзя. Ренни не по себе от этой мысли, и она отворачивается. Она опускается в гамак, стараясь не думать. Она вдруг чувствует себя одинокой.

Пола все нет, и Ренни вернулась в дом. Она открывает холодильник в поисках какой-нибудь еды, но там почти пусто. Кубики льда в леднице, банка сгущенки с проделанными по диагонали дырками, маленький бумажный кулек с сахаром, несколько пожелтевших лаймов, кувшин холод-

ной воды. В шкафу сухая лапша, бутылка рома, пачка кофе, немного чайных пакетиков «Тэтли», банка сиропа из патоки, по окружности крышки которого шествует цепочка из муравьев. Они с Полом вчера не поужинали, так что она умирает с голоду.

Есть логическое объяснение — Пол вышел за едой, раз ничего нет. Она бы предпочла, чтобы он оставил записку, но, похоже, он не из этой категории мужчин. А дом и впрямь совсем пустой. Ренни возвращается в гостиную; нет даже ни одной книги или журнала. Может, он держит личные вещи на яхте, на яхтах. Она идет в спальню и заглядывает в шкаф: пара рубашек, ружье с гарпуном, маска и ласты, джинсы, перекинутые через вешалку; всё.

В комоде обнаружились футболки аккуратной стопкой, а в самом верхнем ящике несколько фотографий, поляроидных: белый дом в колониальном стиле с гаражом на две машины, зеленая лужайка, на ней стоит женщина с желтыми волосами, она улыбается, обнажив слегка выпирающие зубы; волосы у нее короткие, с неудачным перманентом и отросшими корнями. Еще там две девочки, одна светленькая, другая темно-рыжая, у обеих волосы убраны в хвост и

завязаны лентой; видимо, чей-то день рождения. Мать положила руки им на плечи. На их глаза падает тень, так что, хотя они улыбаются, вид у них немного грустный, этакая вечная грусть призраков. На другом снимке есть и Пол — почти юноша, стрижка почти под ноль, и все же это он: на нем рубашка, галстук и брюки с четкими стрелками, под глазами тоже лежит тень.

Ренни понимает, что это форменное шпионство, но уже не может остановиться. Она не собирается никак это использовать; она только хочет узнать, найти что-нибудь, что превратит Пола в реального человека. Она заходит в ванную и заглядывает в шкафчик с лекарствами. Все названия знакомые: большой флакон «Тайленола», зубная паста «Крест», лейкопластырь «Эластопласт», «Деттол». Ничего необычного.

Есть ведь еще одна спальня, насколько понимает Ренни. Дверь туда закрыта, но не заперта и открывается так же легко, как все прочие. Это и правда спальня — кровать, во всяком случае, имеется. Кроме нее там стоит стол, на нем устройство, напоминающее радио, только более навороченное, и еще какая-то техника, назначение которой Ренни не понимает. В шкафу — картонная коробка, поставленная на попа. Наклейка с адресом

оторвана. Внутри — слой наполнителя, но и только. Что-то до боли знакомое.

Кто-то вошел в дом, шаги по деревянному полу. У Ренни ощущение, что ее застигли в запретной комнате, хотя Пол ничего ей не запрещал. И все же некрасиво рыться в чужих вещах. Она выходит из комнаты и как можно тише закрывает за собой дверь. К счастью, здесь есть коридор, и ее нельзя увидеть.

Только это не Пол — а Лора, в новеньком розовом платье, с голыми плечами.

— Приветик! — говорит она. — Вот, принесла тебе всякой всячины. — Она стоит у кухонного стола и выкладывает из корзины покупки: хлеб, масло, упаковку молока длительного хранения, даже баночку с джемом. — У него вечно шаром покати. Я сварю нам кофе, ладно?

Она достает из шкафчика электрический чайник, кофе, сахар; она точно знает, что где лежит. Ренни сидит за деревянным столом и просто смотрит. Она понимает, что должна быть благодарна за такое внимание и заботу, но на самом деле злится. Это не ее кухня и не ее дом, так почему ее так бесит, что Лора тут хозяйничает? Да и как она узнала, что Ренни будет здесь? Впрочем, может, она и не знала. Может, ей не впервой.

— А где Пол? — спрашивает Лора.

— Не знаю, — говорит Ренни.

Она на взводе: почему он ничего не сказал, почему?

— Ничего, объявится, — бодро говорит Лора. — Нынче здесь — завтра там, таков наш Пол.

Лора сварила кофе; она берет две чашки и ставит их на стол. Ренни не хочет спрашивать про еду, хотя голодна как волк; она не хочет признаваться, что они не ужинали. Она вообще ничего не хочет ей рассказывать. Она мечтает, чтобы Лора испарилась, но та — пожалуйста, сидит за столом, все расставляет. Потягивает кофе. Ренни разглядывает ее руки, квадратные пальцы, грубую, обкусанную кожу вокруг ногтей.

— На твоем месте я бы не стала слишком проникаться к Полу, — произносит она.

«Вот оно, — думает Ренни. — Сейчас она скажет мне что-то там для моего же блага». По опыту Ренни, подобные откровения всегда неприятны.

— Почему же? — спрашивает она.

— Нет, ради бога, конечно, — отвечает та. — Мы в свободной стране! Просто совет — не переборщи. Не то что и он сам к кому-то особо проникается. Никаких обязательств. Здесь, на островах, большая текучка.

Ренни не совсем понимает, что имеется в виду. Ей угрожают или только предупреждают?

— Похоже, ты давно его знаешь, — говорит она.

— Более-менее, — говорит Лора.

Раздаются чьи-то шаги, на окно кухни падает тень — на этот раз это Пол, он поднимается на крыльцо и с улыбкой входит в дом. Видя Лору, он быстро моргает, но улыбка не сходит с его лица.

— Я ходил за яйцами, — говорит он Ренни. — Думал, ты наверняка проголодалась.

Сияя от гордости, он ставит на стол пакет из коричневой бумаги.

— Где ты достал яйца в такое время, черт возьми? — воскликнула Лора. — Их же еще не привезли.

Она встала, Ренни надеется, что она уходит, но Лора ставит на стол кружку.

Пол ухмыляется:

— У меня есть связи!

* * *

Пол приготовил яичницу, превосходную, не пересушенную; Ренни ставит ему три с половиной звезды. Они едят яичницу и тосты с джемом. Да, есть и тостер, но работает он, по словам Пола,

только если его закоротить ножом. Он все хочет достать новый, но это возможно только с контрабандой, а в последнее время их не привозили.

После завтрака Ренни предлагает помыть посуду, ей кажется, это правильно, раз Пол готовил.

— Забудь, — говорит он. — Ко мне приходит женщина.

Он берет ее за руки, поднимает со стула, целует, от него пахнет тостом с маслом. Он ведет ее в спальню. На этот раз он сам раздевает ее, не торопясь, без суеты. Она берет его за руки, у него овальные кончики пальцев — как у хорошего мастера, она направляет его, они падают на кровать, все так естественно.

Ренни кончает почти сразу, они оба скользкие от пота, это роскошное ощущение полной открытости и счастья, они словно катаются в теплой грязи, у нее побаливают бедра изнутри. Он немного ждет, потом продолжает, останавливается, начинает снова, и так, пока она не кончает опять. Он умелый, внимательный, он знает в этом толк. Может, она нужна ему лишь для легкого секса, временно, может, они оба временные, преходящие, может, именно это хотела сказать Лора? Но она и не возражает, это, по крайней мере, что-то, а что-то все же лучше, чем ничего.

Проходит немало времени, пока они встают и идут принимать душ, вместе. Пол какой-то задумчивый, он намыливает ей спину, потом груди, довольно старательно, но видно, что он уже думает о другом. Она гладит все его тело, изучая, мышцы, впадины. Она ищет, ищет его самого в его теле, ищет другое тело под оболочкой материального, но не может до него добраться — в этот момент он отсутствует.

Пол берет Ренни повыше локтя, и они выходят наружу, в белое сияние. Ей хочется спросить, куда они идут, но она не спрашивает, потому что это как будто не имеет значения. «Плыви по течению», — сказала бы Иокаста, что Ренни и делает. Она вся такая ленивая, неторопливая; будущее, в котором, помимо прочего, ее ждет банковская задолженность, находится где-то в голубой дали. Она понимает, что стала героиней базового клише женских романов — курортный роман с загадочным незнакомцем, без угрызений, без обязательств. Она ведет себя, как секретарша, и дело, должно быть, плохо, потому что ее это совершенно не напрягает. Главное не влюбиться: это и секретарше не к лицу, это ни в какие ворота. «Любовь или секс?» — спросила бы Иокаста, и сейчас Ренни знает ответ. Любовь штука запутан-

ная, секс — притом высочайшего класса. *Только не делай глупостей.*

Они спускаются к морю и идут по пляжу. Пол сейчас отстранен, но дружелюбен, словно личный гид. Все услуги входят в турпакет.

— Видишь то здание? — спрашивает он, указывая на низкое строение вроде сарая, выкрашенное зеленой краской, с тремя дверьми. — Три года назад вокруг него кипели большие страсти. Его построил Эллис, чтобы привлечь туристов.

— Что это? — говорит Ренни, не понимая, что здесь интересного.

— Сейчас в нем хранят рыболовные сети, — говорит Пол. — Но изначально здесь был туалет. Общественный. «Мужчины, женщины и туристы». Идея была такая: сойдя с корабля, туристы захотят облегчиться, а тут как раз все приготовлено. Но местные были против, чтобы такое заведение стояло прямо на берегу, вот так откровенно. По их представлениям, это бесстыдство. И они набросали туда камней. «Добро пожаловать», — улыбается Пол.

— Они не любят туристов? — спрашивает Ренни.

— Посмотри на это их глазами, — ответил Пол. — Туристы приезжают — цены скачут вверх.

А в этом году, с шумихой вокруг выборов, резко подорожал сахар. Люди говорят, они просто не могут себе его позволить.

— Оно и к лучшему, сахар вреден, — говорит Ренни, которая верит в здоровое питание, более или менее.

— Зависит от того, что у тебя вообще есть из еды, — говорит Пол.

* * *

Далеко впереди раздается музыка, деревянные флейты и барабан. Похоже на парад — толпа людей движется по пляжу. Несмотря на то что сейчас утро, они несут факелы — намотанные на палки и намоченные керосином тряпки. Ренни чувствует запах гари. Позади и по бокам процессии взрослых прыгают и танцуют под музыку дети. Двое ребят несут транспарант из натянутой старой простыни: «ПРИНЦ МИРА: ОН ТРУДИТСЯ ДЛЯ ВАС, А НЕ ВЫ — ДЛЯ НЕГО». Впереди выступает Элва; она скорее не марширует, а плывет. У нее в руках белый эмалированный горшок и целый рулон туалетной бумаги. Она держит их высоко над головой, словно трофеи.

Ренни с Полом стоят и смотрят на выступление. В замыкающих — Мардсон, в своих пресловутых

сапогах; каблуки вязнут в песке, он идет с явным усилием. Он их видит, но не подает вида, что узнает.

— Что это означает? Я про туалетную бумагу, — говорит Ренни.

— Это выпад в сторону правительства, — говорит Пол. — Мол, вот что им понадобится после выборов.

— Не понимаю, — говорит Ренни.

— Они будут в таком страхе, что наложат в штаны, — отвечает Пол. — Примерно так.

Он так терпелив с ней.

Они идут от пляжа к главной дороге города. Парад развернулся и движется в обратную сторону; люди останавливаются, глазеют. Неподалеку стоит машина, в ней те два типа в зеркальных очках, на заднем сиденье третий. Он в черном костюме, прямо служащий похоронной конторы.

— Министр юстиции, — говорит Пол.

Оказывается, большинство магазинов закрыто из-за выборов. Мужчины активно кучкуются здесь и там; на бутылках, передаваемых по кругу, поблескивает солнце. Некоторые кивают Полу. Полу — но не Ренни; их внимание скользит мимо, обтекает ее, они ее видят, но как будто боковым зрением.

Они поднимаются на холм и идут по узкой улочке. Отдаленный гул не стихает; они идут в сторону севера, и постепенно гул перерастает в пульсацию, глухое сердцебиение. Это какая-то техника, так работает двигатель.

— Это электростанция, — говорит Пол. — Работает на нефти. Там находятся бедные кварталы.

Они заходят в магазин «Стерлинг Эмпориум». Пол просит молока долгого хранения, и продавщица ему приносит. Ей лет сорок пять, у нее мощные бицепсы и маленькая аккуратная головка, вся покрыта пластиковыми загогулинами ярко-зеленых бигуди. Она достает из-под прилавка коричневый бумажный пакет.

— Для вас придержала, — говорит она.

— Яйца! — говорит Пол. И расплачивается.

Ренни в шоке от цены.

— Если это такой дефицит, почему кто-нибудь не устроит здесь птицеферму? — спрашивает она.

— Придется импортировать корм, — отвечает Пол. — Его здесь не выращивают. А корм весит больше яиц. Кроме того, их везут из Штатов.

— И что это меняет? — спрашивает Ренни.

Пол лишь улыбается.

— Вора поймали! — сообщает продавщица,

когда они подходят к двери. — Его увезли на полицейском катере.

— Повезло парню, — говорит Пол.

— Почему «повезло»? — спрашивает Ренни уже на улице.

— Жив останется, — говорит Пол. — В прошлом месяце тут схватили одного мужчину, он свиней украл в соседней деревне; так его забили насмерть, без лишних слов.

— Полиция? Ужас какой, — говорит Ренни.

— Нет. Люди, которых он хотел обокрасть, — говорит Пол. — Так что этому повезло, что он туристов обворовывал. Если бы местных — они башку бы ему оторвали или связали по рукам и ногам и бросили в море. По их убеждению, воровство хуже убийства.

— Просто не верится, — говорит Ренни.

— А ты посмотри их глазами, — говорит Пол. — Если человек вышел из себя и зарубил любовницу — его можно понять, это преступление на почве страсти; а кражу планируют заранее. Так они это видят.

— И часто это бывает? — спрашивает Ренни.

— Кражи? Началось, когда туристов стало больше.

— Нет, убийства женщин, — говорит она.

— Реже, чем ты думаешь, — отвечает Пол. — Тут могут избить, зарезать, но зарубить — вряд ли. — У Ренни возникают кулинарные ассоциации. — Зато никакого огнестрела. В отличие, скажем, от Детройта.

— Почему? — Ренни сделала стойку, почуяв социологический аспект.

Пол смотрит на нее, и не в первый раз, как на очаровательную деревенскую дурочку.

— У них нет оружия.

Ренни сидит на белом стуле в пляжном баре, где ее оставил Пол. «Припарковал». Пристроил. Через пару дней придет корабль с грузом, и ему нужно кое-что организовать, сказал он. Ренни чувствует себя героиней второго плана.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он.

— Ты же говорил, что почти все магазины закрыты.

— Так и есть.

— Что-нибудь почитать, — говорит она, если честно, из вредности. Раз он такой добытчик, пускай расстарается.

Он не упустил подачу.

— Что-то конкретное?

— Что-нибудь в моем вкусе, — ответила Ренни.

По крайней мере, так он не забудет о ней. А

сейчас она сидит за деревянным столом и ест сэндвич с сыром-гриль. О чем еще можно мечтать? Разве что-то не так? Почему же ей хочется уехать, если не домой, то в любом случае подальше? Пол ее не любит, вот почему; что, впрочем, не имеет никакого значения.

— Ты не жди слишком многого, — сказал он ей прошлой ночью.

— От чего? — спросила она.

— От меня, — ответил он.

Он улыбается, абсолютно спокойный, но Ренни это больше не обнадеживает. Напротив, ей кажется, что это дурной знак. Его как будто ничто не может выбить из колеи. Он поцеловал ее в лоб, как ребенка на ночь.

— Дальше ты скажешь мне, что это ничего не значит, — сказала она.

— Может быть, — ответил он.

Ренни не знала, что она чего-то ждала, пока ее не осадили. Теперь ее надежды кажутся ей большими, сентиментальными, грандиозными, как цветное кино, волшебными и нелепыми. «Что я вообще здесь делаю, — думает она. — Надо брать ноги в руки и бежать без оглядки. Мне не нужен очередной мужчина, от которого я не должна ничего ждать».

Она туристка, она может делать что хочет. И всегда может сменить место проживания.

* * *

— Я помешал вам, — в вопросе слышится явное утверждение.

Ренни поднимает глаза. Перед ней доктор Пескарь, ворот белой рубашки распахнут, в руках чашка кофе. Он присаживается к столу, не дожидаясь ответа.

— Ну как, с удовольствием проводите время в доме вашего американского друга? — спрашивает он с ухмылкой.

Ренни, для которой личное пространство не пустой звук, взрывается.

— Как вы узнали, где я живу? — спрашивает она, чувствуя себя старшеклассницей, которую учитель застукал с парнем за углом школьного спортзала. Чего в реальности с ней никогда не случалось.

Доктор улыбается, обнажая кривоватые зубы.

— Да все знают, — говорит он. — Мне неловко вам докучать, но я просто обязан кое-что вам рассказать. Пригодится для вашей статьи.

— Да-да, — говорит Ренни. — Конечно.

Неужели он до сих пор верит, что она напишет

об этом вообще когда-нибудь? Но похоже, что да, — он смотрит на нее так убедительно, так доброжелательно. Верит ей.

— Я не взяла с собой блокнот, — говорит она, чувствуя, что совсем завралась.

— Тогда запоминайте, — говорит доктор. — Ничего, продолжайте обедать. — Он на нее даже не смотрит, он оглядывается, подмечая, кто сидит в баре. — Дело в том, что мы видим, как проходят выборы, друг мой.

— Уже?

— Я говорю не о результатах, — отвечает он. — А о методах этого правительства. Эллис побеждает, друг мой. Но нечестно, понимаете? Вот что я хочу до вас донести: Эллис не получит поддержки народа.

Он говорит все тем же размеренным тоном, но Ренни прекрасно видит, что спокойствием тут и не пахнет. Доктор возмущен. Его худые руки лежат на крышке стола крест-накрест, но они напряжены, как будто он силой удерживает их на месте, лишь бы они не двинулись с места, не взлетели вверх, не затряслись в ярости.

— За него голосуют лишь те, кому он заплатил, — говорит доктор. — Сначала он подкупал людей деньгами из иностранной помощи жерт-

вам урагана. Это я могу вам доказать, свидетелей хватает. Надеюсь, они не спрячутся в кусты. Он выдавал им материалы для ремонта крыш, трубы для канализации, всякие вещи из гуманитарной помощи. На Сент-Антуане подкуп был эффективен, но здесь, на Сент-Агате, — нет. Люди берут у него деньги, но все равно будут голосовать за меня; прекрасное чувство юмора. И Эллис знает, что здесь такие штуки не пройдут, он знает, что здесь люди за меня. Поэтому он решил смухлевать со списком избирателей. Когда мои люди сегодня утром пошли голосовать, то обнаружили, что их нет в списках. Даже некоторые из моих кандидатов из него исчезли и не могут отдать голос за самих себя. Им говорят: извините, вы не можете голосовать. А знаете, кого они внесли? Мертвецов, мой друг. Половина людей в списке мертвы! Это правительство избирают трупы.

— Но как ему это удалось? — говорит Ренни. — Разве ваша партия не видела списки перед выборами?

Доктор криво усмехнулся.

— Здесь не Канада, друг мой, — говорит он. — И не Британия. Ваши правила тут не действуют. Тем не менее я поступлю именно так, как славные канадцы. Я буду оспаривать результаты

выборов в суде и добиваться нового голосования и потребую независимого расследования, — он хохотнул. — Но результат будет тот же, что и сейчас, друг мой. Только время зря потратим.

— Тогда зачем вам это надо?

— В каком смысле?

— Если все куплено, как вы говорите, — зачем вообще в этом участвовать?

Доктор помолчал. Видно, она задела его за живое.

— Согласен, может, с моей стороны это кажется нелогичным и бесполезным, — говорит он. — Но именно поэтому я этим и занимаюсь — потому что все говорят, что это невозможно. Никто не верит, что все может измениться. И вообразить это — мой долг, а они знают, что даже один человек с воображением очень опасен, друг мой. Вы понимаете?

Он хочет сказать что-то еще, но вдруг раздаются крики, они идут со стороны кухни, обладатели яхт за столиками смотрят во все глаза, вскакивают, мгновенно собралась толпа.

Ренни тоже встает, стараясь рассмотреть, что случилось. И видит Лору. Одной рукой та поддерживает Элву, глаза старушки закрыты, из них текут слезы. На ее футболке «ПРИНЦ МИРА» крас-

ные следы, а лицо искажено, пошло пятнами, словно смялось, побурело.

* * *

Лора сидит у стола, щиколотка одной ноги на колене другой. На столе перед ней ром с лаймом, стакан с кубиками льда и белый эмалированный тазик с водой, уже темно-розовой. Элва сидит рядом, она все еще плачет, сложив руки на коленях. Лора смывает с нее кровь синей мочалкой из отеля.

— Может, лучше ее уложить, как думаешь? — говорит она Ренни.

— Господи. Что стряслось? — спрашивает та.

— Да я толком не знаю, — говорит Лора. — Я почти ничего не видела, все было так быстро. Принц стоял перед избирательным участком, разговаривал с людьми — а в следующий миг поднялся переполох. Явились двое полицейских и министр юстиции, растолкали всех и стали избивать Принца. Почему — я без понятия.

— Как он? — спросила Ренни.

— Я даже этого не знаю, — сказала Лора. — Я не знаю, куда он делся. Но он объявится, как обычно.

— А ее что, сбили с ног в суматохе?

— Ее? Черт, нет же. Она вцепилась в шею этого министра, чуть не придушила его. Они ударили ее по голове рукояткой пистолета, чтобы она его отпустила.

— Я могу чем-то помочь? — спросила Ренни, хотя чувствует себя не в своей тарелке, а от вида крови в тазике ее мутит. Может, она раздобудет пластыри, и тогда все прекратят ее подозревать.

— Купи мне сигарет, — говорит Лора. — Там, в баре, «Бенсон энд Хеджес». Наверное, нужно отвезти ее домой.

— Марсдон! — говорит Элва. — Когда-нибудь я прибью мальчишку.

— Что? Ты слышала, что она сказала?! — восклицает Лора.

— Это он начал, — говорит старушка. Она перестала плакать и открыла глаза. — Я сама слышала. Он обозвал министра юстиции. Зачем он это сделал?

— Черт, — говорит Лора. — Он считает, что все должны умереть за революцию. *Его* революцию, разумеется. И он готов почти на все ради этого. Когда он снимет свои идиотские сапоги, готова спорить, он даже спит в них! Он как из Штатов вернулся, решил, что теперь он прямо Дар Божий. Он там в армии служил, вот крыша и поехала.

Если Принца выберут, то министром юстиции станет он. Черт, ты представляешь себе?

— Мне уже лучше, — говорит Элва. Она берет из стакана кубик льда и кидает в рот.

— У нее еще идет кровь, — замечает Ренни, но старушка уже встала и пошла прочь, уверенно, как будто ничего не случилось. — Разве ты не пойдешь за ней?

Лора пожимает плечами.

— А ты думаешь, она мне позволит? — говорит она. — Здесь человеку в почтенном возрасте никто не может слово поперек сказать.

— А ей есть куда идти? О ней кто-то позаботится?

— У нее есть дочери. И внуки. Хотя она не то чтобы нуждается в заботе. Сама целыми днями носы им вытирает. Здесь вся жизнь на таких бабках держится.

Из отеля выходит девушка и уносит тазик. Теперь, когда не видно крови, Ренни чувствует себя лучше. Посетители снова расселись за столики, голоса стали тише, солнце в бухте все так же сияет. Лора уже получила свои сигареты; она закуривает и выпускает струю дыма через ноздри, словно длинный серый выдох.

— Это все Марсдон затеял, чтобы Принц пошел

на выборы, — говорит она. — Самому бы ему и в голову не пришло. Марсдон и в боги пошел бы избираться, если б мог, — только кто за него проголосует? Его никто не любит, а Принца любят все, так что ему пришлось уговорить парня участвовать в выборах вместо себя. А наивный мальчик считает, что и солнце сияет, потому что Марсдон пернул, и никто не может его разубедить. Ничего не поделаешь!

— Как считаете, он победит?

— Господи, только не это, — говорит Лора. — Надеюсь, он проиграет. И с таким треском, что больше никогда не отважится повторить. Тогда, возможно, нам удастся вернуться к более-менее нормальной жизни.

* * *

Ренни плетется вверх по дороге к дому Пола. Куда еще она может здесь пойти? Пол мог бы и сказать ей, когда вернется, но вряд ли она может требовать от него какого-то отчета. Она для него всего лишь гостья. Случайный посетитель.

Тень на дорогу не падает, и асфальт чуть не плавится на солнце. В это время дня на верандах никого, и все же Ренни кажется, что за ней наблюдают. На полпути ее вдруг окружает стайка

девочек-школьниц, их около дюжины, они разного роста, но на всех плотные черные юбки и белые рубашки с длинными рукавами, в волосах белые ленты, и почти все босиком. Ничего не говоря и не объясняя, две девочки берут ее за руки, с обеих сторон. Остальные смеются и кружатся вокруг нее, разглядывая ее платье, сандалии, сумочку, прическу.

— Ты живешь где-то рядом? — спрашивает Ренни одну из них, ту, которая держит ее за правую руку. Девчушке лет шесть, и, когда Ренни обратилась прямо к ней, она застеснялась; но руку не отпускает.

— У тебя есть доллар? — спрашивает та, что слева. Но девочка постарше одергивает ее.

— Не приставай!

— Вы что, родственницы? — спрашивает Ренни.

И одна из девочек пускается объяснять: вот это сестры, это кузины, а эти кузины, только не их, а вот этих.

— У них один папа, но другая мама…

Когда они доходят до ворот у дома Пола, девочки как по команде отпускают ее руки: значит, они прекрасно знают, что она живет здесь. Они смотрят, как она поднимается по ступеням, и

хихикают.

У Ренни нет ключа, но дверь не заперта. До недавнего времени, рассказывал Пол, не надо было запирать дверь, и он так привык. Ренни идет и ложится в гамак, покачивается, убивая время.

Примерно через полчаса является невысокая мулатка в зеленом платье с огромными желтыми бабочками. Она кивает Ренни, не удостаивая ее другими знаками внимания. Она протирает стол, моет посуду, вытирает досуха и убирает в шкаф. Потом идет в спальню и снимает белье, несет его в сад и там стирает, вручную, в большом красном пластиковом корыте, набрав воду из цистерны с водой и открыв маленький кран. Она полощет белье и развешивает на веревке. Потом снова исчезает в спальне. «Чтобы застелить постель», — думает Ренни. Она все качается в гамаке и смотрит. Наверное, ей стоило притвориться, что она занята чем-то важным, но чем, и ей ужасно неловко — она почти физически ощущает, каково это, прибираться после еды и секса других людей. Она чувствует себя лишней, одновременно невидимой и выставленной на обозрение: как предмет настолько обыденный, что никто на него и не смотрит. Женщина выходит из спальни, держа в руках розовые трусики Ренни, еще с

вечера. Видимо, собралась постирать и их.

— Я сама, — говорит Ренни.

Та кидает на нее косой взгляд, полный презрения, кладет трусики на кухонную панель, снова кивает и уходит в сторону дороги.

Ренни поднимается, запирает дверь и смешивает себе коктейль. Потом ложится на кровать, под сетку, она лишь немного вздремнет. Кто-то касается ее шеи. Пол. Безликий незнакомец.

* * *

Идет дождь; капли стучат по жестяной крыше крохотными молоточками. Огромные листья за окном колышутся на ветру, шелестят, словно по полу волочат тяжелую ткань. Там, снаружи, кто-то беснуется.

Ренни ненасытна и немного печальна, словно это последний раз. Все больше и больше пустота дома напоминает ей вокзал. Зал ожидания, в котором прощаются. Пол слишком нежен, и это нежность мужчины, который завтра уходит на войну. И ждет этого с нетерпением. «Жди меня» — вот самые подходящие слова, и он их произносит; но у него в мыслях нет, что это должно относиться и к нему. Она не знает, куда он едет.

Он крепко хранит тайну.

— Будь я благороден, — произносит Пол, — я бы велел тебе сесть на первый катер на Сент-Антуан, там — на ближайший рейс на Барбадос и вернуться домой.

Ренни поцеловала его за ухом. Кожа у него там сухая, соленая, волосы серебрятся.

— И почему же? — спрашивает она.

— Так будет безопаснее, — говорит Пол.

— Для кого — для тебя или меня? — спрашивает Ренни. Она думает, он говорит об их отношениях. Что это своего рода признание. Это ее окрыляет.

— Для тебя, — говорит он. — Ты слишком проникаешься всем этим, а это плохо.

Ренни застывает. «Глубокое проникновение» — приходит ей в голову.

Он улыбается ей, смотрит на нее своими ярко-голубыми глазами, и она думает: «Можно ли вообще верить хоть одному его слову?»

— Улетай, голубка, — говорит он ей, так нежно.

— Я не хочу возвращаться, — говорит она.

— Прошу тебя.

— Ты что, хочешь от меня избавиться? — спрашивает она.

— Нет, — отвечает Пол. — Может, я просто говорю глупости. Может, я хочу хотя бы раз поступить

по-хорошему.

Ренни чувствует, что способна сама сделать выбор, она не нуждается в чьих-то решениях. В любом случае она не желает быть «поступком» Пола. Ни хорошим, ни плохим.

Она представляет свое возвращение. Тряска в самолете до Барбадоса, ожидание в душном аэропорту в компании секретарш, только что прилетевших или ожидающих пересадки, одиноких, полных надежд и смутных ожиданий; затем лайнер и снова аэропорт, стерильный, идеально прямоугольный. Снаружи будет холодно, серо, ветер будет пахнуть бензином. Люди в городе, закутанные в теплые куртки, будут торопливо бежать по тротуарам, опустив головы, и лица их будут не округлыми и открытыми, как у нормальных людей, но узкими и бледными, скособоченными, как крысиные мордочки. И никто не смотрит другому в глаза. Что она там забыла?

* * *

Джейк приехал, чтобы забрать свои костюмы, свои книги и картины. Внизу стояла машина его новой пассии, его собственная была в ремонте. Он не сказал, находится ли в машине сама пассия, а Ренни не спрашивала. «Пассия» — это был новый

термин. Ее он никогда не называл пассией.

Он сделал несколько ходок, вверх-вниз по лестнице, снова вверх, а Ренни сидела на кухне и пила кофе. С крючков над плитой исчезло несколько кастрюль-сковородок, на их месте виднелись идеально круглые бледно-желтые нимбы, воспоминание о былом жире. Теперь ей придется самой думать, что есть. Раньше всегда решал Джейк — даже когда была ее очередь готовить, решал он. Он тащил домой все подряд — кости, старые сморщенные сосиски в мучнистой оболочке, ужасные вонючие сыры — и настаивал, чтобы она попробовала. «Жизнь — это импровизация, — говорил он. — Испытывай себя на прочность».

Прочность Ренни износилась, больше не осталось ни капли. Уж для Джейка точно, вот он, стоит в дверях с глупым видом, держит в руках синий носок и спрашивает ее: ты не видела второй? Домашние привычки еще не утратили над ними власть, они висели пылью в солнечных лучах, долгим послевкусием. Ренни ответила, что нет, но пусть поищет в ванной, за корзиной для грязного. Он вышел из кухни, и она услышала, как он там копается. Надо было ей куда-нибудь уйти на это время, не оставаться дома, как-то

по-другому это устроить.

Она старается не думать про его пассию, у нее нет никакого права ревновать. Ренни не знает, как выглядит эта женщина. Для нее это лишь тело без головы, в черном пеньюаре, а может без. Как и для Джейка, возможно. «Что такое женщина? — спросил он однажды. — Голова с вагиной в придачу или, наоборот, вагина с головой? Зависит от того, с какого конца приступаешь». Между ними был уговор, что это просто шутки. Новая пассия простиралась перед ней, словно будущее, некое пространство, пустота, куда теперь Джейк бросается стремглав ночь за ночью, как бросался в нее, каждый раз отчаянно и без остатка, словно с утеса в бездну. Вот почему она чувствовала тоску. «Интересно, — думала Ренни, — каково это, уметь вот так нырять в другого, в чужое тело, в эту тьму. Женщины так не могут. Напротив, это в них вторгается тьма». Ренни никак не могла понять, что общего между желанием и безрассудством самого акта, она тоже испытывала безрассудное желание — и вот финалом ее освещенная солнцем, застывшая в одной позе фигура за кухонным столом.

Джейк снова в дверях. Ренни не хочет на него смотреть. Она знает, что там увидит, — то же

самое, что он видит в ней. Несчастье, и куда более огромное, чем они могли себе вообразить. Но какое может быть несчастье, ведь это понятие было вне пределов их договоренностей? Никаких привязанностей, никаких клятв, так они решили. Что же в таком случае было счастьем?

Ренни думает, рассказать ли ему про мужчину с веревкой. Думает не без задней мысли, пусть помучается от угрызений совести, только поэтому она и стала бы рассказывать. Что с ним будет, когда он представит, как одна из его любимых эротических фантазий разгуливает на свободе, рычит и прыгает на четвереньках? *«Я знаю грань между игрой и реальностью,* — говорил он, — *между желанием и потребностью*». Просто она все не так понимала.

Ренни ничего не сказала; она не встала и не бросилась ему на шею, не пожала ему руку. Она не хотела жалости, поэтому ничего не сделала. Сидела, вцепившись обеими руками в чашку, словно в розетку, источник своей жизненной энергии, и не могла двинуться с места. Это и называется «напоказ», это и есть горе? Что с ними стало — просто два неживых тела! Но что поделать, если нет ни желания, ни потребности, которые она вроде как должна чувствовать, что

тут поделать? Ренни сжала руки вместе, чтобы не трепыхались. Она вспомнила свою бабушку, руки вот так сцеплены, голова склонилась над правильной, безрадостной индейкой, слова благословения.

— Будь здорова, — сказал Джейк, но в том-то и была проблема. Он не мог принять, что она нездорова. А какой кайф играть в эти игры с ходячим инвалидом. Никакого, да и нечестно это.

* * *

На следующее утро после окончательного ухода Джейка Ренни не встала с постели. Просто не нашла причины. Она лежала и думала о Дэниеле. Он для нее фантазия, это правда: фантазия об отсутствии фантазии, о норме. Думать о нем было утешительно, словно сосать большой палец. Она представляла, как он просыпается, переворачивается на другой бок, выключает будильник, овладевает своей беременной женой, лица которой Ренни не видит, осторожно, вдумчиво, но все-таки в темпе, ведь уже утро и у него много дел. Она не кончает, но они оба к этому привыкли, обязательно кончит в другой раз, когда у Дэниела будет больше времени. Потом он принимает душ, пьет кофе, черный без сахара, чашку передает ему

жена, через дверь ванной, глядя на него, бреющегося, в зеркало и не видя ничего того, что видит в нем Ренни. Вот Дэниел одевается в очередной повседневный костюм, завязывает шнурки.

В три пополудни Ренни звонит ему, на работу, где он должен сейчас находиться, и оставляет свой номер медсестре — та сказала, что он на вызове. Она никогда так не делала. Она знает, что поступает подло, но мысли о Дэниеле вытащили наружу весь запас дурного, который в ней накопился. А Дэниел, у него такая чистая подноготная, такие розовенькие уши, он весь такой хороший!

Дэниел перезвонил ей через пятнадцать минут, и она изо всех сил старается произвести впечатление человека на грани самоубийства. Она не говорит этого прямо, она бы не зашла так далеко, но она знает, что единственный способ заманить Дэниела к себе домой — это дать ему шанс спасти ее. Впрочем, она плакала, и вполне натурально.

Она хотела, чтобы Дэниел взял ее за руку, похлопал по спине, побыл с ней. У него это так хорошо получалось. Она уже ничего другого и не ждала. Она оделась, застелила постель, почистила зубы, причесалась, как хорошая девочка — по крайней мере, в этом. Пусть Дэниел придет и выдаст ей золотую звездочку.

Он постучал в дверь, она открыла, вот он. Но перед ней стоял незнакомый человек. В нем был гнев, страх, но не было желания. Она все-таки зашла слишком далеко.

«Никогда так больше не делай», — сказал он. И это все, что она услышала.

Она думала, он знает, что с ней такое. Но нет, не повезло.

И вот Ренни лежит на кровати, более-менее в порядке, а Дэниел надевает ботинки. Она видит его голову сбоку, изгиб шеи. На самом деле это ему было что-то нужно от нее, она не могла в это поверить и не могла простить. Она так привыкла к мысли, что это она нуждается в нем, но оказалось — наоборот. Ему было стыдно перед самим собой, а это последнее, чего она бы хотела. Ей казалось, для Дэниела она долгожданный, но запретный отпуск. Она чувствовала себя одинокой соломинкой, чувствовала, что тонет. Что ее изнасиловали.

«Вот что означает „терминальная стадия“, — подумала она. — Привыкай, дорогая».

* * *

Они занимаются любовью, потом Ренни заво-

рачивается в полотенце и идет на кухню. И видит ящерицу песочного цвета, с огромными темными глазами, она ловит муравьев, которые крадутся к банке с патокой. Ренни съедает три куска хлеба с джемом и выпивает полпинты молока. Пол говорил, некоторые местные уверены, раз на пакете написано «долгого хранения», значит, оно и жизнь продлевает.

Ренни возвращается в спальню, переступает через брошенную на пол одежду. Пол лежит на спине, заведя руки за голову, ноги раздвинуты, смотрит в потолок. Ренни забирается под москитную сетку и сворачивается клубочком рядом. Она облизывает впадину вокруг его пупка, на вкус кожа влажная и соленая, но он почти не замечает. Тогда она проводит рукой по его телу, ласкает. Он заморгал и слегка улыбнулся. Волосы у него на груди седые, и этот признак возраста как-то успокаивает Ренни: в конце концов, люди и должны стареть, изменяться, изнашиваться. Но не портиться — а созревать. Его прошлое, само время так пометило его.

Ей хочется расспросить его про жену. Ведь это явно она — дом, лужайка и домашнее платье приложение к ней, к чему еще. Но ей не хочется признаваться, что она шарила по его ящикам.

— Ты был женат? — спрашивает Ренни.

— Да, — отвечает Пол.

Он не продолжает, поэтому Ренни берет инициативу:

— И что произошло?

Пол улыбается.

— Ей не нравился мой образ жизни. Она говорила, нет чувства защищенности. Дело, конечно, не в финансах. После Ближнего Востока я вернулся и попытался стать обывателем, но когда живешь совсем иначе, день за днем, и никогда не знаешь, может, сегодня тебя разнесет в клочья, та, другая жизнь кажется фальшивой, какой-то ненастоящей. Меня совершенно не привлекали «миссии» вроде отвезти машину в автосервис перед зимой и все прочее. Даже дети не удержали.

— Значит, тебя заводит только опасность, — говорит Ренни. — Поэтому ты занялся перевозкой наркотиков?

Он снова улыбается.

— Возможно. А может, дело в деньгах. Это куда доходнее продажи недвижимости. Вторая по объему статья импорта в США после нефти. Конечно, я не рискую сверх необходимого. — Он берет ее руку, направляет вниз, закрывает глаза. — Вот почему я все еще жив.

— Что тебе снится? — спрашивает Ренни через некоторое время. Ей правда хочется знать, а это опасный симптом — значит, он ей небезразличен.

Пол отвечает не сразу.

— Почти ничего, — говорит он. — Думаю, я разучился видеть сны. Просто не хватает на это времени.

— Всем снятся сны, — говорит Ренни. — Почему все мужчины так не любят рассказывать, что им снится?

Пол повернул голову и посмотрел на нее. Он все еще улыбается, но явно напрягся.

— Вот поэтому я и не смог оставаться в Штатах, — сказал он. — Когда я вернулся туда, все женщины точно так и разговаривали. Каждое предложение у них начиналось со слов: «Почему все мужчины…»

Ренни чувствует, что он ее не понял и в чем-то обвиняет.

— А что в этом такого? Может, нам хочется знать, — говорит она.

— В этом нет ничего такого, — отвечает Пол. — Каждый может говорить все, что он хочет. Но никакой закон не обязывает меня это слушать.

Ренни продолжает ласкать его, но чувствует

обиду.

— Прости, что спросила об этом, — говорит она.

Пол обнимает ее.

— Пойми, я ничего не имею против женщин, — говорит он. («На положенном месте», — добавляет про себя Ренни.) — Но когда ты годами наблюдаешь, как люди умирают — женщины, дети, мужчины — от голода или потому что их убивают из-за того, что они жалуются на голод, у тебя просто нет времени выслушивать дамочек, сидящих кружком и спорящих о том, нужно брить ноги или нет.

Ренни будто попала в засаду — и отступает.

— Это уже устарело, — говорит она. — Сейчас женщин интересуют другие идеи.

— Так я об этом и говорю, — возражает Пол. — «Идеи»! Отправившись туда впервые, я тоже верил во все понятия, которые мне внушили. Демократия, свобода и прочее до кучи. Но эти «ключики» во многих местах на Земле просто не работают, а что работает — никто не знает. Там нет плохих и хороших парней, ты не можешь ни на что положиться, нет ничего незыблемого, всё — во власти импровизации. А идеи — это просто оправдание.

— Для чего? — спрашивает Ренни. Ее руки все еще лежат у него на груди, но гладить она перестала.

— Чтобы избавляться от неугодных тебе людей, — отвечает Пол. — Есть люди, обладающие властью, и те, у кого ее нет. Иногда они меняются местами, вот и все.

— К каким же относишься ты?

— Ну, я хорошо питаюсь, значит, скорее к первым. Но я — индивидуальный предприниматель. Фрилансер, как и ты.

— Ты не принимаешь меня всерьез, так? — спрашивает Ренни с грустью. Ей хочется, чтобы он поговорил с ней о себе.

— Только не начинай, — говорит он. — Ты же в отпуске. — Он перекатывается, ложится на нее. — Вот вернешься домой, тогда другой разговор.

Когда-то Ренни умела предсказывать мужчин. Она могла точно угадать, как вот этот конкретный мужчина поступит в данном случае. И когда она знала, когда была абсолютно уверена, ей оставалось только выждать время, и он так поступал. Когда-то она думала, что знает, каково большинство мужчин, знает, что им нужно и какой от них ждать реакции. Она думала, что существует это самое «большинство мужчин», но

теперь уже не думает. Она бросила думать, что произойдет потом.

Она обнимает его. Она попробует снова. Пора бы уже знать.

* * *

Пол вынимает из холодильника две рыбьи тушки, одну ярко-красную, другую сине-зеленоватую, с загнутым клювом, как у попугая. Потрошит их большим ножом с черной ручкой и промывает под краном в саду. Ренни чувствует запах рыбы из гамака. Не самый приятный запах. Она вдруг понимает, что еще ни разу не выбралась на здешний пляж. Ей хочется поваляться на песке, чтобы солнце прокалило ее с ног до головы, чтобы в ней не осталось ничего, кроме ослепительного света. Но она знает о последствиях: головная боль и кожа, как у сухофрукта. Однако прогресс есть, сегодня она надела шорты.

Веранду оплетает плющ, на нем бело-кремовые цветы, роскошные, чашеобразные, фантастические. С перил на нее уставились две сине-зеленые ящерицы. Дорога внизу пуста.

Пол положил тушки на пол и вскарабкался на ближайшее дерево. Вскоре он спускается с папайей в руке. Против воли Ренни приходят на

ум бойскауты. Чего доброго, дальше он примется учить ее завязывать узлы.

Закат, он здесь стремительный; темнеет. Ренни идет в дом. Пол готовит рыбу с луком в небольшом количестве воды, но от помощи отказывается.

— Значит, ты думала, что я церэушник, — говорит он, когда они сели за стол.

Ренни не столько удивлена, сколько напугана. Она к этому не готова и роняет вилку.

— Это Лора тебе рассказала, — говорит она.

Пол развлекается.

— Забавное совпадение. Потому что мы подозревали в этом тебя.

— Что?! — восклицает Ренни. — Что за бред!

Она уже не удивляется; она готова взорваться.

— Посуди сама, — говорит Пол. — Такое удобное прикрытие: вроде как статья о путешествиях, фотокамера. Но трудно поверить — кому нужны статьи про эту дыру. Далее, первый, с кем ты знакомишься, оказывается основным соперником действующего президента на выборах. Доктор Пескарь. Вряд ли кто-то из участников процесса назовет это случайностью.

— Да я почти не знаю его! — говорит Ренни.

— Я объясняю, как это выглядит со стороны, — замечает Пол. — «Найди шпиона» — это местная

народная игра. Кастро вовсю использовал туристов, и теперь это делают все кому не лень. К тому же ЦРУ нередко использует граждан других стран. Как местных, так и приезжих. Мы знали, что они кого-то пришлют. Или уже прислали. Здесь постоянно присутствует один-два агента, а при моем бизнесе знать их необходимо.

— Значит, все-таки Эбботы ни при чем, — говорит Ренни. — Я и не верила, уж больно они старые и милые.

— Ну вообще-то при чем, — говорит Пол. — Но их отозвали. Тот, кто приедет им на смену, должен вести более активную деятельность. Это мог быть кто угодно.

— Но чтобы я… Да брось!

— Мы должны были проверить.

— А кто это «мы»? — спрашивает Ренни. — Лора, полагаю.

Все проясняется. Они взялись за нее почти сразу, как она сошла с трапа. Сначала Пол в ресторане. Гляделки, все такое. Потом Лора, на морской прогулке. Эти двое практически не упускали ее из виду. Возможно, один из них следил за ней и сообщал другому, чтобы всегда знать, куда она направляется.

— Лора весьма полезна, — говорит Пол.

— А кто забрался в мой номер? — спрашивает Ренни. Точно не он, в это время они вместе ужинали в «Дрифтвуде».

— К тебе кто-то забрался? — отвечает Пол. Ренни не может понять, он правда удивлен или притворяется.

— Да, все обшарил. В том числе коробку — ту, что у тебя в другой спальне.

— Я не знаю, кто это сделал, — говорит Пол. — Но хотел бы узнать.

— Если ты думал, что я агент, зачем позволил, чтобы я забрала эту коробку?

— Ну во-первых, их мало волнует торговля дурью, — отвечает Пол. — Они хотят знать, чем ты пробавляешься, лишь для того, чтобы иметь возможность использовать это в своих целях, заставить тебя что-то для них сделать. А так им по барабану. Их интересует политика. Но полиция, что околачивается в аэропорту, это другое. Лора им примелькалась, это уже шестая коробка, что мы переправляем. Нужен был новый человек, сам я ехать не хотел. И потом, женщины всегда лучше, их труднее заподозрить. Если ты не агент — ну и славно, никто не пострадает; если, конечно, тебя не арестуют. А если агент, значит, уже знаешь, что в коробке, но все равно согласишься,

ты же не хочешь терять контакт. В любом случае оружие будет у меня.

— Так оно было для тебя?

— В моем бизнесе без него никак, — говорит Пол. — В тебя стреляют, и тебе рано или поздно придется отстреливаться. Одно время мне возили их из Колумбии, со спиленным серийным номером, но пушки американские. «Военная помощь»; их можно было достать у продажных генералов, которые не прочь подзаработать на стороне. Но я потерял тот корабль, а вместе с ним своего человека. План с Элвой был про запас. У нее действительно есть дочь в Нью-Йорке. Так что было нетрудно отправлять ее туда с суммой наличными. Эти ребята любят наличку. Правда, она не знала, на что деньги. И не знала, что в коробках.

— Как это потерял? — спросила Ренни.

— Он затонул, а генерала пристрелили, — ответил Пол. — Я нашел замену, но это заняло какое-то время.

— Кто же в тебя стреляет? — Ренни изо всех сил старается отделаться от мысли, как все это романтично. Мальчики играют в войнушку, ха-ха. Вот он рассказывает ей эти байки — что это, как не бравада? Но ей интересно, есть ли в нем дырки

от пуль. Если да, ей хочется их увидеть.

— Кто только не стреляет, — говорит Пол. — Но я — сам по себе. Никто не любит одиночек, все стремятся к монополии.

Ренни берет вилку в руку и начинает отделять мясо своей рыбы от костей.

— Так вот к чему все это, — говорит она.

— Что — это?

— Траходром, — Ренни все равно с трудом даются грубости. — Ты просто проверял меня.

— Глупости, — говорит Пол. — Вообще, это Марсдон все придумал, у него паранойя насчет ЦРУ, просто мания. Он требовал, чтобы мы избавились от тебя как можно быстрее. Но сам я сразу в это не поверил.

Не такого ответа ждала Ренни. Она хотела, чтобы он сказал, как много она значит для него.

— Почему же? — спрашивает она.

— С тобой все было ясно, — говорит Пол. — Ты совершала поступки без всякой задней мысли. Была слишком вежлива. Слишком наивна. И слишком доступна. В общем, ты слишком явно этого хотела. А я вижу, когда женщина притворяется.

Ренни очень медленно кладет вилку обратно на тарелку. Он использовал против нее запре-

щенное оружие, и это — ее собственное желание. Но зачем он так?

— Я помою посуду, — говорит она.

* * *

Ренни наполняет раковину горячей водой из чайника. Пол во второй спальне, он закрыл за собой дверь. Сказал, что хочет узнать, кто побеждает на выборах. Местная политика, сама понимаешь. Это никак тебя не касается. Ренни слышит рокот голосов, треск помех. Она очищает тарелки от рыбьих костей и вдруг слышит на лестнице шаги. Их слишком много, нет, она не сумеет одна с ними справиться. Она вытирает руки кухонным полотенцем, потом идет и стучит в дверь спальни.

— Пол! — зовет она. Чувствуя себя женой. Никчемной.

Ренни сидит в спальне, где она хочет быть и где, по мнению Пола, ей и следует быть. А в гостиной между тем идет горячая перепалка. Стали известны результаты выборов: у Эллиса семь мест, у доктора Пескаря шесть, у Принца — два. Ренни умеет считать. Да и все в гостиной тоже, и все же шесть и два — это именно шесть и два.

Впрочем, ее это совершенно не касается. Так сказал Пол, и она ему верит. Она читает книги, которые он где-то для нее раздобыл, один Бог ведает где, это прямо-таки музейные экземпляры, детективы серии «Делл Мистери» сороковых годов, с логотипом в виде глаза в замочной скважине, с картой места преступления на задней обложке и списком действующих лиц на первой странице. Страницы у книг пожелтевшие, кое-где пошли волной, видимо, побывали в воде, и пахнут плесенью. Ренни прочитывает список героев и пытается угадать, кого из них убьют. Потом дочитывает до убийства и пытается угадать, кто убийца, а потом заглядывает в самый конец, чтобы проверить свои догадки. У нее не хватает терпения вникать в клубок улик и умозаключений.

— И ты позволишь этому уроду выиграть? — это Марсдон, он почти срывается на визг. — Позволишь облапошить тебя? Он столько лет предает народ, теперь и ты решил его предать?

Доктор Пескарь говорит речь; его голос то тише, то громче, тише, громче. В конце концов, у него больше опыта, да и мест больше, он будет лидером оппозиции как минимум. Почему он должен уступить эту честь Принцу? Он не может

позволить «Партии справедливости» пойти по пути Кастро.

— Кастро! — визжит Марсдон. — Да подавись ты своим Кастро! Принц тебе не Кастро!

— Почему они здесь? — спросила Ренни.

— Я — посредник, — ответил Пол.

Ренни хочется попросить их убавить звук. С убийцами ей не слишком везет, зато жертв она угадывает процентов на восемьдесят: две блондинки с бледной прозрачной кожей, со ртами, словно алые раны, и литой грудью, набухшей под платьем, и две темпераментные рыженькие с зелеными, полными страсти глазами и кожей цвета взбитых сливок, каждая заботливо уложена на полу или на кровати, словно на натюрморте, тела не полностью обнажены, но одежда в беспорядке, что намекает на изнасилование, хотя в сороковых никаких изнасилований не было; с *лиловыми* следами пальцев на горле — «лиловый», любимый эпитет, — или со все еще сочащейся раной, как правило, на левой груди. Мертвые, но не поруганные. Очевидцы, что их находят (среди них два горячих ирландца, один грек, двое простоватых американцев), описывают каждое тело в малейших деталях, сладострастно, словно языком вылизывают; плоть женщин,

которая совершенно беззащитна, ибо мертва. Каждый выражает искреннее возмущение по поводу убийства, хотя сама жертва его и спровоцировала. Ренни это лицемерное возмущение кажется невинным до слез. Старомодным, вроде лобызания рук.

* * *

Через какое-то время Ренни слышит, как отодвигают стулья, затем настает тишина. В спальню входит Пол и начинает раздеваться, словно не случилось ровным счетом ничего. Сначала он стягивает футболку, бросает ее на пол. Она уже привыкла к этой повадке. Она подсчитала: она знает его пять дней.

— Что случилось? — спрашивает она. — Что они тут делали?

— Договаривались, — говорит Пол. — Доктор победил. Пятнадцать минут назад он объявлен новым премьер-министром. Все отправились праздновать.

— Неужели Марсдон сдался?

— Нет. Не совсем так. Он сказал, что соглашается на это ради блага народа. Возник небольшой спор о том, какой именно «народ», но это было ожидаемо.

— Принц что, можно сказать, отрекся?

— Принц вообще ничего не сделал, — ответил Пол. — За него все делал Марсдон. Сам он станет министром по туризму, а для Принца они выторговали кресло министра юстиции. Вот почему Марсдон особо не сопротивлялся. Он хочет увидеть выражение лица нынешнего министра юстиции.

Он уходит в ванную, Ренни слышит, как он чистит зубы.

— Ты как будто не слишком доволен! — кричит она.

Пол возвращается. Он идет тяжелой поступью, направляясь к постели. А он старше, чем ей казалось.

— А с какой стати мне быть довольным?

— Доктор Пескарь хороший человек, — говорит Ренни.

И это правда, доктор — хороший, добрый человек, и не его вина, что от его доброты ей не по себе. Как будто общаешься с человеком на диете — от этого ей всегда ужасно хочется шоколада или настоящих жирных взбитых сливок.

— Хорошие люди часто как шило в заднице, — говорит Пол. — С ними трудно иметь дело. Он ведь политик, а значит, должен использовать

свои возможности, по-другому не бывает, но он, кажется, не слишком к этому рвется. Он верит в демократию, в честную игру, во все эти *идеи*, которые побросали здесь британцы вместе с крикетом, он искренне верит в этот бред. Он считает, что оружие — это зло.

— А ты как думаешь? — спрашивает Ренни.

Пол сидит на краю кровати, словно ему не хочется ложиться.

— Это не имеет никакого значения, — говорит он. — Я нейтрален. Сейчас важно то, что думает противная сторона. Что думает Эллис.

— И что же думает Эллис?

— Это еще предстоит узнать. Но ему все это не понравится.

— А что Принц? — спрашивает Ренни.

— Принц — мечтатель. Он поставляет народу веру. Он думает, что это — все что нужно.

Наконец Пол забирается в постель, под москитную сетку, заправляет ее и поворачивается к Ренни. Он устал, это видно, и внезапно кажется Ренни таким провинциальным. Ему бы полосатую пижаму, а потом сердечный приступ — и картинка бы сложилась. Впрочем, не он сам производит такое впечатление. Это включилась ее собственная — фальшивая — заботливость. Зав-

тра она сядет на дневной катер, а все, что будет до этого, — лишь отсрочка. Может, сказать ему, что у нее болит голова. Ей бы не помешало выспаться.

И все же не следует отказывать людям в великом праве сомневаться, по крайней мере, есть такая теория. За ней должок: именно он вернул Ренни ее собственное тело, не так ли? Хотя сам он об этом не знает. Ренни обнимает его. В конце концов, секс дарит утешение. Дело хорошее.

— Что тебе снится? — спрашивает Ренни.

Это ее последнее желание, и ей правда хочется знать.

— Я уже говорил, — отвечает Пол.

— Но это неправда, — говорит Ренни.

Пол лежит молча.

— Мне снится яма в земле, — наконец говорит он.

— А еще что?

— Ничего. Просто яма, по ее краям набросана земля. Яма большая, окруженная деревьями. Я иду к ней. Рядом лежит груда обуви.

— И что дальше?

— Я просыпаюсь.

* * *

Ренни слышит звук, еще не понимая, что это. Сначала она думает, что это дождь. Дождь и правда идет, но дело не в нем. Пол вскакивает с кровати первым. Ренни идет в ванную, чтобы завернуться в большое полотенце. Стук в дверь не прекращается, голос настойчив.

Войдя в гостиную, она видит Пола, абсолютно голого, а на его шее повисла Лора. Мокрая до нитки.

Ренни стоит с приоткрытым ртом, придерживая полотенце, а Пол борется с Лорой, отрывает ее от себя и встряхивает за плечи обеими руками. Она рыдает.

— О господи… Боже мой…

— Что случилось? Ей плохо? — спрашивает Ренни.

— Доктора застрелили, — говорит Пол, через голову Лоры.

Ренни похолодела.

— Не может быть!

У нее примерно такое ощущение, будто ей сообщили, что на Землю только что высадились марсиане. Наверняка это розыгрыш, неудачная шутка.

— В него стреляли сзади, — говорит Лора. — В затылок! Прямо с дороги, ужас!

— Кто мог это сделать? — говорит Ренни.

Она вспоминает тех мужчин, что следили за ней, в зеркальных очках. Потом старается переключить мысли на что-то практическое. Наверное, стоит приготовить чай — для Лоры.

— Одевайся, — бросает ей Пол.

Лора снова плачет.

— Вот паскууудство! Суууки… Я подумать не могла, что они способны на такое!..

* * *

Доктор Пескарь лежит в закрытом гробу в гостиной. Гроб простой, из темного дерева; он стоит на двух кухонных стульях, как на двух опорах. На крышке гроба лежит пара ножниц, открытых, — интересно, так нужно для какого-то ритуала, для неизвестной ей церемонии или кто-то просто их там забыл?

Гроб напоминает сценический реквизит, символ в какой-нибудь идиотской морализаторской пьесе; только никто не объяснил, в чем мораль. Кажется, вот-вот откинется крышка и доктор сядет, улыбаясь и кивая, будто разыграл превосходный скетч. Только этого не происходит.

Ренни в гостиной вместе с остальными женщинами, они сидят кто на стульях, кто на полу, дети спят у них на коленях, или стоят, прислонившись к стене. Сейчас час ночи. В кухне тоже женщины, они варят кофе и выкладывают на тарелки еду, которую принесли гостьи, Ренни видит их в дверной проем. Очень похоже на Гризвольд, на похороны ее бабушки, только там ели после похорон, а не до, и пели псалмы в церкви. А здесь всё делают, когда захочется: одна начинает петь, другие подхватывают, поют в три голоса. Кто-то аккомпанирует на губной гармошке.

Жена доктора сидит на почетном месте, рядом с гробом; она плачет без остановки и не делает никакой попытки сдерживаться, и никто не выражает неодобрения. В этом тоже отличие от Гризвольда: всхлипывать было дозволено, в платок, но ни в коем случае не рыдать в голос, демонстрируя неприкрытое горе, не пряча лица. Это непристойно. Если кто-то вел себя подобным образом, ему давали таблетку и отправляли наверх «полежать».

— Почему это случиться! — повторяла жена снова и снова. — Почему это случиться!

Элва сидит рядом, держа ее руку в ладонях, и участливо поглаживает ее, массируя пальцы.

— Я приняла его в этот мир. Мне и провожать его, — говорит она.

Из кухни выходят две женщины с подносом, на котором стоят чашки с горячим кофе. Ренни берет чашку, кусочек бананового хлеба и кокосовое печенье. Это уже второй кофе. Она сидит на полу, подобрав под себя ноги; они начинают затекать.

Она чувствует себя виноватой и ненужной. Она думает об обломке истории, который лежит сейчас в гробу, загубленный, с дыркой в голове. Ей кажется, это ужасно обидная смерть; теперь-то она понимает, почему он хотел, чтобы она написала об этом статью: чтобы хоть немного снизить вероятность такого исхода.

— Может, нужно что-то сделать? — шепотом спрашивает она Лору, примостившуюся рядом.

— Понятия не имею, — отвечает та. — Я никогда не бывала на таких сходках.

— Долго это продлится?

— Всю ночь.

— Почему это случиться! — плачет жена.

— Пришло его время, — говорит кто-то.

— Нет, — говорит Элва. — Здесь вмешался Иуда.

Женщины беспокойно задвигались. Кто-то затягивает:

Благословен Иисус, о мой прекрасный,
Сладчайший вкус Божественных Небес,
Спаситель любимый, свыше нам данный,
Омыт любовью всеблагой.

Ренни становится не по себе. В комнате жарко и слишком много народу, запах корицы, кофе и пота — сладкий, душный, нездоровый запах, воздух кипит от эмоций, и все настолько напоминает Гризвольд, что просто невыносимо. «От чего она умерла, бедняжка? — От рака, да будет воля Его». Такие вот там велись диалоги. Ренни поднимается как можно тише и крадется по стеночке к выходу и на улицу, к счастью, дверь оказалась открытой.

Мужчины собрались на веранде, которая опоясывает дом с трех сторон. Пьют они не кофе; в неверном ночном освещении поблескивают бутылки, которые передаются из рук в руки. Ниже, в саду, еще больше мужчин, целая толпа, сборище, некоторые держат факелы, их голоса резки, неспокойны.

Пол тоже там, он стоит в стороне, его белое лицо сразу выделяется. Он видит Ренни, быстро хватает ее и подталкивает к стене.

— Ты должна быть в доме, вместе с женщинами.

Ренни хочется думать, что это не принижение, а свидетельство его заботы.

— Там дышать невозможно, — говорит она. — Что здесь творится?

— Пока ничего, — отвечает Пол. — Но все в дикой ярости. Ведь Пескарь родом отсюда, с Сент-Агаты. Здесь полно его родственников.

Кто-то приносит стул и ставит на веранду у самых перил. На него встает мужчина и смотрит на обращенные к нему снизу лица. Это Марсдон. Ропот смолкает.

— Кто убил этого человека? — говорит он.

— Эллис! — выкрикнул кто-то, и толпа подхватывает: — Эллис! Эллис!

— Иуда! — говорит Марсдон, точнее, уже кричит.

— Иуда! Иуда!

Марсдон поднимает обе руки вверх, и скандирование стихает.

— Доколе? — продолжает Марсдон. — Доколе? Сколько еще нужно трупов? Пескарь был хороший человек. Мы что, будем ждать, пока он прикончит нас всех? Мы много раз просили, но ничего не получили. И теперь возьмем все сами!

Крики, вопли ярости, затем чей-то чистый голос:

— Долой Вавилон!

Там, внизу, во тьме, начинается движение. Марсдон наклоняется и снова выпрямляется. У него в руках — небольшой ручной пулемет.

— Проклятье. Я же их предупреждал, — говорит Пол.

— О чем? — говорит Ренни. — Что они намерены делать?

Она чувствует, как забилось сердце, она ничего не понимает. Вот оно, «глубокое проникновение».

— У них мало оружия, вот в чем все дело, — говорит Пол. — И я не знаю, где Принц, он должен их остановить.

— А если не остановит?

— Тогда ему придется их возглавить. — Пол отрывается от стены. — Лучше возвращайся домой.

— Я не знаю дороги, — говорит Ренни.

— Лора знает, — говорит Пол.

— А как же ты?

— Не волнуйся. Я не пропаду.

* * *

Они идут задами, Лора впереди, Ренни за ней. По мнению Лоры, единственный верный путь — в обход. Под ногами сплошная грязь из-за дождя, но они уже не выбирают более сухой путь, идут прямо по лужам — слишком спешат, да и темно. Единственный источник света — окна небольших блочных домов, выходящих на улочки и стоящих на расстоянии друг от друга. Главная дорога пустынна, активное движение происходит дальше, на улицах, что ближе к морю. Они слышат крики, звон разбитого стекла.

— Витрины банков, — говорит Лора. — Чтоб мне провалиться.

Они переходят на другую сторону. Рядом мелькают факелы.

— Главное не попасться им на глаза, вот мой девиз, — говорит Лора. — В темноте любая добыча — твоя. Потом они, может, извинятся, но тогда уже поздно, верно? Кому надо, сведут старые счеты, не важно, по поводу чего буча.

Теперь слышна стрельба, прерывистое стаккато, и почти сразу свет в окнах мигает и гаснет, а гул голосов сникает, замирает.

— Это на электростанции, — говорит Лора. —

Они захватят ее, потом здание полиции — на Сент-Агате всего-то двое копов, так что особо возиться не придется. А больше здесь и захватывать нечего. Ну, может, разнесут бар «Лаймового дерева» и нажрутся в хлам.

— Я ничего не вижу, — говорит Ренни.

Ее сандалии все в грязи, подол платья вымок. Ей не столько страшно, сколько противно. Вся эта буря в стакане воды, битье стекол — подростковый бунт, не более.

— Да брось, — говорит Лора, хватает Ренни за руку и тащит за собой. — Скоро они будут здесь, они ищут людей Эллиса. Пойдем по тропинке.

Ренни еле поспевает следом. Она совершенно не ориентируется, она понятия не имеет, где они, здесь даже звезды не на своем месте. Луна скрылась, и они продвигаются небыстро. Ее гладят тяжелые от намокших цветов ветки, запахи вокруг до сих пор чужие. Они продираются через листву, скользя по мокрой земле. Внизу под ними главная дорога. Сквозь заросли видно, что теперь по ней уже движутся огни — фонариков, факелов — и мелькают человеческие фигуры. Похоже на карнавал.

Когда они наконец добираются до дома, то видят, что он стоит темный.

— Черт, мы заперли дверь, когда выходили, а ключ-то у Пола. Придется ее взломать.

Но Лора уже толкает дверь, и та поддается.

— Открыто! — восклицает она.

Как только они заходят, их ослепляет внезапный луч света, направленный прямо в глаза. Ренни чуть не вскрикнула.

— А, это вы, — говорит Пол. Он опускает фонарь.

— Как тебе удалось добраться раньше нас, нахрен? — спрашивает Лора.

— На джипе, — говорит Пол и обращается к Ренни: — Собирай вещи.

— А где Принц? — спрашивает Лора.

— Там, внизу. Геройствует, — отвечает Пол. — Обоих полицейских связали бельевой веревкой и собираются провозгласить независимое государство. Марсдон составляет прокламацию, а потом они хотят зачитать ее по моему радио. Уже попросили о признании Гренаду. Есть даже отчаянные головы, говорящие о захвате Сент-Антуана.

— Ну это ты загнул, — говорит Лора. — Каким макаром они собираются это сделать?

— На рыболовных суднах. Плюс на всем, что им удастся захватить. В полицейском участке они удерживают группу шведских туристов и

тех двух немок — те еще дадут им прикурить, кстати. Восставшие их «реквизировали». Они заложники.

— А ты не можешь их остановить? — спросила Лора.

— Думаешь, я не пытался? Они больше не желают меня слушать. Они считают, что победили. Все вышло из-под контроля. Иди в спальню, — говорит он Ренни. — Собери свои вещи. Там есть свеча. Я отвезу тебя на Сент-Антуан, и ты улетишь первым же утренним рейсом. А ты, если не дура, улетишь вместе с ней, — обращается он к Лоре. — Твой паспорт еще действителен.

Ренни позволяет ему распоряжаться. В конце концов, здесь его вотчина и его бизнес; кто, как не он, должен знать, что делать дальше. Она надеется, что он знает.

Она на ощупь добирается до спальни. Сборы недолги. Почти как в отеле. Та же пустота, та же меланхоличная аура пространства, которое использовали, но в котором не жили. Кровать в беспорядке, в спешке покинутая. Она не помнит, чтобы спала в ней.

* * *

Джип стоит у дороги перед домом. Они спускаются по ступеням, в спешке, дорогу им освещает фонарик.

У Пола в руках ручной пулемет; он несет его обыденно, как коробку с завтраком. Пулемет похож на игрушечный. «Такие дарят на Рождество маленьким мальчикам», — думает Ренни. Она не может поверить, что он может стрелять, разве что резиновыми пулями. Ей страшно, но даже страх кажется сейчас чем-то неуместным. В самом деле, не может же им угрожать реальная опасность. Она усердно старается вызвать в себе раздражение: пусть ей лучше кажется, что ее отдых досадно прервался.

Прямо перед тем, как сесть за руль, Пол забрасывает в сад камней какой-то предмет.

— Что это было? — спрашивает Лора.

— Я радио угробил, — говорит Пол. — Но сначала позвонил на свои катера. Они в открытом море. Не хочу, чтобы кто-то сообщил на Сент-Антуан и нас встречала на берегу почетная делегация.

— Кто, например? — спрашивает Лора.

— Есть у меня кое-кто на примете, — отвечает Пол.

Заурчал мотор, зажглись фары, и они помчались по дороге, абсолютно пустой. Пол немного не доезжает до города и паркуется у каменной стены.

— Идите к берегу и ждите меня у причала, — говорит он. — Встретимся там минут через пятнадцать. Я только добуду катер.

— Твои же все в море, — говорит Лора.

— Я не говорю, что мой, — говорит Пол. — Угоню что-нибудь.

Он сейчас моложе и энергичнее, раньше Ренни его таким не видела. «Это его стихия», — подумала она. Вот почему мы вечно попадаем в передряги: парни это обожают.

Он помогает им перелезть через стену, потом передает Ренни ее сумки. Та, что с камерой, кажется ей совершенно лишней: что сейчас она может снять-то?

— Молчи, — говорит ей Лора.

Ренни понимает, где они: в саду отеля «Лаймовое дерево». Они нашли тропинку и на ощупь двигаются по ней. В отеле темно и ни звука; кое-где в окнах мелькает свеча. В баре пусто, терраса усыпана битым стеклом. Вдоль берега, по направлению к городу, поют. Но только мужчины, и поют они не псалмы.

Сейчас отлив, и мокрый песок тянется на несколько ярдов в море. Волны таинственно мерцают. Ренни хочет полюбоваться, она слышала об эффекте фосфоресцирования.

— Лезь вниз, — велит Лора.

— Господи, ты серьезно? — говорит Ренни. Ей не улыбается карабкаться среди крабов и улиток.

— Лезь, — говорит Лора; точнее, почти шипит. Она явно не шутит.

Причал построен на прибрежных скалах, которые еще не обтесало море; расстояние между камнями и деревянным настилом всего в пару футов. Они с Лорой, скрючившись, забираются под него. Ренни все еще прижимает к себе свои сумки, две большие и маленькую. Она даже не знает, от кого они, собственно, прячутся.

Встает луна, скоро полнолуние; сквозь щели в настиле пробивается бледно-серый свет, отбрасывая полосатые тени. Ренни думает, как бы сейчас было хорошо принять горячую ванну и поесть. Ей хочется с кем-нибудь вместе пообедать, например с Иокастой, и рассказать о своем приключении. Но это не тянет даже на занятный рассказ, это на уровне «меня задержали на таможне», потому что она, строго говоря, лишь испытала некоторые неудобства.

Наконец они слышат шум мотора, вот он стих, снова затарахтел, приближаясь.

— Это он! — говорит Лора, и они выбираются из-под причала наружу.

На стуле посреди террасы восседает Марсдон, положив одну ногу щиколоткой на другую, как всегда, выставляя напоказ свои сапоги. Его пулемет направлен прямо на них. Позади него две безмолвные фигуры.

— Ну и куда вы собрались? — говорит он.

Катер полиции Сент-Антуана привязан к пристани у «Лаймового дерева», он грациозно покачивается на волнах вверх-вниз. Пол сидит за круглым деревянным столом напротив Марсдона. Он насквозь мокрый, ведь до катера он добирался вплавь. Между ними на столе бутылка рома. У каждого по стакану, у каждого по ручному пулемету. Двое других мужчин у бара. С ними женщина, очень пьяная, она лежит прямо на полу, среди битого стекла, что-то напевает; юбка задрана до бедер, она то раздвигает, то сдвигает ноги. Еще на двух стульях сидят Ренни и Лора.

Пол и Марсдон торгуются, за них. Пол хочет увезти Ренни на Сент-Антуан, а Марсдон против. Он вообще не желает, чтобы кто-то покидал остров. Кроме того, он хочет больше оружия. Пол ему

обещал, говорит Марсдон, и ему уже заплачено; пора доставить заказ. Он же посредник!

— Я уже объяснил, в чем проблема, — говорит Пол. — Придется подождать. Я жду партию на следующей неделе.

— Как мы можем ждать? — в нетерпении воскликнул Марсдон. — Когда на Сент-Антуане прознают, что Пескаря пристрелили, они же во всем обвинят нас!

И он цинично предлагает Полу продать его единственный пулемет в обмен на «гарантию безопасности». Пол отказывается.

Ренни понимает, кто она в данный момент: объект переговоров. Внезапно ей становится очевидна суть рыцарских романов: девы были лишь предлогом. Настоящий бизнес делали на драконах. «Все, дорогая, курортный романчик завершен. Поцелуй ничего не значит, — сказала бы Иокаста. — И скажи спасибо, что тебя герпесом не наградили».

Ренни слушает, пытаясь уследить за ходом разговора. Она чувствует себя заложницей и потому — странное ощущение — не может повлиять на собственную участь. За нее решают другие люди. А так ли плохо остаться на Сент-Агате? Она может поселиться в «Лаймовом дереве», заявить, что она

иностранный корреспондент, и слать депеши, что бы ни означало это слово.

Но, возможно, это Пол хочет, чтобы она уехала, убралась отсюда; может, это лишь предлог.

— Ты меня переоцениваешь, — говорит он Марсдону.

— Не зли его, — еле слышно произносит Лора.

Марсдон посмотрел на Ренни, на этот раз он ее «видит». Его движения уверенны, он как будто спокоен, но крайне возбужден, его глаза сияют в лунном свете. Он не видит ее целиком — лишь по частям, как расчлененную. А потом снова теряет интерес.

— Принесешь оружие — забираешь ее, — говорит он.

— Не пойдет, — отвечает Пол.

Мужчин все больше, они прибывают со стороны пляжа, из города; некоторые несут факелы. Один из них подходит к столику и кладет руку на плечо Марсдона.

— Я готов сказать речь, — говорит он.

Ренни понимает — должно быть, это и есть Принц. Раньше она его не видела. Лицо его в тени, но голос молодой, моложе, чем она предполагала, ему лет девятнадцать.

— Я не стал бы этого делать, будь я на твоем

месте, — сказал Пол.

Принц повернул голову, оставаясь в тени.

— Почему?

— Ты примерно представляешь, что случится потом? — спрашивает Пол.

— Мы совершили революцию, — говорит Принц со спокойной уверенностью ребенка, назубок выучившего урок. — Гренада нас признала. Утром они пришлют нам людей и оружие.

— С чего ты это взял?

Профиль Принца теперь обращен к Марсдону.

— По радио передали, — отвечает тот.

— Ты сам это слышал? — спрашивает Пол Принца.

Марсдон резко встает со стула.

— Хочешь сказать, что я лжец?

Вокруг них уже много мужчин; напряжение их сплотило.

— Уплывай на Гренаду, — говорит Пол Принцу. — На любом корыте. Прямо сейчас, не дожидаясь утра. Если повезет, они позволят тебе там остаться.

— Ты враг революции, — заявляет Марсдон.

— Херня это, — говорит Пол. — Ты просто ищешь предлог, чтобы прострелить мне голову, как бедняге Доктору.

— Что ты хочешь сказать? — говорит Принц.

— Сложи два и два, — отвечает Пол. — Он и есть новый агент. Ты был подставным, с самого начала.

Повисла пауза. Ренни закрыла глаза. Какая-то гигантская масса словно придавила всех, она еле может вздохнуть. Она слышит ночные шорохи, отголоски музыки, шум волн, вечный, привычный. И вдруг все пришло в движение.

«Господи, кто-нибудь переключите канал», — думает Ренни.

* * *

Ренни идет вдоль причала Сент-Антуана. С ней все хорошо. Почти рассвело. Здешняя электростанция исправна, и гирлянда тусклых лампочек освещает им путь. Ее немного мутит, голова кружится — они часа полтора болтались у берега, катер шел наперерез волнам, борясь с ними, — удар, резкое падение вниз, приступ тошноты, потом «американские горки», глухой плеск и хруст в спине, позвонок налезает на позвонок, а желудок мотается внутри по своим законам. Она терпела, стараясь думать о серьезных вещах, держать голову вверх и смотреть на луну или на новую волну, что катилась на них, светясь в ночи;

по ней градом струился пот, несмотря на ветер, и она гадала, когда же ее стошнит, и сдерживалась изо всех сил. В конце концов, он же ее спасал.

— Ты не можешь сбавить скорость? — крикнула она Полу.

— Так будет еще хуже! — ответил он ей, улыбаясь во весь рот.

Даже в эту минуту она его забавляла.

У причала он заглушил двигатель и буквально вышвырнул ее на берег вместе с багажом, тут же развернулся и устремился в море. Прощального поцелуя не случилось, но, честно говоря, она сейчас и не хотела ни к чему прикасаться ртом. Они лишь коснулись друг друга руками и все. Ей только было неловко, что она не успела сказать спасибо.

Пол направлялся к югу, обратно на Сент-Агату. Он хотел пересесть на один из своих катеров, в другой бухте.

— А как же Лора? — спросила Ренни.

— У нее был выбор, — сказал Пол. — Она захотела остаться с Принцем. Я не могу сражаться со всей полицией Сент-Антуана ради одной лишь Лоры. Она сумеет о себе позаботиться.

Ренни уже ничего не понимает. Она знает одно: она здесь, самолет вылетает в шесть, и ей нужно

попасть на него, а она больше не может идти. Она садится на причал и опускает голову между колен, надеясь, что земля наконец перестанет уплывать из-под ее ног.

Она слышит треск мотора, он постепенно замирает, досаждая не больше, чем зудение насекомого. Раздается новый звук, ужасно громкий, похожий на перестрелку в полицейском сериале, которую слышишь через стену в соседнем номере. Ренни зажимает уши ладонями. Вот сейчас ей станет лучше, и она пойдет в «Сансет Инн», заберет свой паспорт и, если повезет, выпьет чашку кофе, хотя шансы на это невелики. Потом она возьмет такси до аэропорта — и поминай как звали.

Она сидела так, пока не почувствовала, что готова; и продолжила путь. Навстречу попадаются люди, сплошь мужчины; лишь один остановил ее, предложив переспать, и спокойно воспринял отказ. Здесь никто не стреляет, видимо, никто пока ничего не слышал, кажется, все как обычно. Мужчин все больше, они бегут мимо нее к причалу.

Совсем рассвело; где-то рядом поют петухи. Наконец — Ренни кажется, прошла вечность, — она добралась до отеля; проходит в ворота, поднима-

ется по ступеням; теперь нужно заплатить за все время, что она здесь не жила, и за всю еду, что она не съела. Она даже спорить не хочет, просто дает свою кредитку. Пользуйся сейчас, плати потом.

Англичанка на своем посту, как всегда, при полном параде; на ней блузка цвета авокадо. Возможно, она вообще никогда не спит.

— Я хочу рассчитаться, — говорит ей Ренни. — И забрать паспорт, он в сейфе. Пожалуйста, вызовите мне такси.

Англичанка смотрит на нее с откровенной издевкой, смотрит властным взглядом человека, для которого сообщать плохие новости — наслаждение.

— Собираетесь лететь утренним рейсом? — спрашивает она Ренни.

Та говорит, да.

— Его отменили, — говорит англичанка. — Все рейсы отменили. Аэропорт закрыт.

— Это правда? — Ренни похолодела.

— Объявлено чрезвычайное положение, — гордо сообщает англичанка. — На Сент-Агате произошел переворот. Но вы, должно быть, и сами прекрасно знаете. Вы же только что оттуда, верно?

Ренни лежит на кровати. Хотя бы кровать у нее

есть. Она упала на нее, даже не сняв одежду, но настолько изнурена, что не может уснуть. Теперь ей придется сидеть в «Сансет Инн», на родине бежевого соуса, пока снова не начнут летать самолеты. Она чувствует себя отрезанной от мира.

За окном яркий день, дверь ее номера, которую она закрыла на ключ, распахнута. В дверях стоят двое полицейских. В руках оружие, на лицах улыбки. Позади них стоит англичанка, скрестив руки на груди. Ренни садится на постели.

— Что такое?

— Вы арестованы, — говорит один полицейский, с розовыми щеками.

— За что? — спрашивает Ренни. Она чувствует, что от нее ждут поведения разгневанной туристки.

— По подозрению, — говорит второй.

— Но в чем? — Ренни все еще полусонная. — Я ничего не сделала! — Дело не может быть в коробке с пулеметом, они бы сказали. — Я пишу статью о путешествии. Можете позвонить в журнал, там подтвердят! В рабочее время. Он находится в Торонто. «Вайзор» называется, — добавляет она.

Все это звучит фальшиво, даже для нее. Торонто вообще существует? Они явно не первые, кто в этом усомнится. Она думает про свой почти

пустой блокнот, у нее нет доказательств.

Полицейские подходят ближе. Англичанка смотрит на нее, Ренни знаком этот взгляд — он из давнего прошлого, из ночного кошмара. «Зловещий».

VI

— Я знала, что это полный бред, — говорит Лора. — Я всегда так считала. Тот, кто умирает за свою страну, глуп как пробка, это мое мнение. А помирать за такую страну, как эта, — глупость в квадрате. Черт возьми, да она длиной в три мили! Я всегда считала, что все они тут психи. Но как им это доказать?

Пусть Эллис старый пьянчуга, говорила я Принцу, можешь думать, что раз его никто не видел уже двадцать лет, то он безвреден; но если ты думаешь, что он отдаст тебе власть без боя, ты просто рехнулся. Но тут вмешивался Марсдон, гнал что-то про жертву ради всеобщего блага, и Принц всегда попадался на его удочку. Он чудесный парень, очень добрый, ему по душе такие речи, и, хотя я бы не хотела жить в стране во главе с Марсдоном, он далеко не дурак и умел выставить меня эдакой бессердечной белой сучкой, которой на все плевать, лишь бы ошиваться рядом с Принцем.

Может, мне давно нужно было свалить, но, если честно, я была уверена, что они просто развлека-

ются — собираются где-то ночью, обсуждают свои тайны, ну типа как масоны, знаешь? Я никогда не верила, что они на что-то способны. «Нужно менять систему», — твердил Марсдон. А мне какой интерес, отвечала я. Меня она устраивает идеально. Это ты политикам впаривай. Я-то уверена, что мир был бы куда чище, если бы собрать политиков, всех до одного, и упечь в психушку, где им самое место. Это Принцу ты можешь пудрить мозги, только не мне, я-то знаю, чего ты хочешь на самом деле: убивать людей без помех и чтобы люди твердили тебе, что так и надо. Ты же дрочишь от этого! Меня от тебя тошнит.

Я всегда знала, что Марсдон воткнет мне нож в спину, как только представится случай, да и любому другому — он тот еще сукин сын, — но если ты затеял войну, наверное, тебе нужен чувак, которому убить человека — как чихнуть, ведь лес рубят — щепки летят.

Просто их было мало, и они не были готовы. Да будь у них все время в мире, они бы все равно не справились. Пол часто говорил Марсдону: «Ты хочешь стать Кастро, но по-быстрому», — и тот бесился, потому что это было в самую точку. У них и пушек-то не было, пока Пол им не привез. Хотя и это была идея Марсдона. Пол не знал, что

Марсдон агент. По крайней мере, до убийства Пескаря. «Если хочешь укрыться на холмах — даже не думай, — говорил Пол. — Пошлют два вертолета — и готово, земля там сухая, спрятаться негде, одни колючки». Но они вроде как решили, что, раз они правы, этого достаточно. Главное — избавиться от Эллиса. Никто не спорит, это было бы мило, но есть же здравый смысл, нет? Ну то есть мне хочется иногда быть свободной как птица, но я же не стану прыгать с высокой крыши. Я слышала историю про одного мужика, который подорвался в собственном туалете, он сел там на пустую канистру, закурил сигарету и бросил внутрь спичку. Кто же знал, что его жена недавно вылила туда остатки растворителя? Я хочу сказать, вот как бывает. А знаешь почему? Они безумцы. А порой безумцы способны на большее, чем нормальные люди. Может, потому что искренне верят в это.

Ренни думает: «Интересно, где мой паспорт». Без него она словно голая — она не может доказать, что она именно та, за кого себя выдает. Но она надеется, что эти люди тоже верят во власть закона, и наутро, когда они выяснят, что она здесь, и поймут, кто она, то сразу ее выпустят.

Лора резко шлепает себя.

— Проклятые комары! Одних людей они любят, других нет. Думаешь, что постепенно привыкнешь, но ни хрена. Ну ладно, у нас хотя бы есть крыша над головой. Могло быть гораздо хуже.

Ренни старается не думать, что именно Лора имеет в виду.

* * *

— В участке была небольшая перестрелка, так, ничего серьезного, — сообщила Лора. — А на электростанции никого не было. Полиция прочесала весь остров, что было нетрудно — учитывая его размеры; они хватали каждого, кто прятался, или пытался убежать, или просто шел по улице. Имена главарей они знали и хотели арестовать всех, кто с ними в родстве, но это значит — всех жителей острова, здесь все друг другу родственники.

Они связали мужчин — желтыми нейлоновыми веревками, ими здесь пользуются повсюду, на кораблях и не только, потом связали их вместе по три-четыре человека и побросали такими связками друг на друга в трюм, как погрузили. Женщинам только руки связали за спиной, соединили по двое и оставили стоять. Когда мы добрались до Сент-Антуана, на причале уже собралась огромная толпа, по радио с утра обо всем

этом трещали, мол, проклятые коммунисты, а когда из трюма вытащили связанных мужчин, люди на улицах стали кричать: «Повесить их! Убить!» Прямо рукопашный бой.

Полицейские доставили нас на вокзал и спустили в подвал, там цементный пол. Мужчин связали в длинную цепь, человек пятьдесят-шестьдесят, и стали их бить, палками, ногами, ужас. Женщин тоже били, но не так сильно. Меня там не было, меня отвели в отдельную комнату и стали задавать вопросы про Принца. Кстати, он тоже где-то здесь.

После этого их облили холодной водой из ведра и заперли, мокрых и замерзших, без туалета, без еды, а потом всех перевезли сюда. Им не предъявили никаких обвинений, потому что так и не въехали, что же предъявить. По радио выступил министр юстиции и заявил, что никакого насилия не было, что люди получили синяки и ссадины, потому что падали, когда убегали. А потом объявили чрезвычайное положение, и все вообще стало законно. Теперь они могут забрать у тебя все, что захотят, машину и так далее, и еще комендантский час ввели. Никто не знает, надолго ли.

Они сказали, что Доктора убили повстанцы, что

его убил Принц. Люди верят тому, что слышат в новостях, а кто расскажет им правду? Они верят Эллису, потому что так проще.

Для него это идеальный момент: теперь он вправе сделать что угодно с любым, кто ему не по нраву, и никто ничего ему не предъявит еще долгие годы. А подумай, сколько иностранных бабок он сейчас огребет! Ураган — тоже неплохо, но это в сто раз лучше.

Нам с тобой повезло. Другие сидят по семь-восемь в камере. Некоторые понятия не имеют, почему их сюда бросили, полиция просто вломилась с пушками к ним домой и забрала их. Они даже не знали, что случилось, даже не догадывались, просто попались под руку.

* * *

Их камера пять на семь футов, с высоким потолком. Каменные стены сырые, холодные и склизкие на ощупь, словно на них растет плесень. Ренни опирается спиной о стену, и та стала влажной. С момента приезда сюда она впервые чувствует холод.

Пол тоже каменный и сырой, кроме одного угла, в нем они и сидят. В дальнем конце дверь из металлических прутьев, она открывается в

коридор, там горит свет — он пробивается сквозь прутья. На стене надпись: «ДОЛОЙ ВАВИЛОН. ЛЮБОВЬ ВСЕМ». На стене напротив двери находится зарешеченное окошко, довольно высоко. В небе луна. В комнате больше ничего, только красное пластиковое ведро, новое и пустое. Его назначение очевидно; ни Ренни, ни Лора пока им не пользовались.

— Как ты думаешь, нас долго здесь продержат? — спрашивает Ренни.

Лора рассмеялась.

— А ты куда-то торопишься? Если да, не говори им. И вообще, вопрос не в том, долго или нет, а в том, что с тобой сделают. — Она затягивается и выпускает облачко дыма. — Тропический рай. Во всей красе.

Ренни странно, что Лоре оставили и сигареты, и даже спички. Впрочем, гореть здесь нечему, сплошной камень.

Ей не хватает колоды карт или книги. Довольно светло, вполне можно читать. Она чувствует запах сигарет, а еще — слабый душок тела и дезодоранта, почти испарившегося, от них обеих. У нее начинает болеть голова. Она бы все сейчас отдала за номер в «Холидей Инн». Она мечтает лежать и смотреть телевизор, слишком долго

она была оторвана от реальности. С ведерком попкорна.

— Время знаешь? — спрашивает Лора.

— Часы у меня забрали, — говорит Ренни. — Наверное, сейчас около одиннадцати.

— Всего-то?

— Мы могли бы поспать. Хорошо бы свет погасили, — говорит Ренни.

— Да, — отвечает Лора. — Ты хочешь спать?

— Нет.

* * *

Они в положении «хуже не бывает». Это Ренни так считает, а для Лоры это «обычная фигня». Она так прямо и говорит, с серьезным и гордым видом.

— Для меня это обычная фигня. Так и запиши в свой блокнот.

Но, видимо, так она пытается заглушить панику. Если они смогут продолжать разговаривать, то не сойдут с ума, думает Ренни.

Лора снова достает сигареты, закуривает и на этот раз выпускает струю дыма через ноздри.

— Хочешь сигарету? У меня осталось только две. Ой, я забыла, ты же не куришь!

Она делает паузу, ждет, что Ренни скажет что-

то в ответ. Пока Лора в основном развлекает себя сама. Ренни безуспешно пытается вспомнить случай из своей жизни, который мог бы заинтересовать Лору. Потому что в данный момент ее жизнь напоминает Ренни книгу, которую как-то дала ей Иокаста, опять же «новая волна», называлась «Смерть в стиральной машине», хотя в книге стиральные машины не упоминались. На 63-й странице главный герой упал со скалы, остальные страницы были белые.

Ренни рассказала Лоре про мужчину с веревкой. Она уверена, что Лора в ответ расскажет кое-что пожестче, ну там про маньяка с топором, зарубившего кучу народа.

— Псих, — говорит Лора. — Таких уродов надо не просто сажать, надо привязывать им к ногам бетонный блок и топить в море! Они выходят через двадцать лет и снова за старое. Был у меня один кадр, который хотел привязать меня к спинке кровати. А я сказала, еще чего! Хочешь кого-то привязать, я могу подкинуть пару вариантов, но со мной — дудки. Привяжи вон овцу или пару резиновых сапог, и вперед. Он вернулся?

— Нет, — сказала Ренни.

— По мне, лучше уж старое доброе изнасилование. Без извращений, конечно.

Ренни чувствует какой-то сбой в коммуникации. И вдруг понимает, что Лора говорит о реальном происшествии, с ней самой. Нисколько не стесняясь.

— О господи! — говорит она. — И что ты сделала?

— Сделала? У него был нож! — отвечает Лора. — К счастью, он ничего не порезал — включая меня. Я готова была выпороть сама себя, что поставила такие хилые замки на окна.

Ренни шокирована и понимает, что Лоре это приятно. Она упивается ее реакцией, как будто продемонстрировала нечто необычное, нечто среднее между достоинством и уродством, вроде гуттаперчевой гибкости. Или знак мужества — боевую рану или шрам от дуэли. Гордость того, кто выжил.

Ренни знает, что она должна чувствовать: сначала ужас, затем жалость. Но она не в силах даже думать об этом. Вместо этого она досадует, что неспособна никого развлечь. Истории Лоры куда прикольнее.

* * *

Ренни видит, как рот Лоры открывается и закрывается, разглядывает никотиновые пятна

на ее когда-то идеальных зубах, словно смотрит кино без звука. Она думает: «Лора не очень мне нравится; и никогда особо не нравилась. Пожалуй, она мне именно что *не нравится*». У них же нет ничего общего, кроме того, что они сидят здесь. И к моменту, когда они выйдут отсюда, Лора будет нравиться ей еще меньше.

— Боже правый, ты только послушай! — воскликнула Лора. — Вот сидим тут прямо на голом полу и обсуждаем мужиков и перетрах — прости за грубость — прямо как школьницы, только тогда мы обсуждали мальчиков.

— А что еще нам остается? — говорит Ренни с иронией. В конце концов, это из-за Лоры они здесь оказались. Но ей хоть бы хны.

— Знаешь, если бы здесь сидели двое парней, думаешь они бы баб обсуждали? — говорит она. — Будь уверена, они бы вырыли тоннель и задушили бы охранника, напав сзади. Ну, как в кино. — Она встала, потянулась и сказала: — Мне надо по-маленькому. По крайней мере, нам не приходится облегчаться прямо на пол. Хотя, похоже, кто-то до нас уже попробовал. Ну и вонь!

Она стянула трусики и села на ведро, расправив фиолетовую юбку по краям. Отвернувшись к стене, Ренни слушает звук, с которым струя уда-

ряет в пластик. Она старается не думать, чем Лора подотрется, потому что выбор невелик — либо юбка, либо рука.

Ренни сидит, поджав колени, она мерзнет. Если они лягут на пол, то промокнут, поэтому продолжают сидеть спиной к стене. Сквозь прутья двери струится свет, его не гасят, спать невозможно. Ренни опускает голову на колени и закрывает глаза.

— Посмотри-ка, что там за окном, — говорит Лора. — Я тебя подсажу.

Ренни открывает глаза. Она не понимает, зачем это, но надо же чем-то заняться. Лора наклоняется, сложив руки лодочкой, Ренни встает на них правой ногой, Лора выпрямляется — и Ренни удается дотянуться до прутьев решетки. Она подтягивается, и ее голова оказывается выше нижнего края.

Она видит двор, окруженный стеной, и напротив какое-то здание. Окошко находится почти вровень с землей; все заросло сорняками, в лунном свете они похожи на снежные джунгли. Среди них нелепой древней башней высится виселица на платформе. Ренни знает, где они. С трех сторон двор окружает морская гладь, четвертая — здание, где они сидят. Стоит слабый запах

свинарника. Во дворе никого нет.

— Ничего интересного, — сказала Ренни, когда слезла.

Лора потирает ладони.

— А ты тяжелее, чем кажешься на вид.

Они снова садятся. Минут через пять или полчаса над ними, за окном, слышится странный звук. Какая-то возня, писк.

— Крысы, — говорит Лора. — Здесь их называют «кокосовые мыши». В основном они едят кокосы.

Ренни решает сосредоточиться на чем-то другом и зажмуривается: она знает, есть вещи, о которых она просто должна стараться не думать. Например, ее собственная слабость; или — что с ней могут сделать другие.

Она чувствует плечо Лоры; и это успокаивает. Она представляет себе холодильники, белые, прохладные, набитые самыми обычными продуктами: бутылками, пакетами молока, всякими коробочками, вот ароматные бумажные кулечки кофе, вот яйца, аккуратно расставленные в держателе. Она представляет пылесосы, хромированные краны и ванны, целый магазин ванн, мыло пастельного цвета в обертках с названиями английских трав, приятные мелочи.

* * *

А Лора все говорит. Но Ренни ее не слушает, ее все больше мучает голод. «Интересно, скоро ли утро», — думает она. Им должны принести что-то поесть, у нее сводит желудок, она надеется, что от голода.

В глазах у нее песок, она злится, что ей не удалось нормально поспать, это все Лора виновата, она хочет спать и пить. Ренни вспоминает, как однажды ей пришлось провести всю ночь на автобусной станции, когда она ехала домой на Рождество, автобусы не ходили из-за метели, и они сидели на станции в каком-то городке на полпути, где был закрыт буфет и не работали туалеты, там плохо пахло и не было никакой надежды, что автобус придет до утра, да и то неизвестно — нужно, чтобы ветер стих, тогда смогут почистить дороги; люди зевали и дремали, хныкали уставшие дети, кофемашина была неисправна. Но все бы ничего, если бы женщина, сидевшая рядом, в темно-розовой куртке и в бигуди, наконец замолчала, но нет, она говорит и говорит, тройни, полиомиелит, автокатастрофы, операция водянки, перитонит, внезапные смерти, мужья, бросающие жен, тетки, кузены,

сестры, несчастные случаи, запутанные кровные связи, распутать которые не представляется возможным, длинный перечень, одновременно скорбный и переполненный удивительной энергией, почти ликованием, словно женщина в страшном восторге от того, что способна вынести и упомнить такое количество бессмысленных трагедий. Прямо передача «Интимные признания». Ренни отключилась и стала рассматривать наряд женщины, спящей на скамейке напротив, голова у которой свесилась вниз: букетик из рождественских колокольчиков и серебряных шариков и крохотный пластиковый Санта, словно трофей на ее огромной налитой груди.

— Ты не слушаешь! — возмущенно говорит Лора.

— Прости. Я очень устала, — отвечает Ренни.

— Может, мне тогда вообще заткнуться, — говорит Лора. Кажется, она обиделась.

— Нет-нет, продолжай, — говорит Ренни. — Это очень интересно.

Может, скоро ее поведут на допрос — ведь именно это и должно произойти? И тогда она сможет все объяснить, она скажет, что это какая-то ошибка, что ей здесь не место. Ей нужно только немного потерпеть; рано или поздно что-нибудь

обязательно случится.

* * *

Ренни идет по улице, вдоль краснокирпичных домов, она здесь живет. Дома большие, квадратные, солидные, некоторые с террасами, а некоторые с резным крыльцом, выкрашенным в белый. Эти люди ухаживают за своими домами, гордятся ими. «Домовитые», — говорит бабушка Ренни, она сама из таких.

С Ренни ее мать и бабушка. Сегодня воскресенье, они были в церкви. Осень, листья меняют цвет, они желтые, оранжевые, красные, пока женщины идут, на них падают листья. Воздух прохладный, почти морозный, она так рада, что вернулась, она чувствует себя дома. Но никто не обращает на нее никакого внимания. У нее замерзли руки, и она поднимает их, чтобы посмотреть, но они не слушаются. Их нет.

— Вот так, — говорит мать. — Вот и ступеньки. Осторожно.

— Я не хочу умирать! — говорит бабушка. — Я хочу жить вечно!

Небо совсем темное, дует ветер, листья падают вниз, вот они, на белой шляпе бабушки, алые, мокрые.

* * *

Окошко над ними все ярче и ярче, вот оно уже превратилось в раскаленный квадрат. Ренни кажется, что она видит испарения, поднимающиеся от пола, от стен — и от красного ведра. Свет в коридоре по-прежнему горит. Лора спит, откинув голову в угол, ее рот приоткрыт, она храпит. Ренни понимает, что Лора разговаривает и во сне, правда неразборчиво.

Наконец в коридоре слышны шаги, затем лязг металла. Полицейский отпирает дверь; он в форменных брюках и рубашке разных оттенков синего, с плечевой кобурой. Ренни трясет Лору за руку. Может, они должны встать, из уважения, как вставали в школе, когда в класс входил учитель?

С полицейским еще один мужчина, на нем костюм гранитно-серого цвета. У него в руках ведро, красное, точно такое же, как и то, где происходит сейчас процесс брожения, две сложенные вместе пластиковые тарелки и две жестяные кружки. Он входит, ставит ведро и тарелки с кружками на пол, рядом с их ведром. Полицейский остается в коридоре.

— Привет, Стэнли, — говорит Лора, потирая

глаза.

Мужчина улыбается ей, стыдливо, словно испуганно, и быстро выходит. Полицейский снова запирает дверь, делая вид, что ничего не слышал.

На каждой тарелке кусочек хлеба с тоненьким слоем масла. Ренни смотрит в ведро. На дне коричневатая жидкость, она надеется, что это чай.

Она наливает немного в кружку и передает ее вместе с тарелкой Лоре.

— Спасибо, — говорит та. — Что это?

— Утренний чай, — говорит Ренни. Как бы то ни было, английские традиции живы.

Лора отпивает.

— Ты издеваешься? Уверена, что налила из нужного ведра?

Она выплевывает чай на пол.

Он соленый. Ренни думает, наверное, они ошиблись, перепутали соль с сахаром. Она выливает чай обратно в ведро и медленно жует свой хлеб.

* * *

В камере становится жарче. Ренни вспотела. Вонь от ведра почти невыносима. «Интересно, когда я перестану ее чувствовать, — думает Ренни. — Человек ведь привыкает ко всему».

Когда же приедет кто-то из начальства, с кем она может поговорить, поставить в известность о своем положении? Как только они узнают, что она здесь и кто она, они ее вытащат. Полицейский не похож на начальство. Она уверена, что ее должны освободить, но знает, что не все смотрят на ситуацию аналогично.

Примерно в полдень, судя по солнцу, двое других полицейских подходят к двери. Один чернокожий, второй красновато-коричневый. На вид они дружелюбнее, чем первый, они улыбаются и отпирают дверь.

— Бери ведро и иди с нами, — говорит красноватый.

Ренни решила, что он обращается к ней, и делает шаг вперед.

— Я бы хотела поговорить с вашим начальником, — произносит она.

— Говорить не с тобой, — грубо отвечает черный. — Вон с ней.

— Привет, Сэмми, — говорит Лора. — Ты давай полегче.

Она выходит с ними, унося ведро с мочой.

Лоры нет довольно долго. Возвращается она с пустым ведром. Ренни, которая воображала всякого рода ужасы, восклицает:

— Что случилось?

— Да ничего. Надо было опорожнить ведро. Там в земле яма. Я видела и других, они делали то же самое.

Она поставила ведро на прежнее место и вернулась в сухой угол, чтобы сесть.

— Принц этажом выше, — сказала она. — Они устроят нам с ним свидание, может, через пару дней.

Она явно рада, прямо в восторге. Ренни завидно. Ей бы тоже хотелось испытывать такие чувства.

— Ты представляешь? Марсдон попался, — сообщает Лора.

— О. Он тоже здесь?

— Ты не поняла, он мертв. Его застрелили.

— Там, на Сент-Агате? — спрашивает Ренни.

Она представляет, как Марсдон бежит вверх по холму через заросли в своих неудобных ковбойских сапогах, его преследуют человек десять, а в бухту заходит полицейский катер, они хотят схватить его, пока не поздно.

— Нет, — говорит Лора. — Говорят, это сделали копы. То есть Эллис.

— Я думала, он работал на ЦРУ, — говорит Ренни. — Как агент.

— Слухов ходит множество, — говорит Лора. —

ЦРУ, Эллис, какая разница? Короче, Эллис не хотел, чтобы Марсдон трепался, как он заварил кашу. Он хочет, чтобы все верили: это не шутки. Ничто так не побуждает США отстегивать бабки, как революция, и они уже это сделали, как и Канада, которая отвалила Эллису гигантскую сумму на́лом, так по радио передавали. «Иностранная помощь». Он может использовать бабки для финансирования своего наркотрафика. — Лора делает паузу, внимательно следя за Ренни. — Поговаривают, что Пескаря застрелил Пол.

— Ты сама в это не веришь, — говорит Ренни.

— Кто знает… — возражает Лора.

— Да зачем ему это?

— ЦРУ. Ведь именно он поставлял оружие Марсдону, сечешь?

— Да ладно!

Лора смеется.

— Ты ведь сама так считала, — говорит она. — Я просто передаю слухи. Хочешь еще?

— О чем? — спрашивает Ренни, не желая слышать ответ.

— Тебя считают шпионкой, — говорит Лора и хмыкает, довольно обидно.

— Кто? Полиция?

— Да все, — широко улыбаясь, говорит она. —

Осталось только выяснить чья.

— Откуда ты все это взяла? — говорит Ренни. — Бред какой-то.

Лора смотрит на нее и улыбается. Потом достает из кармана юбки новую пачку сигарет, «Бенсон и Хеджес», и коробок спичек.

— Да все оттуда, — говорит она. — Я же говорила, у меня есть связи.

Ренни осточертели эти загадки.

— Какие?

— Я дилер, ясно? И я заключила сделку.

— С кем, ради бога? — говорит Ренни, которая и правда не понимает.

— Да с этими двумя копами, — отвечает Лора. — Помнишь, приходили сюда? Мортон и Сэмми. Я знала, что рано или поздно они явятся. Им понадобилось время, чтобы все устроить, но теперь они над нами главные. Они не хотят, чтобы мы сидели с остальными. Они толкали товар для меня на Сент-Антуане, под моим крылышком. Никто не был в курсе, только Пол. Понятное дело, они не хотят, чтобы кто-нибудь здесь прознал об этом. — Она закуривает сигарету из новой пачки и бросает спичку на влажный пол. — Они держали под контролем поставки. Знали, что именно придет и когда, знали, что вместе с травой из

Колумбии идет оружие, знали, что находится в коробках Элвы, знали почти всё, не всё, но многое, и не трепались — да и не могли, ведь тогда все бы узнали об их делишках. Эллису бы это не понравилось. Он счел бы это изменой. Небольшой приработок на стороне — это он понимал, но не настолько внаглую. За это их бы только турнули. А за большие дела прикончили бы на месте. Так что я буквально держала их за яйца.

— Они могут нас вытащить? — спросила Ренни.

— Не хочу на них давить, стращать — они и так на взводе, — отвечала Лора. — Пока они хотят, чтобы я оставалась здесь, чтобы присматривать за мной. Они не хотят, чтобы кто-то перехватил меня и начал тянуть информацию; кто знает, одна затушенная о ногу сигарета — и я начну выдавать все пароли и явки. Но они должны хорошо обо мне заботиться, они знают, если я пойду ко дну, то не одна, я потащу их с собой.

— А что мешает им по-тихому закопать тебя во дворе? — спрашивает Ренни.

— Да ничего, — отвечает Лора. Она смеется. — Чистый блеф. Я сказала им, что у меня есть человечек на свободе и он все знает.

— А он есть?

— Как сказать, — ответила Лора. — Всегда есть Пол. Где бы он ни был.

Ни одна из них не хочет обсуждать эту тему.

* * *

Они едят, обед: принесли холодный рис и куриные спинки, вареные, но недоваренные — из них течет розовый сок. Лора вгрызается в них с наслаждением, облизывает пальцы. Ренни немного мутит.

— Можешь доесть мою порцию, — говорит она.

— Не выкидывать же, — говорит Лора.

— Можно попросить варить их подольше? — спрашивает Ренни.

— Кого?

Ренни не знает, что сказать. Но наверняка же есть ответственный.

— Могло быть гораздо хуже, вот мой девиз, — говорит Лора. — Где есть жизнь — там есть надежда. Это куда лучше того, чем многие люди едят у себя дома, подумай об этом.

Ренни пытается, но без особого успеха. Лора доедает курицу Ренни. Потом кидает кость в ведро, мимо, и вытирает руки о юбку. Ее ногти серые от грязи, кожа вокруг обкусана. Ренни отворачивается. Теперь здесь будут преть и вонять куриные

кости. Плюс ко всему остальному.

— Ты можешь сказать им насчет чая? — спрашивает Ренни.

— Чего? — говорит Лора с набитым ртом.

— Ну, насчет соли. Что они там перепутали.

— Еще чего, — отвечает Лора. — Ничего они не перепутали, таков приказ. Они спецом это делают.

— Но зачем? — спрашивает Ренни.

Плохая еда — это она понимает. Но соленый чай — это как-то нелепо. И подло.

Лора пожимает плечами.

— Потому что им по приколу, — говорит она.

* * *

Сумерки. Они поужинали — кусок хлеба, соленый чай, вода с привкусом прогорклого масла, по кружке на нос. И комары тут как тут. Ренни слышит, что там, за окошком с решеткой, во дворе гуляют свиньи; в прутья тычется любопытный пятачок.

Они молчат. Ренни чувствует запах немытых тел и удушливую вонь из ведра, у Лоры кончились сигареты, и она принялась обкусывать пальцы, Ренни видит это краем глаза; отталкива-

ющая привычка. У них обеих все кончилось, они сами на исходе. Она с трудом вспоминает, какой сегодня день, надо было начинать в первый же день — ставить отметины на стене, возможно, как раз сегодня заканчивается ее тур, двадцать один день. Может, кто-то уже ищет ее, возможно, ее спасут. Главное, не терять веры, и тогда это обязательно случится.

Она надеется, что скоро, а то она деградирует, вот прямо сейчас она так страстно мечтает о еде, и совсем не о деликатесах — например, салате из шпината с беконом и грибами и о бокале белого сухого; она спит и видит куриные наггетсы, гамбургеры из Макдоналдса, пончики, покрытые глазурью, со вкусом шоколада и с кокосовой стружкой, огромные порции натурального кофе, с гущей, у нее аж слюна потекла от этих мыслей, и еще чипсы и шоколадные батончики из киоска в метро, «Марс», изюм в шоколаде «Раунтри», она с наслаждением повторяет про себя эти названия. Да что это с ней? Ренни идет как сомнамбула по Янг-стрит[14], мимо одного заведения к другому. «Снак-Пак не Простак». Возможно, она сходит с ума.

---

[14] Примечания: 14
Центральная улица в длиной 56 километров.

Усилием воли она начинает собирать в уме пазл, верхнюю рамку, где плоская грань, как всегда, это небо, один кусочек идеально примыкает к другому и к следующему, сливаясь воедино, чистая синева.

* * *

— Постарайся достать нам расческу, — говорит Ренни. — Пожалуйста.

— Я уже пыталась, — говорит Лора. — Они говорят, люди режут ими вены. А им не нужны тут идиотские смерти, и провоцировать такое они не станут. Не дай бог еще церковь прицепится.

— А щетку?

— А деньги у тебя есть? — спрашивает Лора с улыбкой.

Ренни смотрит на нее: та похудела и превратилась совсем в замарашку, лучше слова не найти: блузка стала серой, фиолетовая юбка влажная, вся покрыта пятнами, под глазами темные круги; обе они воняют, на ноге у Лоры какая-то незаживающая болячка, волосы сальные. Ренни понимает, что и сама так выглядит. Она решила, что надо бы делать зарядку, но когда она предложила Лоре, та ответила: «Да зачем?» И у Ренни не хватило духу заниматься самой. Чего ей недоставало, так это

зубной щетки. И зеркала. И человека, который их спасет.

— Хочешь, я тебя заплету, — говорит она.

— Что? — отзывается Лора. Удержать ее внимание становится все труднее.

— Заплету тебе косы, — повторяет Ренни. — По крайней мере, волосы не будут путаться.

— Давай, — отвечает Лора.

Она явно нервничает, у нее опять кончились сигареты, кожа вокруг ногтей обкусана до мяса.

— Так хочется узнать какие-нибудь новости, — говорит она. — Здешним деятелям веры нет. Мне осточертело это место.

Ренни не припомнит, чтобы раньше Лора жаловалась. Это очень тревожный знак. Она начинает распутывать ее волосы, они похожи на моток шерсти.

— Осторожнее, — говорит Лора. — Ох, по крайней мере, у нас нет вшей.

— Да, — отвечает Ренни.

Они смеются идиотским смехом. Главное, безо всякой причины. Успокоившись, Ренни снова принимается за волосы Лоры. Она разделяет их на две равные спутанные части.

— Что тебе снится? — спрашивает она Лору.

— Да много чего, — отвечает та. — Как я плыву

на корабле. Иногда мать. Иногда снится, что у меня есть ребенок. Но я не понимаю, что с ним делать, да? Хотя я не против. Когда я выйду отсюда и Принц тоже, может, мы этим займемся. Впрочем, здесь рожать после двадцати пяти — как выставить себя на посмешище. Считается, ты старая. Но мне все равно, пусть смеются. Зато Элва обрадуется, она все время пилит меня: роди Принцу ребенка.

Ренни доплела одну косу, перешла ко второй.

— Жаль, у нас нет бисера, я бы сделала из тебя раста.

— Или фольги, — говорит Лора. — Иногда девушки закручивают кончики на фольгу. Когда ты выйдешь, можешь кое-что для меня сделать?

— Почему ты думаешь, что я выйду раньше тебя?

— Конечно, выйдешь, — говорит Лора, тоскливо, безнадежно, словно это непреложный, всем известный факт.

Ренни это почему-то не радует, наоборот, ей становится не по себе. Она закручивает косы вокруг головы Лоры.

— Ну вот. Теперь ты вылитая немецкая пастушка, — говорит она. — Правда, мне нечем их закрепить.

— Расскажи там про меня, — говорит Лора. — Расскажи им, что стряслось.

Ренни роняет одну косу.

— Кому рассказать?

— Не знаю. Кому-нибудь.

Лицо Лоры все в грязных потеках. Пожалуй, попозже они попробуют умыть друг дружку соленым чаем.

* * *

Ренни не может вспомнить, о чем обычно думают люди. Она пытается вспомнить, о чем обычно думала она сама, но не может. Есть прошлое, настоящее и будущее; но ничто ей не подходит. Настоящее одновременно и противно, и неправдоподобно; размышления о будущем будят в ней раздражение — словно самолет, который все нарезает и нарезает круги, но никак не может сесть. Пассажиры сидят, вцепившись в подлокотники, стараясь прогнать мысли о катастрофе. Она устала от страха, который все длится и длится и которому нет конца. А она мечтает о конце.

Она хочет вспомнить кого-нибудь, кого она любила, хочет вспомнить, каково это было — любить. Получается со скрипом. Она пытается представить себе тело, тело Джейка, как она

делала раньше, но оказывается, она помнит его очень смутно. С чего она вообще взяла, что он существует? У нее нет доказательств. Телесные, любовные движения — что от них осталось? Процесс, результат, рука в морской воде ночью, свечение.

От Пола остались лишь голубые-голубые глаза. Они с Лорой почти не говорят о нем; по ее словам, о нем не было никаких слухов, по радио ничего не сообщали. Он пропал — и это могло означать что угодно. Ренни не желает думать о том, что она слышала позади, в бухте, автоматные очереди, взрыв. Она не желает думать, что Пол мертв. Ведь это означает, что надежды на спасение нет. Так что лучше ей ничего не знать. Возможно, она последняя, кого он касался. Возможно, он последний, кто касался ее. Ее последний мужчина.

Она переключается на занятие по йоге, куда однажды пошла с Иокастой. Почувствуйте энергию Вселенной. Теперь расслабьтесь. Начните с ног. Скажите своим ногам: ноги, расслабьтесь. Направьте ваше сознание в щиколотки. Скажите им: щиколотки, расслабьтесь. Плывите по течению.

Она думает о Дэниеле, как он завтракает, слушая новости, которые он, впрочем, не слушает,

потому что его знания о мире сводятся более-менее к нулю, Дэниел угодил в пробку, Дэниел промочил ноги, потому что не слушал прогноз. Дэниел в операционной, перед ним распростертое тело, его руки готовятся к проникновению. А вот Дэниел наклоняется через стол, он держит за руку блондинку, которой недавно оттяпал груди. Он так хочет ее вылечить, помочь, хочет, чтобы все было хорошо. «Ты жива, — говорит он ей, со всей своей добротой и ложью, подчиняя своей воле, словно гипнотизер. — Тебе очень повезло». По ее щекам беззвучно текут слезы.

Дэниел проживает свой день в прозрачном пузыре, словно космонавт на Луне, словно редкое растение в теплице: уникум. Внутри пузыря его жизнь возможна. Нормальна. Но что стало бы с ним снаружи? Без еды и воздуха? Банальная человеческая порядочность — это мутация, извращение. Теперь она смотрит на него извне.

Отсюда с трудом верится, что Дэниел и впрямь существует: не могут же в мире существовать обе реальности. Он — мираж, необходимая ей иллюзия, талисман, который она гладит и гладит пальцами, чтобы не потерять рассудок.

Когда-то она стала бы думать о своей болезни: о шраме, о своей ущербности, о плоти, о следах

невидимых зубов. Теперь это не имеет особого значения, даже для нее самой. Самое главное, что с ней до сих пор ничего не случилось, никто ее не тронул, она невредима. Да, возможно, она умирает, но все-таки медленно, ей есть с чем сравнивать. Другие — гораздо быстрее: по ночам слышны крики.

Ренни открывает глаза. Ничто не изменилось. Прямо над ее головой, на потолке, осы начали строить гнездо. Они деловито влетают через решетку к гнезду, потом вылетают обратно. Лора называет их «испашки». Интересно, про какую войну она думает?

«Представь, что ты на самом деле здесь, — думает она. — Итак: что бы ты сделала?»

* * *

Очередное утро, время имеет цикличность и здесь. Когда приходят охранники, оказывается, у них есть имена, Сэмми и Мортон, и она знает, какое кому принадлежит, Мортон — розоватый; Ренни держится у стены. Она все еще с трудом разбирает речь местных, что они говорят, поэтому предоставляет вести диалог Лоре. Они принесли щетку для волос, не расческу, но это лучше, чем

ничего. Ренни нужна пилочка для ногтей, но она знает, что лучше не просить, слишком она смахивает на оружие. Да и Лоре пилка не нужна, она обкусала ногти до мяса.

— Попроси жвачку, — попросила Ренни Лору. — Где есть сигареты, там и жвачка.

Она хотя бы напоминает зубную пасту; ей кажется, во рту у нее помойка. Лора выходит, унося ведро.

Ее нет дольше, чем обычно, и Ренни начинает волноваться. В глубине души она боится, что Лора не сможет сдержаться, выйдет из себя, выкинет что-то такое, что нарушит порядок вещей, подвергнет их обеих опасности. «У меня, — думает Ренни, — куда больше выдержки».

Но когда Лора возвращается, то выглядит так же, никаких ран, никаких ссадин, с ней все в порядке. Она ставит пустое ведро на пол и садится на него. Ренни узнаёт этот запах разгоряченного тела, отдающий водорослями, рыбьей икрой. Лора подтирается краем юбки, встает.

— Достала я тебе жвачку, — говорит она. — В следующий раз попробую попросить туалетную бумагу.

Ренни противно. Лора могла бы проявить больше достоинства, думает она.

— Нет, спасибо, — холодно говорит она.

Лора пристально смотрит на нее.

— Чего говнишься-то?

— Ты все-таки стоишь больше пачки жвачки, — говорит Ренни. Сколько их было, хочет она спросить, один или оба? Каждый по очереди или оба сразу? Лежа или стоя? Какая гадость.

На миг Лора застыла в замешательстве. А потом расхохоталась.

— Еще бы, мать твою! У меня целых *две* пачки. Себе я тоже взяла.

Ренни молчит. Лора садится на пол и открывает пачку.

— От баб вроде тебя меня воротит, — говорит она. — Недотрога. Ты бы не дала даже ради собственной бабушки, а?

— Давай не будем об этом говорить, — отвечает Ренни.

Какой смысл. Они в одной камере, небольшой, выйти невозможно. Сейчас главное избежать стычки.

— Почему это, черт возьми? — жуя, спрашивает Лора. — Что в этом такого? По-твоему это так уж сильно отличается от того, если мужик сунет тебе палец в ухо?

— Да, — говорит Ренни.

— Только иногда, — говорит Лора.

Ренни отворачивается. У нее вдруг скручивает желудок. Она не хочет смотреть на обкусанные руки Лоры, нервно открывающие пачку сигарет, на эту сигарету в ее пересохших губах, на уголки губ.

И вдруг та расплакалась! Ренни даже не верит: Лора судорожно всхлипывает, крепко зажмурившись.

— Сууки! Они держат Принца. И не разрешают мне повидать его, все обещают и обещают. Что мне остается делать?

Ренни растеряна, она опускает взгляд на собственные руки, которые должны бы дарить утешение. Сочувствие. Она должна подойти к Лоре, обнять ее, потрепать по спине — но не может.

— Прости, — говорит она.

«Бабы вроде тебя». Что ж, она это заслужила. Для нее есть термин, она отмечена, он ей подходит. Лора шмыгает носом, прекращает рыдать, вытирает нос тыльной стороной ладони. Она обижена, оскорблена, понемногу успокаивается.

— Как ты поняла? — спрашивает она.

* * *

Ренни сгибается вдвое, с трудом ковыляет к ведру. Все случилось неожиданно, она чувствует, как у нее по спине струится пот, у нее кружится голова, боль дикая. В нее что-то внедрилось, окопалось, проклятые клетки захватили ее, тело предало.

Она ложится на пол, пусть и сырой. Закрывает глаза, кажется, голова у нее как дыня, мягкая и розовая, и сейчас лопнет, и она умрет, ей хочется воды, даже с привкусом хлорки, всю воду Великих озер с ее химикатами, черт, самоирония улетучилась в самый неподходящий момент, она хочет воды, в любом виде, хоть кубик льда, хоть сладкую сифонную шипучку. Что она такого сделала, она не виновата, все это происходит с ней безо всякой причины.

— Ты чего? — спрашивает Лора.

Она подходит, трогает ее лоб, обгрызенные пальцы будто оставляют отпечатки. Ее голос слышится откуда-то издали. Ренни собирает все силы.

— Попроси их вызвать врача, — выдыхает она.

— Из-за этого? У тебя диарея, болезнь туристов, — говорит она. — «Месть Монтесумы». Она

настигает каждого, рано или поздно. Поверь мне, жить будешь.

* * *

Снова ночь. Кто-то кричит, очень далеко, если отключиться, то кажется, будто где-то вечеринка. И Ренни переключается. Теперь она может спать и со светом из коридора, она засыпает безо всякого труда, никто пока ее не тронул, она засыпает, обхватив себя руками. Когда крик прекращается, это еще хуже.

Ренни снится мужчина с веревкой, снова и снова. Это единственный мужчина, который с ней остался, он следовал за ней, он все время был рядом, ждал ее. Иногда ей кажется, что это Джейк забирается к ней в окно с чулком на лице, для забавы, однажды он так сделал; а иногда — что это Дэниел, вот почему у него в руке нож. Но нет, это не они, и не Пол, и никто из известных ей мужчин. Его лицо меняется, черты ускользают, порой он становится невидимкой, она его не видит, вот что пугает ее до ужаса, что на самом деле его нет, он лишь тень, анонимная, знакомая, с серебристыми глазами, они блестят и отражаются в ее глазах.

Лора трясет ее, хочет разбудить.

— Господи Иисусе, — говорит она. — Ты что, хочешь всех копов перебудить на нашу задницу?

Ренни извиняется.

* * *

Сейчас полдень; Ренни понимает это, потому что в камере жарко и по положению солнечного луча; а вскоре приносят рис. Насколько же она стала зависима от нее, от этой жестяной тарелки. День заканчивается, когда тарелка опустошается, и тут же начинается новый день, день ожидания — в тот момент, когда кости отправляются в красное ведро. Ее жизнь теперь свелась к одному-единственному звуку — глухому звону колокольчика.

Во дворике снаружи какая-то возня; вдруг раздаются резкие голоса, крики, затем скрежет и лязганье. А потом крик. Лора резко встает, ее тарелка падает на пол, еда рассыпается.

— Боже, они начали расстреливать!

— Нет, — говорит Ренни. — Не слышно никаких выстрелов.

— Давай, — говорит Лора.

Она нагибается и складывает руки лодочкой.

— Не думаю, что стоит выглядывать, — говорит

Ренни. — Нас могут увидеть.

— Вдруг там Принц! — говорит Лора.

Ренни бережно ставит свою тарелку на пол. Потом ставит одну ногу на руки Лоры, поднимается, хватается за прутья.

Во дворе много людей: пять или шесть мужчин в форме, двое в синей полицейской и еще одна группа, кажется, они связаны вместе, их толкают, они падают на колени, прямо в сорняки и обрывки колючей проволоки, в руках у полицейских палки — или это электрошокеры? У мужчин, стоящих на коленях, длинные волосы, длинные черные волосы, висящие патлами, Ренни сначала даже кажется, что это женщины, но они обнажены по пояс и грудей у них нет.

На одном из них до сих пор шерстяная шапочка; какой-то полицейский срывает ее, и волосы льются волной. Через ворота в панике прибегает свинья, зигзагами уворачиваясь от мужчин, стоящих и упавших, копы ржут, двое начинают гоняться за ней с шокерами, она залетает под настил виселицы, а оттуда снова уносится через ворота. Стоящие на коленях поворачивают головы, провожая ее взглядом.

Теперь Ренни видит, что у одного из полицейских в руках винтовка, он поднимает ее, и на

миг Ренни уверена, что сейчас он расстреляет всю человеческую цепочку. Он помедлил, наверное, чтобы они затряслись от ужаса. Но потом откреплял штык и начинает медленно обходить пленников сзади, не торопясь, покачивая бедрами, без суеты, упиваясь моментом. Он делает все это не по приказу: нет, он получает явное удовольствие. Издевается.

— Что там? — шепчет Лора.

Ренни не отвечает.

Полицейский хватает за волосы первого мужчину, почти любовно убирает их в хвост, наматывает на кулак и вдруг резко дергает на себя, так что мужчина откидывает голову, подставляя обнаженное горло. Это еще хуже, настоящая резня.

Но полицейский лишь взмахивает штыком и отрезает ему волосы; больше ничего. За ним идет другой коп, с зеленым мешком для мусора, он бросает туда волосы. От такой аккуратности у нее бегут мурашки.

— Что там? Что они делают? — спрашивает Лора.

Он подошел ко второму, во дворе на удивление тихо, солнце уже клонится вниз, предметы ярко освещены, лица мужчин блестят от пота, страха, усилий сдержать закипающую ненависть, лица

полицейских тоже блестят, они тоже сдерживаются, они упиваются этим, всей этой церемонией, точной, как хирургическая операция, они «внедряют меры», он откидывает голову следующего, с седыми волосами, снова взмах штыком, но на этот раз он не рассчитал, мужчина взвывает, голос не похож на голос, в его распахнутом рту нет зубов, по лицу струится кровь. Мужчина с оружием сует отрезанные волосы в пакет и вытирает руку об рубашку. Он маньяк, тяжелый торчок. Скоро ему захочется большего.

Мужчина на коленях продолжает выть. С готовностью, словно ждали этого, двое копов подходят к нему и бьют ногами в живот. Третий обливает его водой из пластикового ведра. Тот падает, от удара о брусчатку его удерживают веревки, которыми он привязан к остальным пленникам, один из копов сует ему шокер между ног, мужчина дергается, кричит не по-человечески.

— Поднять его, — приказывает главный, и его поднимают.

Он продолжает идти вдоль цепочки, а лицо раненого оказывается прямо напротив Ренни, по нему течет кровь, и она понимает, кто это, тот самый глухонемой, у которого голос есть, а слов нет, он видит ее, она не может спрятаться,

ей жутко, он хочет, чтобы она помогла ему, он просит, *умоляю*.

— Опусти меня, — говорит Ренни.

Самая лучшая стратегия для них — не привлекать внимания. Она прижимается к стене, вся дрожа. Это непристойно, ведь это не кетчуп, здесь может случиться самое непредставимое, пока еще нет крыс в промежности, но лишь потому, что они еще не додумались, они в этом новички. Она боится мужчин, все просто и рационально, она боится мужчин, потому что они ужасны. Она видит того мужчину с веревкой — теперь она знает, как он выглядит. Ренни впервые приходит в голову, что вовсе не факт, что она вообще когда-нибудь выберется отсюда. Она *не исключение*. Никто здесь не исключение.

— Боже правый, что там происходит? — спрашивает Лора, все еще шепотом, держа Ренни за плечи.

— Принца там нет, — говорит Ренни. — Им волосы обрезают.

Она встает на колени, поднимает кусок курицы, который уронила Лора, отряхивает пальцами сор, кладет обратно на тарелку.

— Ты должна есть, — говорит она. — Мы должны есть.

* * *

Поздним утром, в обычное время, заходят двое охранников. Сегодня один новенький, совсем юный, тощий парнишка, с гладким, как слива, лицом и невинными глазами. Она взглянула на него и поняла: он ничего не знает. Мортон напуган, он держит одну руку наискосок, почти касаясь пистолета, все вышло из-под контроля. Его пугает именно невинность второго.

Они отпирают дверь. Лора насторожена, но все-таки наклоняется, чтобы взять вонючее красное ведро.

— Ее очередь, — говорит Мортон, указывая другой рукой на Ренни. — Ты каждый раз ходишь.

Ренни удивлена, она знает, чего от нее потребуют, и не готова, но тут вперед выходит Лора, она готова к бою.

— Почему это? — говорит она. — И где Сэмми?

— Мне все равно какая, — говорит паренек. Значит, он кое-что слышал и хочет свою долю, знает что, но не знает за что.

— Закрой рот, — говорит Мортон.

Он боится, что молодой его выдаст, он неплохо соображает и кое-что понял, но все-таки он дурачок и все им расскажет, может, не нарочно,

но проболтается. Он хочет, чтобы пошла Ренни, а не Лора, потому что с ней безопаснее, вот что он думает.

— У Сэмми бабушка заболела, — говорит он Лоре.

— Ага, прямо беда, — говорит парень и хихикает, тонким голосом, нервно. — А зачем тебе Сэмми? Я ничем не плох.

— Я пойду, — говорит Ренни. Она не хочет скандала, иначе будет только хуже.

— Нет! — воскликнула Лора. Дверь приоткрыта, она ныряет к ней и выбегает в коридор. — Что с Принцем? Все, да? Вы не хотите, чтобы я узнала, не хотите мне говорить? Черт! Куда вы его дели?

Она держит Мортона за руку, и пóтом покрывается он, а не она, она собранна и настойчива. Паренек смотрит на них, стараясь понять, в чем дело. Потом хихикает.

— Принц? Ты про того самого, Принца мира? Да его здесь и не было, ты чё.

— Заткни свой поганый рот, — шипит Мортон.

— Ты сказал ей, что он жить? — продолжает парень. — Да он давно мертвяк! — Он как будто забавляется. «Может, он под кайфом, — думает Ренни, — это бы многое объяснило».

— Когда? — спрашивает Лора тихо — мальчи-

ка, не Мортона. Она уронила руки и больше не держит его.

— Какого хрена ты ей рассказал?! — с презрением говорит Мортон.

Мальчик выдал его с потрохами.

— Он угодил в перестрелку, — говорит тот. И снова хихикает. — Так по радио сказали. Ты говорить ей, что он здесь, чтобы она стараться, ублажать тебя, ага? Плохой ты человек, — он уже не хихикает, а ржет вовсю, словно давно не слышал ничего потешнее.

— Свинья! — бросает Лора Мортону. — Ты знал с самого начала. Просто боялся, что если я узнаю, то все расскажу и все узнают про твои делишки. Его застрелили в спину, так?

Мортон похлопывает ее по руке, утешая, ни дать ни взять добрый доктор.

— Иди обратно, — говорит он. — Я делать для тебя всё, что мог. Радуйся, что сама жива.

— Пошел ты, гнида! — визжит Лора. — Я всем про тебя расскажу, никто не смеет меня так динамить, тебя тоже пристрелят, мудила!

По лицу у нее текут слезы. Ренни делает к ней шаг.

— Лора. Ты ничего не можешь сделать.

Но Лора не успокаивается. Мортон уже толкает

ее к двери камеры.

— Свинья, ублюдок! — кричит она. — Убери свои поганые руки!

Она хочет ударить его ногой в пах, но он слишком проворен, хватает ее за ногу и отталкивает на руки напарнику, тот быстро реагирует, все-таки он не обкуренный — ловит ее и заводит ей руки за спину. Мортон дает ей ногой в живот, она ловит ртом воздух. Ее больше не надо держать, через минуту она уже молчит, ну почти, и они тоже молчат, не произносят ни слова. Они бьют ее по грудям, ягодицам, животу, промежности, по голове, даже подпрыгивают. *О, Господи!* Мортон вынимает пистолет и бьет ее рукояткой, он хочет сломать ее, чтобы она больше никогда не смела открыть рот. Лора извивается на полу, наверное, она уже ничего не чувствует, но все-таки извивается, словно червяк, которого разрубили надвое, стараясь увернуться от ударов, но они бьют ее ботинками — не увернуться.

Ренни хочет крикнуть: прекратите! Она хочет найти в себе силы это сделать, но не может издать ни звука, тогда они *увидят* ее. Она не хочет на это смотреть, но она должна, почему никто не закроет ей глаза?

* * *

Вот что произойдет.

Ее отведут в маленькую комнату, с пастельно-зелеными стенами. На стене будет висеть календарь с фотографией закатного солнца. Там будет стол, на нем телефон и какие-то бумаги. Окон в комнате нет.

За столом будет сидеть полицейский, в годах, с короткостриженными седыми волосами. Перед столом стоит стул, Ренни сядет на него, когда тот ей скажет. Полицейский, который ее привел, встанет прямо за ней.

Ее просят подписать постановление об освобождении, где сказано, что во время заключения она не подвергалась какому-либо насилию и не была свидетелем применения насилия к кому-либо из заключенных. Она вспоминает Лору, ее лицо, сплошную рану. Она понимает, что без росчерка на этой бумаге ее могут не отпустить. Ей кажется, она разучилась писать. Она подписывает.

Ее чемодан из отеля у них, сумочка тоже. Старший спрашивает, может, она хочет переодеться перед встречей с господином от канадского правительства, который приехал, чтобы встретиться

с ней. «Прекрасная мысль», — думает Ренни. Ее уводят в другую маленькую комнату, почти копию первой, только календарь другой, на нем белая девушка в синем купальнике, цельном. Окон нет. Она знает, что там, за дверью, ждет молодой полицейский. Она открывает свой чемодан и видит свои вещи, точнее, вещи, когда-то принадлежавшие ей. Ее реакция неожиданная, срыв. Она разрыдалась.

Ренни толкает дверь изнутри, та открывается, Ренни выходит. Она все такая же грязная, но ей кажется, что уже не настолько, что она выглядит пристойно, на ней хлопковое бледно-голубое платье, волосы расчесаны, насколько ей удалось разглядеть себя в карманное зеркальце. В правой руке у нее чемодан, на левом плече висит сумочка. Ни в чемодане, ни в сумочке паспорта нет. Значит, ее пока не отпустили. Она решила не спрашивать, где ее сумка с фотокамерой.

Ее сопровождают вверх по лестнице, по каменному коридору и вводят в просторную комнату с одним окном. Она старается припомнить, каково это, находиться в таком огромном помещении, смотреть в такое гигантское окно. И она смотрит. Под ней — грязное поле, на котором когда-то стояли палатки. Теперь оно опустело. Она сооб-

ражает, что находится в одной из комнат, куда обычно приводят туристов, где собирались устроить торговлю местными промыслами; давно это было. В углу два деревянных стула, рядом стоит мужчина, ждет. На нем очки-хамелеоны и куртка-сафари.

Он пожимает Ренни руку, они садятся. Он предлагает ей сигарету, черную с золотым ободком, она отказывается. Мужчина улыбается, он немного напряжен. Говорит: «Конечно, вы заставили нас изрядно поволноваться». Они были бессильны, пока регион был дестабилизирован, а правительство в панике. «Они перешли границы, — говорит он, — но теперь ситуация нормализуется».

Безусловно, правительство не может принести публичные извинения, но он хочет, чтобы она знала, неофициально, что они глубоко сожалеют о произошедшем инциденте. Они понимают, что она журналист, а с журналистами так обращаться нельзя. Это была ошибка. Они надеются, что она согласится взглянуть на случившееся с этой точки зрения.

Ренни кивает и улыбается. Ее сердце забилось, к ней вернулась способность думать.

— Конечно, — отвечает она.

— Сказать по правде, — продолжает мужчина, — они думали, что вы агент. Агент иностранного правительства. Под прикрытием. Ну не абсурд ли? Но в таких странах это, увы, обычное обвинение.

Он явно нервничает, он к чему-то подводит, наконец решается. Он говорит, что прекрасно понимает, что она журналист, но сейчас такой тонкий момент, выпустить ее отсюда — задача более сложная, чем она, возможно, представляет, она ведь не знает, каким образом управляются такие маленькие страны, их возглавляют весьма темпераментные люди. Нерациональные. К примеру, премьер-министр крайне недоволен, что американцы и канадцы не направили сюда свои армии, флот и BBC, чтобы оказать ему поддержку в этой, прямо скажем, незначительной заварушке, которая была обречена с самого начала. И премьер-министр вроде как считает, что, раз военные силы так и не объявились, Ренни лучше пока держать в камере. В качестве заложницы. Она способна это понять?

Ренни отвечает утвердительно.

— Я так понимаю, вы приказываете мне не писать о том, что со мной произошло, — говорит она.

— Я прошу, — поправляет он. — Конечно, мы признаем свободу прессы. Но для них это вопрос спасения чести.

— Для вас тоже, — говорит Ренни. — Вы хоть немного представляете, что там творится?

— Церковная комиссия провела инспекцию и осталась удовлетворенной условиями содержания, — произнес он заученной скороговоркой. — В любом случае мы не можем вмешиваться во внутренние дела.

— Пожалуй, вы правы, — говорит Ренни. Она хочет получить обратно паспорт, она хочет уйти. — Как бы то ни было, это не моя тема, — говорит она. — Я никогда не писала материалы на эту тему. Обычно я пишу о путешествиях и о моде. О стиле жизни.

Он явно успокоился: она все понимает, в конце концов она оказалась разумной женщиной.

— Конечно, мы не позволяем себе оценочных суждений, — говорит он, — мы предоставляем помощь только в мирных целях. Но — entre nous[15] — мы не хотим себе на голову вторую Гренаду.

Ренни смотрит в окно. Там самолет, он летит под острым углом в продолговатое пространство

---

[15] Примечания: 15
Между нами (*фр.*).

неба, сверкает серебристым боком на неприлично синем фоне. Наверное, это дневной рейс с Барбадоса, на котором прилетела и она, теперь он снова летит вовремя. Ситуация нормализуется, во всех отношениях, и с каждой минутой все больше и больше.

— На самом деле мне очень хочется забыть обо всем этом как можно быстрее, — говорит она. — Это не то приключение, которое будешь вспоминать с удовольствием.

— Конечно, — отвечает он. Потом поднимается, она тоже, рукопожатие.

* * *

Когда все закончилось, когда Лора уже не шевелится, они широко открывают решетчатую дверь и бросают ее внутрь. Ренни отступает вглубь, в сухой угол. Лора падает на пол и просто лежит, без движения, словно груда одежды, лицом вниз, руки и ноги распластаны. Волосы разметаны во все стороны, юбка задрана, трусы порваны и сквозь грязь на ногах уже начинают проступать гематомы, на мощных бедрах тоже, вот оно, глубокое проникновение; а может, они были и раньше, может, она вечно в синяках. Пахнет калом, им измазана юбка, вот чем всё закончилось.

Полицейский постарше плеснул на нее чем-то сквозь решетку из красного ведра.

— Она запачкаться, — говорит он то ли Ренни, то ли сам себе. — Пусть помыться.

Оба гогочут. Ренни испугалась, а вдруг это не вода.

Они уходят, заперев дверь. Лора лежит на полу не двигаясь, и Ренни думает: «А вдруг она умерла?» Они не вернутся еще долго, может, до завтрашнего утра, и она всю ночь проведет здесь наедине с мертвым телом. Здесь должен быть врач. Она осторожно обходит Лору кругом, на полу растекается лужа, смесь крови и воды, все-таки это оказалась вода. Ренни выглядывает в коридор через прутья двери, смотрит в обе стороны, вытягивая шею, насколько может. Никого нет, коридор пуст и безмолвен, лампочки на потолке расположены на равном расстоянии, между ними провисают усы проводов. Одна перегорела. «Надо кому-то сообщить», — думает Ренни.

* * *

Ренни в кухне, она делает себе бутерброд с арахисовым маслом. Где-то работает радио, она слышит мягкое воркование голосов, а может, это телевизор, серо-голубой туманный прямоуголь-

ник в гостиной, напротив него сидит бабушка, созерцая свои видения. Ренни разрезает бутерброд на четыре части и кладет на тарелку, она любит такие маленькие ритуалы, потом наливает себе стакан молока.

Бабушка появляется в проходе между столовой и кухней. На ней черное платье в белый цветочек.

— Я не могу найти свои руки, — говорит она, протягивая руки к Ренни, беспомощно, кисти безвольно свисают вниз.

Ренни противно думать, что ее коснутся эти паучьи лапы, ей кажется, это руки слепого или слабоумного, прокаженного. Она заводит свои руки за спину, отступает в угол и начинает двигаться по стенке, может быть, ей удастся добраться до выхода и выскочить в сад.

— Где же все? — говорит бабушка.

Она начинает плакать, жмуря глаза, как маленький ребенок, скупые слезы прячутся в морщинах.

В кухню заходит мать Ренни, неся большой коричневый пакет с покупками. На ней одно из «прогулочных» платьев, темно-синее.

— В чем дело? — спрашивает она Ренни.

— Я не могу найти свои руки, — говорит ба-

бушка.

Мать терпеливо, с презрением смотрит на Ренни, на бабушку, оглядывает кухню, бутерброд с арахисовым маслом, пакет с покупками. Аккуратно опускает его на стол.

— Ты что, до сих пор не научилась? — говорит она Ренни. — Вот же они. Там, куда ты их положила.

И она крепко сжимает дрожащие руки бабушки в своих.

* * *

Солнечные лучи проникают сквозь окошко и квадратами ложатся на пол, в одном из них левая рука Лоры, грязные, квадратные, обкусанные пальцы безвольно скрючились, но невредимые — руки они не трогали — и блестят, почти прозрачные в ярком свете. Тело же в тени, в луже воды, правая рука повисла в воздухе. Ренни садится на колени на сырой пол и трогает руку Лоры, она холодная. Тогда Ренни берет ее обеими руками. Ей все равно непонятно по руке, дышит Лора или нет, бьется ли еще ее сердце. Как она может оживить ее?

Очень осторожно, ведь это важно, она переворачивает Лору на спину, тело тяжелое,

неподатливое, грузное. «Мертвый груз». Ренни оттаскивает ее в сухой угол, садится и кладет плечами к себе на колени. Убирает слипшиеся волосы с ее лица, которое не похоже на лицо, это сплошная рана, кровь сочится из ссадин, одна из них на лбу, другая тянется через щеку, рот похож на плод, раздавленный колесами, это просто мякоть, Ренни тошнит; она больше не понимает, кто перед ней, кто-то совсем чужой, она бессильна, это лицо незнакомого человека, у которого нет имени, слово «Лора» повисло в воздухе, оно больше ни к кому не относится, существует отдельно от этого полутрупа, от этой груды плоти, ей нечем отереть это лицо, всё, что есть в камере, слишком грязное, заразное, кроме ее, Ренни, рук, она могла бы облизать его, вылизать начисто, это было бы лучше всего — как животное, ведь именно так поступают, порезав палец, сунь в рот, убей микробов, если нет воды, говорила ей бабушка, но она не может, это же лицо Лоры, в конце концов, не существует никаких безликих незнакомцев, каждое лицо — чье-то, и у него есть имя.

Она держит левую руку Лоры в ладонях, та неподвижна, абсолютно неподвижна, и всё же Ренни знает, что надо держать ее за руку, сжимая изо всех сил, что в пространстве есть невиди-

мый тоннель, и Лора сейчас по ту сторону, и она должна вытянуть ее обратно, она даже скрипит зубами от напряжения, она слышит собственный стон, наверное, это и есть ее голос, у нее есть дар, и это самое трудное, что ей приходилось делать в жизни.

Она держит Лору за руку крепко-крепко, застыв в полной неподвижности. Она уверена, если она постарается как следует, что-то зашевелится и проснется к жизни, что-то родится.

— Лора, — зовет она.

Имя опускается вниз и проникает в тело, что-то щелкнуло, дрогнуло или нет?

— О боже, — говорит Лора.

Неужели правда? Ренни боится опустить голову ниже, к самому сердцу, она боится, что ничего не услышит.

* * *

А затем самолет взлетит. Это будет «Боинг-707». Ренни сядет примерно в середине, салон будет неполный, в это время года всё забито в обратном направлении, с севера на юг. А она летит в зиму. Через семь часов она будет в аэропорту, в терминале, конец маршрута, выходите. Впрочем, там же и начало, можно отправиться куда-то еще.

Когда она наконец окажется дома, на земле будет лежать снег, она возьмет такси и поедет мимо застывших голых деревьев, бетонных зданий, жилых домов — обувных коробок, такси остановится, она даст водителю, сколько надо, поднимется по лестнице и войдет через дверь своей квартиры в неизвестность. Она не знает, кто ее там ждет, кто там будет, и это означает — кто угодно, в буквальном смысле слова. А может быть, никто, и это будет не то чтобы хорошо, но терпимо. В любом другом месте все равно будет хуже.

Она пьет имбирный эль и листает журнал авиакомпании под названием «Отдых». Вверху обложки изображено солнце, оранжевое, с пририсованной улыбкой, с толстыми щечками, подмигивающее. А внутри — сплошь пляжи, море, зелено-синее, невероятное, и тела, белые и черные, розовато-коричневые, светло-коричневые, желто-коричневые, одни обслуживают, других обслуживают. Сервис. Вот блондинка в мини-саронге из батика в красноватых разводах… Она чувствует форму ее руки в обеих ладонях, вроде здесь, а вроде нет, словно последняя вспышка догоревшей спички. И это останется с ней навсегда.

Вкус у эля такой же, как раньше, и кубики льда такие же, с отверстиями. Она подмечает мелочи точно так же, как делала всегда. То, что она видит, не изменилось; изменился ее взгляд. Всё вокруг такое же, как было. И совершенно иное. Ренни кажется, что она возвращается из космоса или из поездки в будущее; изменилась она сама, но ей будет казаться, что изменились все люди, как по волшебству. И теперь живут в другом измерении.

Через пустое кресло от нее сидит мужчина. Но он пересаживается ближе, говорит, что хотел бы посмотреть в окно, бросить, так сказать, прощальный взгляд. Он спрашивает: «Вы не против?» — и она говорит: «Нет». Ничего примечательного, какой-то служащий, на нем костюм, он пьет виски с содовой; наверное, менеджер по продажам.

Он спрашивает, долго ли она там была, Ренни говорит: «Три недели». Он: «А вы не особенно загорели». Она: «Я не особо люблю лежать на солнце». Она спрашивает, чем он занимается, он говорит: «Представитель компьютерной компании». «Интересно, он тот, за кого себя выдает?», — думает Ренни; она теперь про всех так думает.

— В отпуск летали? — спрашивает он.

Она могла бы изобразить туристку, но не хо-

чет.

— По работе.

У нее нет никакого желания откровенничать, все равно никто не поверит. В любом случае она — агент. Раньше нет, а теперь — да. Настоящий репортер. Она выждет время; а потом напишет. Впервые в жизни пойдет против течения.

Он спрашивает:

— Вы секретарь?

— Я пишу о путешествиях, — говорит она.

Он реагирует ожидаемо: смесь удивления и уважения, надо же, по ней не скажешь. Она говорит, для кого пишет.

— Там ведь заварушка была? — говорит он. Потом добавляет, что знаком с островом, там даже корта приличного нет, и она соглашается:

— Точно.

Он спрашивает, часто ли она ездит одна, она говорит, что да, часто, такая у нее работа. Он пригласил ее поужинать, и она задумалась. Можно сказать, что ее встречает муж, или что она лесбиянка, или что скоро умрет. Она говорит: «Простите, но у меня правда мало времени, срок сдачи статьи», — и он сдувается, чувствует, что его отвергли, ему неприятно, он пересаживается обратно на свое место и открывает дипломат,

набитый бумагами.

Она смотрит в иллюминатор; ярко светит солнце, под ними море и какие-то острова, она не знает, какие именно. Там, внизу, — тень самолета, она скользит по морю, потом по суше, словно облако, просто чудо. Все вполне обычно, но на какой-то миг она перестает верить, что она здесь, так высоко; что держит их на лету? В самих эпитетах кроется противоречие, тяжелый металлический объект — и летит в пространстве; это просто невозможно. Но если она будет упорно об этом думать, они упадут. «*Ты умеешь летать*», — говорит она, просто так, сама себе.

Кондиционер работает слишком мощно, воздух снаружи поступает сквозь крохотные отверстия, Ренни мерзнет. Она обхватывает себя руками, правый палец нащупывает шрам под платьем. Он выпирает, как напоминание, как голос, который отсчитывает время; обратный отсчет. Впереди маячит нуль, кто бы ни говорил, что наша жизнь — вечна; так за что испытывать благодарность? У нее осталось не так много времени для чего бы то ни было. Как и у остальных. Просто она больше об этом думает, вот и все.

Ее никогда не спасут. Однажды ее уже спасли. Она не исключение. Нет, ей просто повезло; и

внезапно ее наконец-то переполняет счастье, счастье — вот что держит ее на лету.

Благодарности

Автор благодарит Канадский совет и фонд Гуггенхайма за содействие в создании этой книги.

Она также благодарит Нэн Тализи, Донью Перофф, Фиби Лармор, Майкла Брэдли, Дженнифер Глоссоп, Джека Маклелланда, Кэролин Мултон, Розали Абеллу, Дэна Грина, Сьюзан Милмоу, Кэролин Форш и многих других, кто здесь не назван, но чья помощь была бесценной.